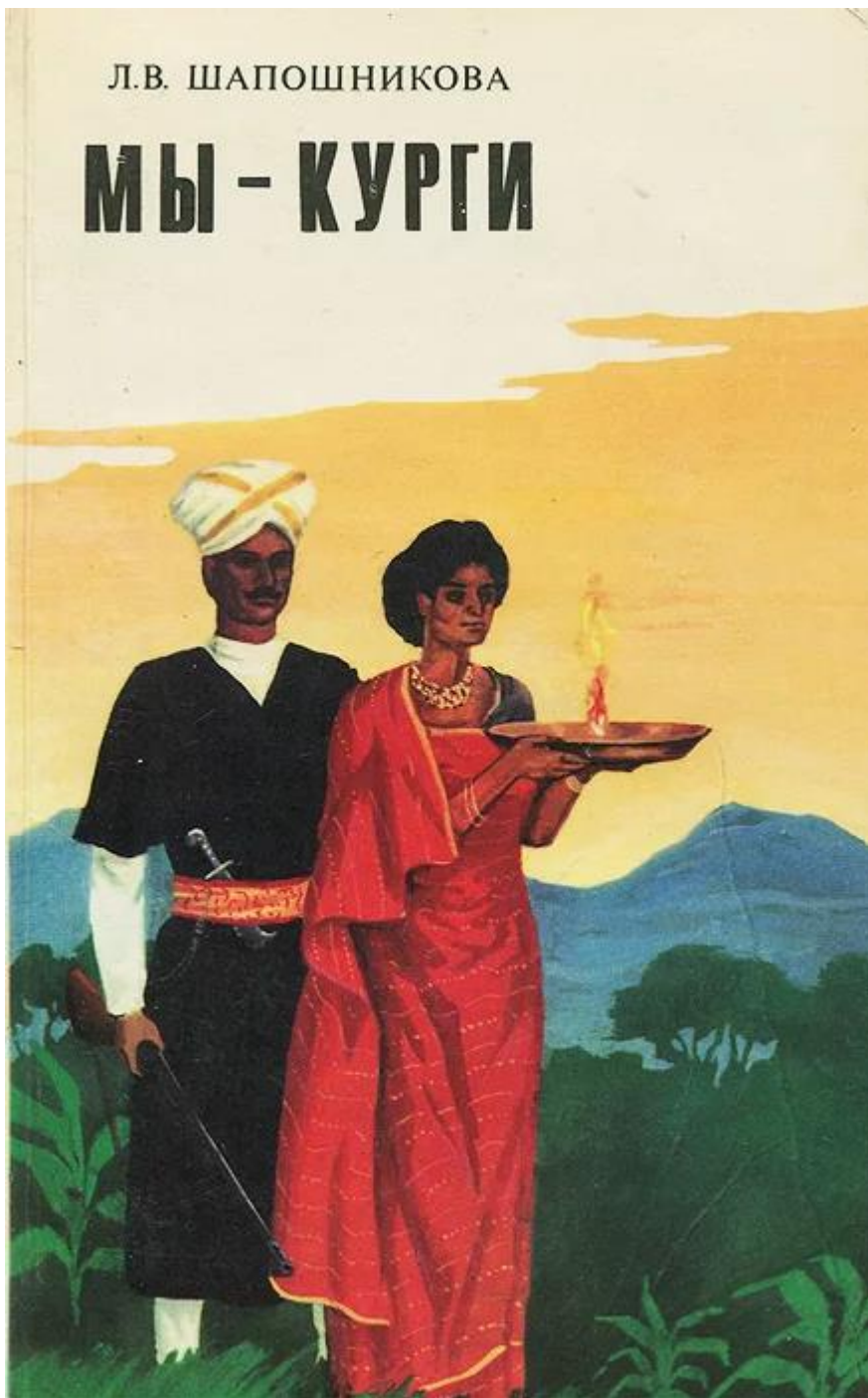


Л.В. ШАПОШНИКОВА

МЫ - КУРГИ



Л.В.ШАПОШНИКОВА

МЫ-КУРГИ

Правдивые книги о сказочной стране

Между Индией и Советским Союзом издавна существует нерушимая дружба. Эта дружба углубилась и укрепилась после освобождения Индии от колониального гнета и превращения ее в самостоятельное государство. С тех пор расширяются и крепнут экономические и культурные связи между народами обеих стран, и эта крепкая советско-индийская дружба является в настоящее время важным вкладом в дело всеобщего мира. Советские писатели, художники и артисты — частые гости индийских друзей. В свою очередь делегации Индии встречают самый теплый прием на советской земле.

Взаимное ознакомление с общественным устройством, историей и географией двух великих стран служит еще большему взаимопониманию, являясь показательным примером дружеского сотрудничества народов. При этом изучаются не только исторические судьбы и пути развития стран, но глубже и шире раскрываются картины сегодняшней действительности. Эти задачи никогда не сходят с планов работ ученых-исследователей и писателей-путешественников.

Очень много рассказали о жизни народов Индии широкому советскому читателю книги, уже написанные об этой удивительной стране. Но Индия населена множеством отдельных малых народов и племен, о сегодняшнем существовании которых очень мало известно советским людям. Судьбы этих народов представляют большой интерес, и они полны неожиданностей.

Среди многих авторов, чьи произведения рассказывают об этих племенах и народах, особенно выделяются книги, созданные ученым и писателем Людмилой Васильевной Шапошниковой. Она много жила в Индии, проникала в ее самые глухие уголки, к людям, живущим еще жизнью, далекой от жизни современных городов, изучала их обычаи, была свидетельницей служения языческим культам, еще

встречающимся в джунглях Южной Индии. Будучи ученым, внимательным исследователем и обладая острым пером, Л.В.Шапошникова выступает как ученый и писатель в одном лице, создавая убедительные, живописные рассказы о виденном.

Л.В.Шапошникова владеет местными языками, в силу чего ее знакомство с представителями различных народов и племен органично и широко. Для нее нет языковых тайн, и это обстоятельство, а также знание местных обычаев дает ей возможность рассказывать о явлениях, которые ею раскрыты во всей своей глубине.

В ее книгах оживают пейзажи, люди, звери, легенды и сказки. Она одновременно и географ, и филолог, и этнограф, и историк, и блестящий рассказчик.

Книги Шапошниковой открывают целые неизвестные миры. Действие ее географических рассказов происходит главным образом на юге Индии. Советскому читателю хорошо известны ее книги «По южной Индии», «Парава — летучие рыбы», «Годы и дни Мадраса», а также книги, посвященные описанию малых народов и племен юга Индии.

Серия книг о малых народах и племенах начинается с «Дороги джунглей», повествующей о племенах Кералы — маннанах, маласарах, кадарах, мудугарах. В этой книге мы найдем и очерки об Ориссе, где перед нами пройдут племена кхонды, бонда, гадаба. Отдельные очерки посвящены людям, чьи истории рассказаны самостоятельно, как, например, «История Кадана и Лакими», «Мупати Рами», «Судьба Джанмутти из Камбеси».

Л.В.Шапошникова изучала свой материал годами. Уже одно то, что книге «Дороги джунглей» была присуждена премия Неру в 1967 году, свидетельствует о высокой ценности ее труда. Эта книга была позже издана в ГДР и Румынии.

Следующей книгой этой серии была «Тайна племени Голубых гор». Мы переносимся в горы Нилгири, в штат Тамилнаду, где обитает племя тода. Тода представляется до сих пор загадкой, потому что это племя принадлежит к средиземноморской ветви европейской расы. Помимо описания обычаев и традиций тода автор рассматривает вопрос о происхождении племени. Эта книга была

частично опубликована в индийских журналах. Она вышла отдельным изданием в ГДР и Венгрии.

Третья книга серии «Австралоиды живут в Индии» повествует о ряде племен штатов Андхра-Прадеш, Тамилнаду и Керала. Речь идет о племенах, принадлежащих к древнейшему слою населения Индии, так называемому австралоидному. В этой книге читатель найдет главы, где рядом с достоверными фактами есть картины, граничащие с фантастикой. Но не будем ничему удивляться. Все это правда. Контраст же появляется потому, что наряду с жизнью современных больших индийских городов существует в джунглях Индии жизнь так называемых австралоидов, которые и сегодня подобны первобытным охотникам, людям джунглей.

Завершает серию о малых народах новая книга Шапошниковой «Мы — курги». Курги — малый народ, имеющий большую историю, народ с трагической судьбой, испытавший все превратности жизни, бывший некогда славным и известным, повергнутый в несчастья, принесенные ему чужеземным господством. Этот маленький трудолюбивый мужественный народ сохранил свой язык, свои легенды и верования и держится обычаев старинного семейного уклада.

Книги Л.В.Шапошниковой, красочные и впечатляющие, — это путешествия к людям иного мира. Они обогащают нас и лишний раз показывают, как неохватен мир и как много в нем нам еще не известно, хотя люди этого мира живут с нами в одно время на одной планете.

Л.В.Шапошникова своими книгами продолжила лучшие традиции русских ученых и писателей, так же как и традиции русской индологии, основание которой положил И.П.Минаев. Она продолжила не только изучение классической индийской культуры, но и жизни этой страны во всей ее сложности и многообразии. И каждый ее новый рассказ о сегодняшней Индии крепит нашу сердечную дружбу с великим индийским народом.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

1

«Все курги очень рады...»

— Кто здесь профессор? Кто здесь профессор? — прокричали снаружи, оттуда, где лил дождь и все было сырым и промозглым,

Я сидела в автобусе, а автобус стоял посреди небольшой площади города. Город назывался Меркара. Я глянула в окно и увидела человек пять мужчин под зонтиками. Их брюки были высоко засучены. Все пятеро одновременно вскидывали зонтики, как будто старались разогнать пелену дождя, заслонявшего от них автобус.

— Кто здесь профессор? — очень дружно вновь прокричали они, но в их голосах уже не чувствовалось уверенности и напористости.

Поскольку все остальные пассажиры в автобусе молчали и не обращали внимания на этих пятерых, я набралась смелости и, высунувшись в окно, сказала:

— Я профессор.

Что-то малодушно екнуло у меня внутри, хотя я знала, что в Индии каждого преподавателя называют профессором.

— Я профессор, — менее уверенно повторила я. — А вы кто?

— Мы представители Курга, — дружно проскандировали пятеро и бросились к подножке автобуса, держа зонтики на перевес.

— Сюда, профессор, мы вас прикроем.

В какой-то момент зонтики напомнили мне шпаги — пять боевых шпаг, прикрывавших мое вступление в Кург. Потом шпаги вновь превратились в зонтики, галантно и мирно защищавшие мою голову от дождя.

— Я налоговый чиновник — Говинда, — сказал один из пятерых. — Мы все рады, что вы к нам приехали.

— Да, да! Все курги очень рады, — подхватили остальные четверо. — И генерал Кариappa тоже очень рад.

— Ну раз так, — ответила я, — то я тоже очень рада.

— И прекрасно, — обрадовались снова курги. — Вот только извините нас за дождь.

— С дождем у вас вышла промашка, — сказала я. — Да, да, — покорно согласились они.

В джипе на какой-то момент курги перестали радоваться, замолчали и стали серьезными. Теперь я могла разглядеть их получше. Горбоносые, тонкогубые, быстроглазые. Их жесты были порывистыми и быстрыми и не напоминали замедленных, изящных движений южан.

Через некоторое время джип остановился у дома, очертания которого были размыты сумерками и дождем.

— «Сударшан». Правительственная гостиница, — сказал Говинда.

Я вошла в комнату с высоким потолком темного дерева. В камине шипели, потрескивая, сырые дрова. Посредине комнаты стоял таз, куда методично падали с потолка капля за каплей.

Чиновники Курга, отсалютовав на прощание шпагами-зонтиками, удалились. А я еще долго стояла посреди комнаты и смотрела то на дрова в камине, которые никак не хотели разгораться, то на таз, куда одна за другой падали капли...

Все началось гораздо раньше этого дождливого майского дня 1970 года.

Несколько лет я жила в Индии и изучала южноиндийские малые народы. Мне удалось побывать в джунглях штатов Ориссы и Кералы, где обитали австралоидные племена. Я работала несколько месяцев в Нилгири среди племени тода. Я видела и наблюдала племена Тамилнаду и Андхра Прадеш. И казалось, что моя работа уже близится к концу. Картина народов Южной Индии становилась для меня ясной, и я не обнаруживала в ней пробелов. Я оставалась в этом невольном заблуждении до тех пор, пока не была приглашена в 1964 году на дасиру в Майсуре — большой праздник, связанный с эпосом «Рамаяна». Это была последняя дасира, которая праздновалась с соблюдением всех традиций и церемоний в ставке бывшего махараджи Майсура.

— Больше вы такого не увидите, — сказал мне мой приятель Бадами. — Потом, конечно, в Майсуре будут праздновать дасиру, но в ней уже не будет пышности, не будет аромата исчезающей средневековой Индии.

И я решила отправиться в Майсур, чтобы ощутить этот аромат. Действительно, я увидела нечто необычное. Весь город был наполнен пестрой и шумной толпой, дворец махараджи украшали лампочки

иллюминации. Всадники в высоких тюрбанах застыли у входа. По двору маршировали в красно-зеленой форме пехотинцы армии махараджа и гарцевали уланы. Сам махараджа в парчовых, шитых золотом одеждах благословлял своих подданных. А к вечеру через весь город потянулась процессия, напоминавшая грандиозное театрализованное представление. Шли раскрашенные слоны, снова гарцевали бело-синие уланы, степенно вышагивали верблюды.

Гремели барабаны, шумела толпа, кричали зазывно уличные торговцы. Над шествием плыло облако пыли, пронизанное золотистыми лучами заходящего солнца. И казалось, что вместе с этим облаком под бой барабанов уходит куда-то в прошлое напыщенная и ярко одетая, жестокая и чванливая Индия раджей и махараджей. Уходит, чтобы никогда не вернуться. Последняя дасира, закатный умирающий блеск некогда могущественных махараджей Майсура...

Вдруг мое внимание привлекли два человека, совсем непохожие на окружающих. Оба высокие, тонкие в талии и широкоплечие. Но больше всего меня поразила их одежда. Она казалась неправдоподобной для этих мест и даже для этой процессии. Если бы я встретила этих людей на Кавказе, я бы не удивилась. Но здесь... На них были черные черкески, перетянутые в талии широким красным кушаком. За кушаком торчал нож с изогнутой ручкой. Они передвигались с какой-то негородской легкой грацией. Их лица были украшены лихо закрученными усами. Видимо, толпа чувствовала их нездешнюю особенность и поэтому удивленно и почтительно обтекала их, не толкая и не задевая. Оба «кавказца» на какое-то мгновение остановились, тихо переговариваясь между собой. Я воспользовалась этим и пробилась к ним.

— Простите... — сказала я.

Один из них удивленно поднял на меня глаза, и я увидела, что они голубые. Тут я поняла, что не уйду, пока не узнаю, кто они, эти люди.

— Да, мадам, — отозвался голубоглазый.

Второй галантно посторонился и с интересом стал наблюдать за нами.

— Кто вы? — спросила я.

— Как кто? — не понял «кавказец». — Вы хотели бы знать мое имя и фамилию? Или, может быть, вас интересует мое занятие?

— Да нет... — сказала я, досадуя на себя за неточность вопроса.

Второй понимающе улыбнулся и поспешил прийти мне на помощь.

— Вы, очевидно, имеете в виду место, откуда мы родом?

— Да, — подтвердила я.

— Мы — кодава, — сказал голубоглазый. — Нас еще называют кургами, но это неверно. Просто английское искажение.

«...Курги», — вспомнила я. Кажется, они живут где-то на юге Майсура. Больше я ничего о них не знала.

Моя заинтересованность расположила ко мне обоих кургов, и мы разговорились. Они рассказывали о своей стране охотно, с той гордостью, которая обычно присуща малому, но сплоченному народу. Через некоторое время я поняла, что в Кург — так называлась их маленькая горная страна, находящаяся на юге Индии, — поехать мне просто необходимо.

Я не поехала в Кург ни в 1964 году, ни в 1965-м. Так у меня всегда получается: желанная цель сначала отодвигается по не зависящим от меня причинам, а потом по этим же таинственным и неуправляемым причинам неожиданно вновь оказывается в пределах досягаемости. И поэтому только в мае 1970 года я села в рейсовый автобус, направлявшийся из Бангалура в Меркару, главный город Курга и кургов. На автобусной станции я узнала, что в Курге уже начались дожди. В жарком, наполненном солнцем Бангалуре в это было трудно поверить.

Путешествие в Меркару заняло почти весь день. Сначала автобус пересек равнину между Бангалуром и Майсуром. После Майсура постепенно пейзаж стал меняться. На смену равнине пришли холмы, покрытые скудной растительностью. Дорога повернула на юго-запад. Местность заметно повышалась, и в середине дня дорога начала петлять между лесистыми горами. Лес вплотную подходил к ней с двух сторон. Он был каким-то первозданным и густым. Совсем низко, почти цепляясь за верхушки деревьев, ползли темные, набухшие дождем облака. Стал накрапывать унылый осенний дождик. И по тому, какой сырой и размытой была почва в лесу, я поняла, что дождь здесь идет не первый день.

— Опять дождь, — сказал кто-то рядом. — Как только въезжаешь в Кург, так — дождь!

Из леса и с дороги в автобус поползла промозглая сырость. Пассажиры стали «утепляться». А дождь усилился, и теперь все

просматривалось через его сетку.

Лес чем-то напоминал леса нашей средней полосы, а этот осенний холодный дождь увеличивал сходство. Но когда я начинала искать знакомые мне деревья, то не находила их. Время от времени лес рассекался кофейными плантациями и клочками рисовых полей. Иногда среди этого лесного царства возникали домики с побеленными стенами и черепичными крышами. Но домов было мало, а люди появлялись только на автобусных станциях маленьких поселков. Видно, Кург был заселен не густо. Наконец, на очередном повороте показалась надпись «Меркара». Однако ничего похожего на город не возникло. Дорога по-прежнему шла через лес, то опускаясь, то поднимаясь, как и положено горной дороге. Из леса на дорогу напал туман. Наступили осенние печальные сумерки. В этих сумерках как-то неожиданно одна за другой поплыли черепичные крыши домов. А впереди на туманной горе, как призрак, возникли стены какой-то крепости. И оттого, что плыл туман и лился дождь, крепость странно и нереально меняла свои очертания.

Улицы этого лесного города были чистыми и пустынными. Автобус остановился, и кондуктор сказал:

— Меркара.

И тут появились те пятеро кургов, о которых речь была вначале.

На следующий день я оказалась в кабинете главы комиссариата Курга. Он именовался комиссаром, и звали его мистер Нарасимхамурти.

В конце нашей встречи мистер Нарасимхамурти произнес следующую речь:

— Если такой передовой стране, как Советский Союз, — сказал он, — необходимо узнать о происхождении кургов, то можно представить теперь себе всю серьезность и все значение нашей проблемы. Вы успешно запускаете спутники и ракеты в космос, и мы очень рады за вас. Мы вдвойне рады, что вы, наконец, в порядке братской помощи взялись за решение кургской проблемы. Несмотря на космические исследования, у вас все-таки нашлось время и для нас. Теперь я вижу, что вопрос о происхождении кургов в надежных руках.

Я слушала этот монолог и смутная тоска охватывала мою душу. Эта тоска усиливалась по мере осознания всей глубины моей ответственности перед правительством и народом Курга. За узким

решетчатым окном лил холодный осенний дождь. Этот дождь и неожиданно свалившаяся на меня ответственность сделали свое черное дело: я совсем потеряла присутствие духа. Кажется, я пыталась малодушно оправдаться. Я говорила, что космосом занимаются другие люди. Они очень умные, и им все удается. Я старалась убедить комиссара Курга, что я не такая, и поэтому не могу гарантировать решения кургской проблемы. Но мистер Нарасимхамурти остался глух к моим мольбам. Он сказал, что непоколебимо верит в нашу страну.

— А теперь пойдете смотреть музей, — и комиссар решительно поднялся.

Музей помещался тут же, в крепости, и курги справедливо им гордились. Организовал музей сам комиссар, как говорится, на общественных началах. Года два назад мистер Нарасимхамурти разослал всем знатым кургам письма, в которых просил пожертвовать в пользу музея старинные реликвии, «которых не жалко». Реликвий, «которых не жалко», оказалось немного. Они были любовно выставлены в нескольких небольших комнатах музея. В витринах с надписью «оружие кургов» лежали старинный мушкет, сабля, широкий кинжал и пистолет. В застекленном шкафу висела женская и мужская праздничная одежда. Со стен смотрели репродукции портретов кургских раджей. Фотокопии архивных документов XVIII и XIX веков в строго хронологическом порядке были разложены в последней комнате музея.

Видите, это немного, — сказал комиссар — Но это только начало.

— Да, да, — подтвердили стоявшие вокруг курги, — это только начало.

— Наша история необычна и богата. Вы правильно сделали, что решили заняться кургами. — Нарасимхамурти протянул мне руку на прощание.

Потом я не однажды убеждалась в справедливости последних слов комиссара.

2

Страна густых лесов на крутых склонах

Кург... Невысокие хребты, покрытые густым лесом. Леса и горы тянутся от горизонта до горизонта на много миль вокруг. Их рассекают узкие долины, занятые обработанными полями. Лесистые горы Курга — это отроги Западных Гхат. Две их вершины — Брахмагири на юге и Пушпагири на севере — поднимаются над этой горной страной. Вершины тоже невысокие. Обе не более 1600 м над уровнем моря. За Западными Гхатами начинается штат Керала. Из Курга в него можно попасть через перевал Периямбад. На юге узкая майсурская долина отделяет Кург от «Голубых гор» — Нилгири. С запада на восток, деля Кург почти пополам, течет одна из крупных рек Южной Индии — Кавери. Полноводная и спокойная в долинах, она превращается в бурный и норовистый поток в горах.

Лесистые горы и уютные долины мало напоминают тропический пейзаж. В нем есть что-то похожее на ландшафт европейской умеренной полосы. Англичане первые заметили это и называли Кург «Индийской Шотландией». Я не была в Шотландии, и мне трудно судить о правильности этого сравнения. Я могу сказать только, что он мало похож на остальную Индию.

Втиснутый в горный район, Кург занимает небольшую территорию. В английском справочнике, изданном в начале нашего века, я прочла о Курге следующее: «Маленькая британская провинция, красочная горная страна, расположенная к западу от Майсура, в предгорьях и на склонах Западных Гхат, лежит между 11°56' и 12°50' с.ш. и 75°22' и 76°12' в.д. Самая ее большая протяженность с севера на юг составляет 60 миль и самая большая ее ширина с востока на запад — 40 миль».

Несмотря на незначительность территории, вы до сих пор можете найти в Курге малозаселенные и труднодоступные места. Еще в

позднее средневековые независимые раджи горной страны стремились не допускать «чужих» в свои владения. Кургская стража блокировала несколько горных проходов, соединявших Кург с остальной Индией. Раджи не поощряли дорожного строительства даже внутри своей страны. Чужие, попадавшие в Кург, должны были отыскивать лесные и горные тропы, которые связывали редкие селения. А эти тропы были далеко не безопасны. И только два пути оказались в те времена сравнительно доступными. Один из них — дорога на Малабар, в Кералу, куда из Курга шли караваны с рисом. Обрато караваны везли гур, или сахар-сырец, соль, кокосовые орехи, кокосовое масло, табак, орехи арековой пальмы. По второй дороге из Майсура в Кург перегоняли скот.

Когда страна перешла в английское владение, границы Курга открылись, и английские власти стали строить там дороги. Но и они не особенно поощряли внешние связи Курга. Поэтому сеть шоссейных дорог в этом районе не густая, грунтовых гораздо больше. Идут они в основном по долинам. А в горные леса ведут все те же старинные тропы. До сих пор в Курге нет ни железной дороги, ни своей авиалинии.

В наши дни в Курге существуют только два крупных города — Меркара и Вирадхпет. В Меркаре живет около двадцати тысяч человек, в Вирадхпете немногим меньше. Крупной промышленности в этих городах нет. Небо над ними ясное, не задымленное трубами фабрик и заводов. Да и сами эти города больше похожи на огромные села. Двухэтажных домов мало. Одноэтажные дома разбросаны по склонам тех же лесистых гор. Иногда очень трудно себе представить, что идешь по городу. Временами дома исчезают, и вы оказываетесь в лесу. За деревьями мелькнет две-три красных черепичных крыши и вновь тянется не то лес, не то парк. С городской улицы очень легко сразу попасть в чью-нибудь кофейную плантацию.

С высокого обрыва, откуда Меркара сползает вниз по склону, открывается панорама Курга. Параллельные хребты встают один за другим, и последние из них тонут где-то у горизонта в призрачной синеве. Чтобы попасть в горный лес из Меркары, не надо даже ехать, можно пройти пешком. Но рядом с городом леса редкие, частично вырубленные под кофейные плантации. Зато в глубине страны на этих синюющих хребтах еще сохранен густой девственный лес. В этих

лесах часто непроходимой стеной стоят тиковые деревья, бамбук, розовое и сандаловое дерево. Растут манго и хлебное дерево.

Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что Кург один из редких районов Индии, который сохранил и богатство животного мира. В густых и часто непроходимых лесах на склонах гор можно встретить тигров, слонов, диких буйволов, кабанов, медведей, пятнистых оленей, маралов, леопардов, диких собак. Эти животные обитают и в верхних лесах в горах (курги называют эти леса «малекаду») и в нижних лесах в долинах — «канивекаду». Крокодилы, ставшие редкостью в других частях Индии, мирно плавают в затоках реки Кавери.

С климатом кургам повезло меньше, чем с флорой и фауной. Климат, скажем прямо, тяжелый. И хотя Кург никогда не страдал от жары (самая высокая температура там + 28°), он страдает от дождей. Дожди начинаются в мае и льют с переменным успехом до октября. Мистер Ганапати, редактор меркарской городской газеты, написавший прекрасную книгу о своем народе, предупреждает: «Туристам лучше избегать в этот период посещать Кург». Перед поездкой в Кург я не прочла книгу мистера Ганапати и поэтому в буквальном смысле хлебнула тамошнего дождя в полную меру.

Никто образней не описал кургского дождливого сезона, чем это сделал в конце XVIII века историк правителя Майсура Типу Султана. «Описание холода здесь, — занес он в скрижали, — делает перо, перед тем, как оно начинает писать, негнущимся, как будто его обмакнули в замерзшее море. Язык правды в описании температуры застывает в страхе и удивлении, как лед, несмотря на то что прикрыт губами, как шубой. Что он может сказать об этом? Однако я описал только лето. Бог, защити нас от зимы и дождливых сезонов!»

Население Курга довольно пестрое, но основу его составляет народность курги; число их немногим более восьмидесяти тысяч.

Курги называют себя кодава, а свою страну Кодагу и язык тоже кодагу. Слова «Кург» и «курги» — неправильные английские образования от вышеприведенных. Но эти слова так прочно вошли в литературу, что я не решилась изменить их на оригинальные.

Переводов и интерпретаций слова «кодагу» несколько: «расположенная на западе», «страна миллиона гор», «страна густых лесов на крутых склонах». Судить о том, какой из этих переводов правильный, трудно.

Курги по своему антропологическому типу резко отличаются от многих южноиндийских народов, и особенно от коренной древнейшей их части, так называемых австралоидов. Курги — европеоиды. Черты их лица довольно правильные. Прямой нос, часто с горбинкой, узкие губы, неширокие скулы, прямой разрез глаз, прямые волосы, светлая кожа, высокий рост.

Английский этнограф Т.Х.Холленд в начале нашего века проделал очень интересную работу. Он дал сравнительное описание кургов и иерава (последние являются представителями аборигенного австралоидного населения, столь характерного для Южной Индии). Антропологический тип индийских австралоидов весьма примечателен. Это низкорослые темнокожие люди. У них выующиеся волосы, широкие носы и толстые губы. Холленд доказал, что курги и иерава принадлежат к двум разным расам. Он не обнаружил какого-либо значительного смещения между кургами и иерава, хотя те и другие существовали бок о бок много столетий подряд. «Цвет их (кургов. — *Л.Ш.*) кожи светлый, — писал в середине прошлого века миссионер Меглинг, — черты лица правильные. Согласно традиции страны, они считают себя хозяевами гор, и из поколения в поколение проводили время в войнах и воинственных набегах. Они смотрели свысока на любой физический труд (кроме сельскохозяйственного). Курги сохранили благородную осанку и гордую внешность».

Курги были и остаются самым воинственным народом Южной Индии. Война являлась их профессиональным занятием, так же, как и земледелие. Сложившись довольно поздно в народность, курги, естественно, не «вписались» в традиционную систему древних индийских каст. Но собственная воинственность дала им возможность причислить себя к кшатриям-воинам. И неважно, что необходимые атрибуты этой касты у кургов отсутствуют, — они считают себя кшатриями.

Склонности к ремеслам курги не проявили. Единным ремеслом, которое процветало в этой рыцарской общине, было вышивание. Но им занимались, естественно, женщины. Одежду, оружие, украшения делали для кургов другие. Но эти другие подчинялись вкусам и традициям заказчиков. Вкусы и традиции также отличались от местных, как и внешность самих кургов. Правда, исполнители вносили

иногда в заказанные изделия свои творческие поправки, но никогда принципиально не нарушали традицию. Им не позволяли этого делать.

Сколько веков курги следуют своей традиционной одежде — сказать трудно. Когда-то мужчины носили, узкие в обтяжку брюки, длинную рубаху с узким стоячим воротником, напоминающую кавказский бешмет. Поверх брюк и «бешмета» надевалась черная «купья», очень похожая на черкеску. Только на купье не было газырей, рукава ее были короче и доходили до локтей, Купья была всегда черной. Белый цвет имела церемониальная купья. В талии купья перехватывалась широким шелковым кушаком — «челе». Кушак был красный и расшивался золотой нитью. На туго затянутом челе укреплялось традиционное оружие кургов — «пичекатти» и «одикатти». Пичекатти — передний нож — втыкался спереди за челе. У пичекатти были деревянные ножны, отделанные серебром, и он чем-то неуловимо напоминал опять-таки кавказский кинжал. Только кинжал был колющим оружием, а пичекатти секущим — оружие воина и земледельца. Пичекатти прикреплялся к челе серебряной цепочкой, на конце которой находился изящно сработанный набор туалетных принадлежностей — щипчики для выщипливания волосков, палочка для ковыряния в ухе, ножичек для чистки ногтей и. т. д. Одикатти — задний нож — крепился к челе на спине специальным кольцом. Одикатти был массивней пичекатти, имел широкое секущее лезвие и носился без ножен.

В средневековье, при раджах, у кургов-воинов появились длинные мечи, которые не отличались от индийских, а позже они стали пользоваться английскими мушкетами и ружьями.

Мужской головной убор назывался «вастхра». Вастхра — это красный платок, которым повязывали голову, спуская длинный конец на спину. Когда я увидела первый раз такой платок, то вспомнила черные платки абхазцев. А вот обуви по старинной традиции кургам не полагалось. Долгое время они ходили босиком. Зато они носили серьги и кольца. До сих пор в Курге сохранилась церемония прокалывания ушей у мужчин — «кемукутхи мангала». В наше время курги надевают серьги только в праздничные дни. Наше время слегка модифицировало и костюм кургов. Теперь купью надевают поверх европейских брюк и рубашки. Последняя украшается галстуком. Босиком курги теперь не ходят. Им давно уже пришлось по вкусу

добротная европейская обувь. Платки — вастхра — заменены белыми с золотой каймой тюрбанами, которые были в большой моде при последних раджах.

Женская одежда тоже имеет свою специфику. Когда-то женщины носили приталенные жакеты, плотно облегавшие их фигуры. Жакеты наглухо застегивались у шеи. Кусок ткани, несколько раз обернутый вокруг бедер, заменял им юбки. Их головы покрывали платки, низко надвинутые на лоб. Платки еще остались, Жакеты иногда тоже можно встретить, а вот юбки уже превратились в сари. Однако сари женщины-курги укрепляют под мышками, а не на талии, как в остальной Индии. От этого сари напоминает длинное платье. Женщины, как и мужчины, носят украшения, сделанные по большей части из золота и серебра, — кольца, браслеты, серьги.

Когда-то курги были племенем, очень непохожим на другие племена Южной Индии. О племенном прошлом свидетельствуют пережитки родового строя и остатки примитивных верований. Но со временем племя превратилось в народность. И народность эта, несмотря на относительную изоляцию, прошла стадию развитого феодализма. В этом восхождении по спирали истории у кургов были свои особенности. Племенное прошлое забывалось с трудом. За него еще долго держались. Видимо, процессы разложения племенного строя не были ярко выраженными, так же как и процессы последующей феодализации. Почему все так складывалось — сказать трудно. Слишком мало мы знаем о ранней истории кургов.

До V века маленькая горная страна находилась в зависимости от Малабарского княжества Кадамба. Что происходило в Курге в это время — нам неизвестно. И только в конце V века — в туманной мгле прошлого возникают первые, еще очень слабые, искорки света — надписи. Надписи на медных табличках и больших вертикальных камнях, сделанные на других южноиндийских языках, в частности на каннара, но не на кодагу. Именно эти надписи и позволили восстановить хотя бы в общих чертах средневековую историю Курга.

В Южной Индии на протяжении почти тысячелетия возникали и гибли целые империи, появлялись и исчезали царствующие династии. Войны и сражения бушевали то там, то здесь, решая судьбы этих империй и династий. Кург был расположен на стыке различных государств. Маленькая горная страна не могла сопротивляться

вторжениям более сильного противника, но вторгнувшимся никогда не удавалось завоевать эту горную страну полностью. Труднодоступные лесистые горы и жестокие холодные дожди часто останавливали завоевателей на полпути.

Южноиндийские императоры и короли, сохраняя свой престиж, объявляли ту или иную форму зависимости Курга, приказывали высечь на камне очередную надпись и даже иногда присылали в Кург своих правителей. Но правители чувствовали себя в этой стране неуютно. Свободолюбивые и независимые горцы уходили в глухие места. В глубине своей труднодоступной страны они продолжали сохранять свой образ жизни, обычаи и традиции. Ибо все это знаменовало для них независимость и престиж.

Взаимоотношения Курга с южноиндийскими империями и династиями выглядят следующим образом. В IX и X веках Кург формально входил в состав Майсурского королевства Гангов. От имени этого королевства Кургом правили князья Ченгалвы. В XI веке Гангов сокрушили тамильские императоры династии Чола. Ченгалвы стали их вассалами. Век спустя в Южной Индии усилилась империя Хойсалов, успешно выступившая против Чола. Однако Ченгалвы отказались признать власть новой династии и объявили себя независимыми. В их владения входил не только Кург, но, и часть Майсура. В 1143 году Нарасимха I Хойсал выступил против Ченгалва и убил мятежного правителя. Он забрал его слонов, коней, золото и сокровища. Семья же Ченгалва бежала в Кург, где и нашла свое, убежище. Будучи традиционными правителями Курга, Ченгалвы получили поддержку самих кургов, которые, выступили в их защиту. В 1174 году Баллада II Хойсал послал против Ченгалва и кургов войска. В жестокой битве при Палпаре горцы потерпели поражение. Место правителя Курга занял хойсальский полководец Беттараса. Но ему не удалось распространить свою власть на весь Кург. Курги продолжали поддерживать князей Ченгалва и держали Беттарасу и его военные отряды в постоянном напряжении. История Курга последующих двух веков наполнена войнами и сражениями княжеского дома Ченгалва с правителями Хойсалов.

Пока в Курге происходили кровопролитные схватки, на исторической арене Южной Индии возникла могущественная империя Виджаянагар. В XIV веке непокорные Ченгалва превратились в ее

вассалов. Возвышение и расцвет Виджаянагара были яркими, но краткими. В 1565 году Виджаянагар пал под ударами мусульманских армий Великого Могола. Вассалы Виджаянагара, в том числе и Ченгалвы, объявили себя независимыми. Но Кург к этому времени, пережив ряд необратимых процессов, стал несколько иным. Родовые вожди кургов постепенно набирали силу и становились мелкими феодалами. Воинственные, привыкшие к независимости, они стремились к власти и захвату новых земель. Их деревни превращались в феодальные ставки, родовые жилища — в крепости, а зависимые от них бедные соплеменники — в слуг и воинов.

Вожди, именовавшиеся найяками, старались расширить свою территорию за счет себе подобных. Кург охватила жестокая феодальная усобица. Найяк воевал с найяком, род поднимался на род. Когда кончались открытые кровопролитные стычки, начиналась кровная месть. Именно родовая система в условиях феодальной усобицы стала ее основой. Членов враждебного рода подстерегали в густых лесах кинжал и копье. На их дома нападали, не щадя ни женщин, ни детей. Дух рыцарства и обостренное чувство чести были брошены под копыта лошадей, стремительно несущих кургских воинов по лесным и горным дорогам. Воины оставляли позади кровь и пепелища. Коварство и хитрость, жестокость и лицемерие — качества, ранее неизвестные кургам, стали цениться и не находили осуждения. Никто не чувствовал себя в безопасности: ни феодал, ни простой крестьянин. Перед страшным ликом родовой кровной мести они были равны. Каждый из них принадлежал своему клану, а эти кланы иногда союзничали, но чаще враждовали. Поэтому вокруг когда-то мирных домов появились глубокие траншеи. Те траншеи, которые позволяли обороняться и затрудняли нападение противника. И сейчас эти траншеи окружают дома кургов, похожие на крепости.

Кургская знать окрепла и утратила почтение и уважение к своим традиционным правителям. Каждый мелкий феодал претендовал на эту роль. Князья Ченгалвы теряли власть и с трудом отстояли небольшую территорию. Теперь Кургом управляли восемь вождей. И Ченгалва был одним из них. С гибелью последнего князя Ченгалва в майсурской войне 1644 г. династия прекратила свое существование.

Именно феодальной усобице и постоянной межродовой вражде Кург обязан новой и последней династией. В истории Курга она

называется лингаятские раджи.

В конце XVI века из Майсура в Кург, где бушевала усобица и почти каждый день приносил кровавые столкновения, пришел проповедник. Устная традиция повествует о том, что он принадлежал к княжескому роду Иккери. Проповедник был из секты майсурских лингаятов, или шиваитов. Поселился он в уединенном месте и стал рассказывать местным крестьянам о новой религии, о могущественном боге Шиве и праведных почитателях его культа — лингаятах. Человек этот обладал большой силой духа и искусством красиво говорить. Его слушали и за речи и проповеди платили ему рисом. Проповедник ежегодно собирал обильную жатву, значительно превышавшую урожай любого кургского феодала. Тот, кто имеет в Курге рис, имеет, многое. Дом его рос и укреплялся. Проповедник стал одним из богатых людей Курга. Но не рис был его основным богатством. Души бесхитростных и мужественных людей, поверивших ему и его богам, — вот что могло дать ему неизмеримо больше, чем закрома с зерном. Когда он осознал это, то понял, что пробил его час. Проповедник сел на боевого коня и взял в руки меч. Его приверженцы последовали примеру своего духовного пастыря, а потом объявили его правителем Халери. Интригами и подкупам, используя своих приверженцев, которые были теперь почти в каждом уголке Курга, он сталкивал враждующие роды и враждующих вождей. В 1600 году, на пороге нового века, проповедник стал единовластным королем, или раджей Курга, основателем последней кургской династии Вирараджей Первым Лингаятом. Лингаятские раджи вписали одну из ярчайших и драматических страниц в позднюю историю Курга.

Династия, основанная майсурским проповедником прекратила свое существование в тот трагический день 1834 года, когда английские власти объявили об аннексии Курга. С того момента независимый Кург превратился в английский дистрикт. И это новое превращение многое изменило в самом Курге и кургах.

Новые хозяева Курга разбили в его лесах плантации, и все, что пришло с ними, нарушило традиционный уклад хозяйства кургов. Постепенно плантации превратили Кург в то, чем он является сейчас. Сначала были только английские плантации. Имена Фаулера, Манна, Максвелла были известны в Курге уже с 1854 года. Затем появились Стюарт, Тейлор, Кэмпбелл, Логан и другие. Десятки тысяч акров земли

оказались занятыми новой культурой — кофе. Эта культура приносила новым хозяевам Курга высокий доход. Кофе экспортировали через Телличери в Аравию и другие страны, расположенные на побережье Персидского залива. Несколько позже выяснилось, что кардамон, перец и каучук тоже выгодны, и появились соответствующие плантации. Но кофе оставался по-прежнему основной плантационной культурой. Количество и размеры плантаций росли. А для этих плантаций нужна была земля. Стали расчищать джунгли. Огромные массивы прекрасных кургских лесов были принесены в жертву заморской культуре. Но и этого оказалось мало.

В 1868 году были пересмотрены границы кургских деревень. Теперь площадь деревень значительно уменьшилась. Плантаторам нужна была земля и в долинах. Десятки тысяч кули из соседних районов потянулись в Кург на заработки. Земля была в цене, и кургские земледельцы охотно распродавали свои владения. Однако лет через десять они поняли свою ошибку. Надо сказать, что храбрые воины оказались чрезвычайно восприимчивыми ко всему новому, что пришло в Кург, и показали свою завидную приспособляемость к нему. А это «новое» было не чем другим, как капиталистическим хозяйством. Ошибка нуждалась в немедленном исправлении. Кургские вожди и землевладельцы помельче осознали всю ценность и непреложную необходимость такой категории, как капитал.

Еще до 1947 года в Курге появились свои плантаторы. Но их хозяйства были мелкими, и им трудно было тягаться с Логанами, Стюартами и Кэмпбеллами. Немногочисленная кургская буржуазия оказалась на положении младшего партнера своих английских хозяев. Она смогла развернуться только после 1947 года, когда английские войска покинули Индию, страна стала независимой, а английские плантации стали переходить в руки предприимчивых кургов. Начался интенсивный процесс формирования кургской буржуазии.

Кург прошел через многое. Через родовой строй, через феодализм. Каждая эпоха и формация оставили в его народе свой след. Каждая из них ускорила или замедлила развитие каких-то групп населения. Все это привело к самым неожиданным переплетениям прошлого и настоящего.

В течение многих веков в Курге сложилась та многослойность, которая присуща и характеру его народа. Но эта многослойность

определяет и его единство, ибо противоположные качества, порождая противоречия, создают и единство. Многоликое и многоплановое единство. Причудливое единство жизни своеобразной горной страны, которая называется Кургом.

3

«Зовите меня просто Минна...»

Она появилась у меня через день после моего приезда в Кург. Этому появлению предшествовала визитная карточка, которую вручил мне сторож «Сударшана». На карточке стояло: «Миссис М.Бопайя, общественный деятель. Меркара, Кург».

— Можно? — раздалось за дверью.

— Войдите, — сказала я.

На пороге стояла небольшого роста женщина лет пятидесяти. Низко, по-кургски повязанный платок скрывал лоб. Я увидела узкое лицо, тонкий нос с горбинкой и внимательные светло-карие глаза.

— Я миссис Бопайя, — сказала она, протягивая мне небольшую крепкую руку. — Впрочем, зовите меня просто Минна. Вас, я уже знаю, зовут Людмила. Можно я вас так и буду называть? Мне трудно выговорить вашу длинную фамилию.

— Называйте меня так, как вам удобно, — ответила я.

— Ну и прекрасно, — обрадовалась она. — Значит Людмила.

Минна была первой, кто ввел меня в курс местной жизни и показал один из «многих Кургов».

Она жила в небольшом одноэтажном особнячке, утопавшем в зелени мандаринового сада, к которому примыкали восемь акров кофейной плантации, принадлежавшей семье Бопайя. Муж Минны — грузный человек с добрым усталым лицом — держал частную клинику.

— Это Людмила, — сказала Минна, вводя меня в небольшую полутемную столовую особнячка. — Людмила из Москвы. Она приехала изучать кургов.

Минна знакомила меня с кургами и Кургом. Она выводила меня «в свет». Мы бывали в домах, где за коктейлем собиралось местное общество. Мы посещали свадьбы, именины, семейные торжества. Минну знали везде, и она полностью оправдывала свой титул: общественный деятель.

Это Людмила, — говорила она в очередном доме. — Она изучает кургов.

Я охотно ходила с Минной в гости и узнавала много интересного. Я подметила, что какое-то непонятное единообразие лежало на всех Минниных знакомых. Они как-то одинаково одевались, одинаково мыслили, одинаково вели себя в аналогичных случаях и даже делали одинаковые ошибки в английском языке, на котором предпочитали говорить.

— Минна, — осторожно спросила я ее однажды, — почему ваши знакомые чем-то похожи друг на друга?

— Как это похоже? — удивилась Минна. — Они все разные.

— Конечно, все разные, — согласилась я. — Но в то же время в них есть что-то одинаковое.

Минна задумалась.

— Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду, — начала она. — Видите ли, это все люди одного круга.

— Что же это за круг? — поинтересовалась я.

— Круг образованных, воспитанных людей, для которых законы кургского гостеприимства являются священными.

— Что-то маловато... — разочарованно протянула я. — Чего-то не хватает.

— Неужели этого мало? — возмутилась Минна. — Все они интеллигентные люди и... плантаторы.

— Вот, — сказала я торжествующе, — плантаторы! И богатые?

— Фу! — окончательно рассердилась Минна. — Я человек демократический.

— И каких же размеров у них плантации? — не унималась я.

— Такие, как у нас, — восемь акров, есть и побольше. Но не так, как у некоторых, — сотни и тысячи акров. — В голосе Минны прозвучало явное осуждение. — В моем Курге мы с такими дела не имеем!

«Мой Кург» был Кургом средних плантаторов. И мы с Минной ездили по этому Кургу.

Чтобы понять, как это происходило и одновременно постичь характер Минны, дочери своего народа, достаточно одной зарисовки.

Деревня Баламури была включена в наш маршрут, но в этот день все не ладилось. С утра пошел дождь, машина доктора Бопайи была

неисправна, а рейсовый автобус Минна категорически отвергла. Сама же она таинственным образом исчезла. К полудню я окончательно потеряла надежду попасть в желаемую деревню. Но я не знала как следует Минну. Я уже решила заняться чем-нибудь другим, когда под моим окном просигналила машина. Это был джип кургского комиссариата вместе с одним из его сотрудников Лилой Гурупутрой, общительной, но все время робевшей женщиной. Минна победно восседала в джипе и поторапливала меня. По дороге Лида, смущаясь и краснея, объяснила, что сможет довезти нас только до конторы талукдара^[1], а там нам нужно будет доставать другую машину.

— Неважно, — ответила Минна. — Мы это сделаем. Вперед!

— Но это будет нелегко, — робко возразила Лида.

— Нас это не пугает. Вперед! — И Минна решительно уселась в джип.

По дороге мы прихватили мистера Соманну. Соманна — высокий, с лихо закрученными усами, имел явно воинственный вид. Яростно вращая глазами и отчаянно жестикулируя, он объяснил, что ему еще надо кое-что взять с собой. На какое-то время он исчез, а потом снова появился, и этим «кое-что» оказались две плетеные корзины, набитые снедью.

Талукдар мистер Пири при виде нас развел руками. Да, джип у него есть, и он с удовольствием дал бы его, но машина только на трех колесах. Лида Гурупутра, довезшая нас до конторы талукдара, со смущенным видом села в машину и уехала.

— Как это три колеса? — недоверчиво спросила Минна. — Нам нужно четыре.

— Извините, мадам, — оробел талукдар, — но в нашем джипе давно уже три колеса.

— Сейчас будет четыре колеса!

И Минна, решительно повернувшись, исчезла в узкой улочке. Мистер Пири, забыв закрыть рот, задумчиво глядел ей вслед. Мистер Соманна тосковал около своих корзин. Как это удалось сделать Минне, я до сих пор не знаю, но через час она появилась торжествующая, с воинственным огоньком в глазах, а вслед за ней шел мальчишка в замасленной рубашке и нес на голове четвертое колесо.

Мистер Соманна засуетился вокруг своих корзин, а мистер Пири, удивленно округлив глаза, смотрел на это странное шествие. Но

постепенно удивление в его глазах стало сменяться испугом...

— Все, — сказала Минна, когда джип оказался на требуемых четырех колесах. — Теперь поехали заправляться.

При последних словах мистер Пири неожиданно быстро исчез в дверях своей конторы. Я подумала, что четвертое колесо — это только начало...

Мы подъехали к бензоколонке на окраине поселка. У наспех сколоченной будочки стоял взлохмаченный парень в комбинезоне. При виде нас он не шелохнулся и отвел глаза в сторону.

— Ты что стоишь? — набросилась на парня Минна. — Заправляй!

Парень отрицательно покачал головой.

— Тебе что говорят?! — рассердилась Минна.

— Говорить можете, что угодно, — процедил сквозь зубы парень. — А бензину вам не будет.

Минна от удивления выскочила из джипа и остановилась перед парнем. Тот сделал шаг назад и скрылся в будочке. Потом он появился из нее, держа в руках пачку замасленных бумаг.

— Вот, — потряс он ими перед миссис Бопайей. — это неоплаченные талукдаром счета на бензин. Я не налью ни литра в этот мошеннический джип, пока все счета не будут оплачены.

— Это правда? — повернулась Минна к шоферу.

Шофер утвердительно покачал головой. Миссис Бопайя на мгновение растерялась. Это был первый и последний раз, когда я ее видела такой.

— Что же нам теперь делать? — спросила она.

— Просить хозяина, может быть, разрешит, — ухмыльнулся парень. — Но только это должен сделать сам талукдар. Растратчики... — проворчал он себе под нос и скрылся в будке.

— Назад, в контору! — скомандовала Минна. Контора носила на себе явные следы поспешного бегства. Мистера Пири нигде не было.

— В погоню, — приказала Минна. — Без машины далеко он от нас не уйдет.

Мистер Соманна подкрутил усы и положил руку на кинжал, заткнутый за кушак его купьи.

Джип несся по узким улочкам, и Минна зорко всматривалась в каждого прохожего.

— Вот он, смотрите! — наконец, радостно воскликнула она.

— Соманна! — оживленная погоней распорядилась Минна. — Взять его!

Мистер Соманна, все еще держа руку на кинжале, устремился туда, где внезапно исчез талукдар. Картина пленения представляла печальное зрелище. Впереди шел мистер Пири, низко опустив голову и заложив руки назад, за ним, яростно вращая глазами и подстерегая каждое движение «пленника», — мистер Соманна, плантатор.

Хозяина бензоколонки мы нашли в лавке. Минна сказала талукдару, чтобы без разрешения на бензин он не возвращался. Я видела, как хозяин бензоколонки и талукдар, энергично жестикулируя, что-то доказывали друг другу. Минна сидела в джипе, как в засаде и не сводила глаз со спорящих. Эти глаза напоминали мне два винтовочных дула, державших под прицелом извивающуюся спину несчастного талукдара. Полчаса спустя он торжествующе протянул нам записку с разрешением на бензин.

Деревня Баламури с редко разбросанными домами под красными черепичными крышами была расположена в уютной долине, вклинившейся между лесными склонами.

Мы проехали лесок и остановились у деревянных решетчатых ворот. От ворот к дому, который виднелся в глубине, вела хорошо натоптанная широкая тропа. И прямо к этой тропе подходили кусты кофе плантации Соманны, среднего плантатора.

Мистер Соманна удовлетворенным взглядом окинул плантацию, добротный дом, окрестность и неожиданно спросил:

— Знаете, что главное в нашем Курге?

Я не знала.

— Гостеприимство, во-первых, — назидательно сказал он, — и респектабельность, во-вторых. Именно респектабельность.

— Да, — подтвердила Минна. — Где-где, а в нашем Курге все отличаются респектабельностью. Вы чувствовали это неоднократно и сейчас еще раз убедитесь.

В это время на пороге дома показался юркий старичок. Поношенная купья болталась на его старческих плечах, но к кушаку был подвешен нож одикатти. На длинном носу старика сидели очки в железной оправе. И эти очки как-то мало вязались с купьей и с одикатти.

При виде старичка мистер Соманна странно дернулся, и выражение обреченности появилось в его глазах. Минна испустила тяжкий вздох и с укором посмотрела на мистера Соманну. Я не сразу поняла, в чем дело, но догадалась, что такую реакцию вызвало появление именно старичка.

— Интересно, что ты здесь делаешь? — спросил старичка мистер Соманна, и в его голосе была какая-то скрытая угроза. — Ты ведь должен заседать в Меркаре.

— Уже отзаседал, отзаседал, — затараторил старичок.

Старичка звали Мутанной, и он был старшим дядей мистера Соманны.

— Понимаете, — сказала Минна. — Мутанна очень достойный человек, но иногда с ним происходят странные вещи...

Но какие странные вещи, — я так и не узнала. Старичок вдруг заметил меня.

— Минна, — сказал он, капризно надув губы, — почему ты мне не представляешь гостя?

— Ах, да! — спохватилась Минна. — Это Людмила, — начала она.

И вновь все повторилось.

— О, я просто восхищен! — старичок смешно подпрыгнул на месте. Очки и боевой нож одикатти подпрыгнули тоже. — Я просто восхищен! Вы посвятили свою жизнь изучению кургов и дравидийской проблемы. Как это прекрасно! Мне просто очень повезло, что заседание в Меркаре окончилось рано, и я здесь.

Я тоже всю жизнь занимался проблемой происхождения кургов. Но я скромный любитель по сравнению с вами. Я написал только одну книгу об этом.

Соманна, усевшийся на деревянной скамье, громко кашлянул. Старичок воровато скосил глаза в его сторону.

— Ах, да! Я, конечно, опять перепутал. Книгу написал другой Мутанна. Ноу нас, у кургов, столько Мутанн, что к старости можно забыть, какой Мутанна что сделал, и все перепутать. Ведь может же такое случиться? — доверительно обратился он ко мне.

— Конечно, — согласилась я.

— Вы видели, какой у нас прекрасный дом? — перешел он на другую тему. — Настоящий кургский дом. Чего он только не видел! Бог мой! Ведь он уже стоит сто семьдесят лет.

— Му-та-нна! — голосом, не предвещавшим ничего хорошего, протянул Соманна.

— Ну, семьдесят, — парировал старик. — Подумаешь, разница. Может быть, он пятьсот лет здесь стоит откуда ты знаешь?

Соманна не снизошел до ответа.

— Между прочим, знаете, когда пришли сюда наши предки? — теперь Мутанна обращался только ко мне. — Тысячу лет назад! Можете себе представить? Целую тысячу лет назад!

— Му-та-нна!

— Ну, хорошо. Триста лет тому назад. Тебе от этого легче? Легче? Да?

— Да! — рассердился Соманна. — У тебя нет больше сегодня заседания в Меркаре?

— А вот и нет, — ехидно засмеялся старичок. — Поэтому я и могу поговорить с профессором. У меня есть воображение и идеи. Я думаю, профессору это интересно.

— Конечно, интересно, — неосторожно подтвердила я.

— О, я восхищен! — запричитал Мутанна. — Я просто восхищен вами.

— Знаете что? — сказал Соманна с несчастным лицом. — Идемте смотреть плантацию.

Плантация была небольшая, всего десять акров. Мутанна, рискуя поломать все кофейные кусты, двигаясь боком, забежал вперед, ловко оттесняя от меня мистера Соманну. На плантации старший дядя развернул перед моим изумленным взором захватывающую картину прошлого семьи и в ярких красках описал свою выдающуюся роль в ней и в Курге вообще. Соманна обессилел и больше не произносил: «Му-та-нна!» Это обстоятельство чрезвычайно ободрило старика.

— Соманна, — сказала Минна, садясь в джип, — зачем я доставала четвертое колесо и бензин? Ты можешь мне на это ответить?

— Но, Минна, — жалко оправдывался Соманна, — ты же знаешь его. Что я мог сделать?

— По крайней мере, как-то придержать его в Меркаре.

— Но он же неуправляем. Никогда не знаешь, где он окажется.

— Этого-то я от тебя не ожидала! — окончательно рассердилась Минна.

Было ясно, что Мутанна нанес сокрушительный удар по респектабельности «миннинного Курга», и она не могла этого простить ни дяде, ни племяннику. С помощью Мутанны пострадала та самая респектабельность, которая делала людей этого Курга так похожими друг на друга в Меркаре. Но в деревне я убедилась, что эти средние кургские плантаторы были разными людьми со своими характерами и манерой поведения.

Респектабельность Минны тоже не выдержала своего испытания. Однажды, нарушив законы гостеприимства Курга средних плантаторов, я отправилась в гости к крупным плантаторам Ченгаппам в Южный Кург. После этого визита Минна почти со мной не разговаривала и даже назвала меня «мадам».

— Конечно, — сказала она с обидой, — богатый дом, полный комфорт, — вам, наверное, этого и надо.

Теперь рассердилась я. Упрек Минны был явно несправедлив. Сначала я решила, что виной всему социальный антагонизм. Но я знала, что Минна с почтением относилась ко многим крупным плантаторам и бывала в их домах. С Ченгаппами она не была знакома, но именно мой визит к ним задел что-то глубинное в Минне и тщательно ею скрываемое.

Все эти мои размышления, очевидно, были бы бесплодны, если бы я еще раз со всей отчетливостью не поняла, что живу в маленькой горной стране и изучаю очень своеобразный, непохожий на других народ. А Минна была истинной дочерью своего народа. И в ней, как и в нем, существовало много разных напластований, относящихся к настоящему и прошлому. То что меня заставило задуматься, как оказалось, шло от прошлого. А в прошлом была вражда двух кланов, к которым теперь принадлежали две достойные представительницы современного Курга — миссис Бопайя и миссис Ченгаппа. Эта старинная вражда, обостренная разницей в социальном положении, и лишила Минну на какой-то момент ее хваленной светской респектабельности. Она даже забыла на время о проблеме происхождения кургов. Эта проблема перестала ее интересовать. Зато каждый день у Минны было большое количество собраний. Она заседала по поводу консервации фруктов, участвовала в храмовом совете, выступала на женской ассоциации, держала речи в комитете Каннарского банка, улаживала дела в Союзе хариджан или

плантационных кули. Присутствовала на всех свадьбах, которые в это время проходили в Меркаре.

Постепенно наши отношения вновь пришли в норму. Минна была по-куртски обидчива, но и по-куртски отходчива. Но теперь Минна была осторожна. Она понимала, что «ее Курга» мне недостаточно. И она храбро шлепала по размытым тропинкам под дождем подобрав подол сари, по лесам и горам. Мы посещали глухие деревни и искали забытые памятники древности. Минне не всегда это нравилось, но она терпела. В наших скитаниях она оказалась крепким и надежным товарищем. То наносное и зыбкое, чем снабдил Минну Кург мелких хозяев, временами исчезало, и она становилась самой собой, той Минной, которая босоногой девчонкой помогала своему отцу управляться с крохотным рисовым полем...

Если вы приедете в Кург и встретите миссис Бопайю, элегантно одетую светскую даму, не верьте этой внешности. Постарайтесь заглянуть в ее сердце. И вы найдете в нем готовность помочь, доброту, понимание и смелость. И, конечно, она вам скажет после нескольких вежливых слов: «Зовите меня просто Минна».

Дом предков

У каждого курга есть свой дом предков. Без этого дома нет курга. Даже если он покинет родные края и пустится в погоню за изменчивым счастьем, потерпит неудачу и потеряет все, у него останется последняя надежда и пристанище — дом предков. И пока этот дом существует, спасительная ниточка связывает курга с родиной, давая ему возможность оставаться кургом. Дом предков — не просто здание о четырех стенах, это основа жизни курга, особенно мужчины, это, я бы сказала, главный устой его жизни. Дом предков — целый комплекс, с которым связано не только понятие крыши над головой, но и история предыдущих поколений. Это — кусок хлеба (иногда малый, иногда большой) и причастность к собственности. Это — чувство клановой солидарности, оберегаемой «духами» неутомимых предков. Вот что такое дом предков. Называется он на языке кодагу «айн мане».

Дома эти в основном разбросаны по деревням. В городах и городках их очень мало. Город с его современной жизнью чем-то враждебен дому предков и действует на него разрушающе. И это естественно. Ибо дом предков — один из устоев кургской деревни и прошлого феодализма. «Айн мане» и строился всегда по особому. Для строительства вызывали специальных плотников-малаяли с Малабара. Поэтому архитектура такого жилища напоминает конструкцию домов земледельческой касты найяров из Кералы. Среди самих кургов плотников не было. Достаточно солидных плотников не было и среди других общин местного населения. Малабарцы строили не за страх, а за совесть, выполняя требования своих заказчиков. А требования эти были весьма специфическими. Кургские земледельцы и землевладельцы, постоянно враждуя друг с другом, старались превратить свои дома в небольшие крепости. Поэтому дома предков напоминают родовые замки. Когда-то такой дом действительно являлся гнездом целого рода. В более поздние времена он превратился в укрепленное жилище родового клана. Чем состоятельней и богаче

клан, тем толще делались, каменные стены дома, тем массивней ковались решетки на окнах-бойницах, тем глубже и хитроумней рылись защитные траншеи. Такие дома успешно противостояли не только враждебному клану, но и отрядам самого правителя Курга. Поэтому раджи этой горной страны, боясь соперничества глав мощных кланов, лично выдавали разрешение на постройку такого; дома-крепости, пытаясь ограничить число крепостей. Тех крепостей, которые в любой момент могли стать центрами феодальной усобицы.

Времена феодальных усобиц канули в прошлое, отряды воинов раджи больше не осаждают замки непокорных вассалов, а дома-крепости все еще стоят. В Курге вырастают новые дома. Но они уже другие. Однако живущие в этих новых современных домах все равно связаны с небольшими крепостями и замками, и чем старше такой замок, тем большее количество потомков он объединяет, тем шире его влияние на улицы и кварталы современных домов.

Традиционные дома предков напоминают старые замшелые дубы, чьи одревеневшие корни незаметно и скрытно протянулись к молодым деревьям, создав сложное переплетение, в котором подчас трудно разобраться и понять, кто же чьими соками питается. А может быть, это происходит взаимно. Так ведь часто случается — прошлое питает настоящее, а настоящее нередко дает вторую жизнь прошлому...

Первый дом предков, который я увидела, стоял в деревне Баламури и принадлежал Айяппе. Он возник передо мной неожиданно на невысоком холме, вынырнув из дождливых сумерек. Холм был обнесен каменной стеной, поросшей мохом. От его подножия вверх вела лестница, сложенная из крупных каменных блоков. Лестница упиралась в каменные ворота, боковины которых были похожи на скругленные башни. Я поднялась по ступеням лестницы и оказалась в мощеном дворе, замкнутом четырехугольником побеленных строений под красными черепичными крышами. Во дворе стоял круглый цементированный колодец, и от него к центральному входу вела дорожка, вымощенная красным кирпичом. Мое вторжение в «замок» не прошло незамеченным. Сухонькая старушка в белой вдовьей одежде спустилась с веранды дома и сделала приглашающий жест.

— Добро пожаловать в наш дом предков, — сказала она. — Мистер Мутанна мне о вас уже рассказывал.

Мы поднялись на веранду.

Дом оказался старым и большим. Солнце село, и теперь отовсюду из углов напозла темнота. С веранды я попала в центральный зал. В нем было не менее ста квадратных метров. В середине зала темнело углубление, похожее на мелкий колодец. Из квадратного отверстия, проделанного в крыше, в «колодец» капала дождевая вода. Дождь был небольшой, и редкие его капли, срывавшиеся с крыши, гулко шлепались в воду углубления. Такой «колодец» существует в каждом традиционном доме предков. В далекие времена он спасал осажденных от жажды.

Старушка зажгла масляную лампу, и она тускло осветила темные деревянные колонны, поддерживавшие крышу зала, длинные деревянные скамьи между колоннами и детей, тихо сидевших на этих скамьях. Из кухни, примыкавшей к залу, тянуло дымом, и отсвет пламени очага плясал на каменном полу. Так было сто лет назад, так осталось и сейчас. На потемневшей от времени стене висел сундук, и он, конечно, привлек мое внимание. Я привыкла к тому, чтобы сундуки стояли. А этот почему-то висел. Старушка заметила мое недоумение, скользнула к сундуку белой тенью сквозь сумрак зала и коснулась тонкой морщинистой рукой поверхности сундука.

— Здесь все ценности нашей семьи. Они неприкосновенны и переходят из одного поколения в другое. Это наше достояние и наша гордость. Поэтому сундук должен висеть на видном месте. Чтобы все знали и помнили.

Я провела рукой по гладким, темным доскам сундука и почти физически ощутила ток долгих веков. Сундук был старинный, и даже хозяйка дома не помнила, кто из далеких предков заказал его малабарскому мастеру.

Разглядывая зал, я заметила, что в нем не было окон. Только двери — не менее двадцати. Двери вели в комнаты, отделенные одна от другой сплошными перегородками. В этих комнатах, как выяснилось, раньше жили сыновья и внуки бабушки со своими семьями.

— Теперь они уже здесь не живут, — печально сказала бабушка. — Времена настали другие, и дети разлетаются из своего родного гнезда. Кто работает в Меркаре, кто учится в Мадрасе, кто служит в армии. Но они часто сюда приезжают и недолго живут. Ведь

это их дом. Каждый из них знает, что в доме предков их всегда ждет зажженная лампа, своя комната и блюдо с рисом.

— Смотрите, это канникомбре, — и показала на одну из дверей.

— Но я не знаю, что такое канникомбре.

— Как не знаете? — искренне удивилась старушка. Но через мгновение рассмеялась тонко и дребезжаще. — Совсем старая стала. Вы ведь не из Курга.

— Не из Курга, — подтвердила я.

Канникомбре была самой священной комнатой в доме. В этой комнате, как сказала старушка, «жили духи предков». Так первый раз я встретилась в Курге с духами предков. В этой комнате молились духам предков, испрашивали их благоволения и благословения, проводили церемонии в их честь. Канникомбре оказалась на удивление пустой. Рядом с небольшим решетчатым окном была расположена деревянная полка, на которой слабым огоньком мерцал светильник. Около светильника стояло несколько медных тарелок или блюд. Тут же лежала гирлянда засохших цветов. Вот, пожалуй, и все. Надо полагать, что духам в этой комнате было неуютно, зато просторно.

Из мира духов мы вернулись в мир земных дел. Самым «земным» помещением в доме был чердак. По широкой деревянной лестнице мы поднялись на него и попали в сложное переплетение стропил и перекрытий. Узкие чердачные окна были похожи на бойницы. И хотя было уже темно, я поняла, что сквозь эти окна-бойницы хорошо просматривается местность. И это было немаловажным обстоятельством в условиях осады. О прошлых осадах мне напомнило и большое количество продуктов, хранившихся на чердаке. На стропилах висели связки бананов, большие высокие корзины были наполнены неочищенным рисом — падди, а в массивных деревянных сундуках лежал очищенный рис, в корзинах, похожих на огромные горшки — хумы, были соль, перец и плоды мыльного дерева. В больших керамических горшках находилось топленое масло — гхи. На мой взгляд, на чердаке содержался не менее чем полугодовой запас провизии, рассчитанный на многочисленную семью.

Мы долго еще бродили с хозяйкой по этому большому старинному дому, и я все больше и больше понимала, что значит такой дом для традиционной семьи кургов. Веками здесь складывалась та лаконичная целесообразность, которая ясно отражала и образ жизни кургов и

особенности их мышления и веры. Каждая деталь в доме имела свое название и точное предназначение. Нарушения этого предназначения никогда не допускалось.

Именно здесь, в доме предков, и протекает в XX веке та своеобразная жизнь прошлого, без которой, наверное, и не было бы Курга современного — такого, каким я его увидела. Наезжающие сюда временами члены семьи не приносят с собой свои заботы и хлопоты. Никому не приходит в голову устроить здесь контору или построить механическую мастерскую. Врач не станет принимать в этом доме своих пациентов, а адвокат не «осквернит» его стен папками с делами своих клиентов. Ибо дом предназначен не для делового и современного Курга, а для того, чьи связи с прошлым еще крепки и живы. Священна память о предках, священен их дом. И поэтому дом предков предназначен не только для жилья, но и для всего того, что имеет отношение к ритуальной стороне жизни кургов. Именно здесь, а не в другом месте, отмечаются и проводятся церемонии. Именно здесь семья собирается на традиционные праздники. Эти церемонии и праздники теряют свой смысл, если они происходят в другом месте. Только в доме предков есть все необходимое для ритуала. Перед канникомбре — комнатой духов предков на цепях висит медная лампа. Ее каждое утро зажигает старейшая женщина семьи. Лампа священна, ибо она символизирует единство и сплоченность семьи перед лицом ушедших предков. Лампе поклоняются и лампе молятся. Лампа — участница и необходимая деталь всех церемоний. И не только церемоний. Если вы перед лампой даете или берете займы деньги или заключаете какое-то важное соглашение, вы не нуждаетесь ни в каких документах. Безмолвный «священный свидетель» надежно скрепляет вашу сделку. И после этого никто не смеет ее нарушить.

Огонь кухонного очага дома предков для кургов тоже священен. В его пламени заключена таинственная сила, которая превращает каменные стены здания в удивительное понятие «дом». Ибо здание еще не дом. Домом оно становится тогда, когда зажигается огонь очага. Этот огонь сопровождает курга всю жизнь. Он светит ему в темные ненастные ночи, о нем он вспоминает в дальней дороге. Этот огонь провожает его в последний путь: кремационный костер разгорается от его пламени. Пламя бережно, защищая руками, несут к месту погребения.

Входные двери домов предков повернуты на восток, в сторону восходящего солнца. Его лучи сродни и огню очага и колеблющемуся пламени священной лампы. Они должны сразу попасть в жилище. И каждый день они совершают путешествие по этому жилищу. Сначала лучи освещают веранду — «кайяле», ее резные деревянные колонны. Тогда на колоннах в сложном переплетении затейливых орнаментов появляются улыбчивые божества, тонкоклювые птицы, шагающие слоны, сплетенные змеи, цветы. Лучи веселыми зайчиками ложатся на широкие деревянные скамьи «аймара». Скамьи укреплены между колоннами и предназначены только для членов семьи и их родственников. Затем лучи проникают в открытую дверь, ведущую во внутренние помещения, и пробираются в центральный зал. Они выхватывают из полутьмы четыре массивные колонны по краям колодца — «мунду» и медленно ползут по дверям отдельных комнат, выходящих в зал.

Когда солнце поднимается над лесом, обитатели дома уже находятся на рисовом поле, которое примыкает к хозяйственным постройкам. Поля бывают разные. В пять-шесть акров у бедной семьи, в несколько сот акров — у богатой. Поле — это священная собственность семьи. Оно называется «полем предков». «Поле предков» не делится. Так повелось испокон веку. Что бы ни случилось, какие бы бедствия ни обрушились на семью, это поле должно оставаться неприкосновенным. Так завещали предки, и нарушать их завет никто не смеет. Это поле может поддержать семью в тяжелое для нее время. Большую объединенную семью, которая называется «окка». Вместе с домом предков на протяжении веков окка являлась (и до сих пор является) одним из устоев кургского общества.

Что же собой представляет эта большая объединенная семья? Во-первых, она действительно большая. По свидетельствам очевидцев, такая семья еще в XVIII и XIX веках насчитывала от ста двадцати до двухсот человек. Сейчас размеры этих семей меньше. Встречаются семьи в тридцать пять, пятьдесят и в сто человек. Последние много реже. Большие объединенные семьи можно найти и в других местах Индии, но в Курге они самые крепкие. Возникла окка в отдаленные времена из родовой организации и была своеобразной переходной категорией от рода к индивидуальной семье. Этот переход в Курге затянулся. И объясняется это теми историческими условиями, в

которых оказались курги. А условия, как уже говорилось выше, были достаточно суровыми, и, чтобы выжить в них, требовались объединенные усилия многих родственников и их взаимопомощь. В любой момент из такой семьи можно было сформировать военный отряд, члены такой семьи могли вырубить солидный участок леса под пахотную землю, могли защитить от врага свое имущество. Чем больше была семья, тем больше она имела возможностей. Во времена феодальных усобиц раджи Курга опасались таких больших семей и всячески старались уменьшить количество их членов. Методы их были простыми: убийства, казни. Эти методы, естественно, не содействовали установлению сердечных отношений между центральной властью и такими семьями. Поэтому члены окки предпочитали оставаться за крепкими стенами своего дома предков и зорко следили за тропинками-траншеями, ведущими к дому. В опасные моменты семья превращалась в гарнизон, успешно отбивавший атаки противника.

Каждая окка имеет свое имя. Виранда, Паландира, Пиданда, Котера... Название окки не входит в имя собственное ее членов. Но это название должно быть упомянуто человеком во всяком важном деле, в каждой церемонии. Иначе, утверждают курги, духи предков не узнают своих потомков и не смогут им помочь.

У каждой окки был первый предок, который и положил ей начало. Первый предок был мужчиной, ибо основание таких кланов было мужским занятием. Иными словами, окка патриархальна. Времена материнского рода вместе с родовой системой давно отошли в прошлое.

Первый предок назывался «мула пуруша», что значит «основатель», или «ади каранава» — «первый предок». Это наиболее почитаемый предок, и в жертву его духу обычно приносится свинья. Остальные; предки довольствуются петухами. «Дух первого предка» практически занимает положение кланового божества. Вслед за ним наибольшим почетом пользуются «бира». Это те, кто пали на поле битвы, защищая свой клан, дом предков, свою деревню и родину. В каждой окке таких «бира» за последние века набралось порядочное количество. Все мужчины окки связаны родственными узами с первым предком. У женщин этих уз не было. Они уходили из своей окки в другие семьи, становились членами мужниной окки. Только при

разводе или вдовстве женщины могли вернуться в родную окку. Но там они не имели никаких материальных прав. Собственностью семьи распоряжались мужчины. Они же и были главными наследниками этой собственности. Так остается и до сих пор.

Чем больше лет и веков проходило со времен славных деяний первого предка, тем отдаленнее становились родственные связи мужчин окки. Они оказывались троюродными, четвероюродными братьями, какими-то уже неясными племянниками, пятиюродными дедами. Вместе с этим росло и количество членов окки. Наступал момент, когда дом предков уже не мог вместить всей семьи, а поле предков не могло всех прокормить. Тогда из основной окки отпочковывалась ее производная. Но для того чтобы это произошло, нужны были «первый предок» и «дом предков». Достойный из старейших мужчин брал на себя роль «первого». Он же отвечал за сооружение дома предков. В доме поселялись те, кто был родственно близок этому первому, но еще живому предку. Когда бы это ни произошло, два ли века назад или в наши дни, члены обеих окк должны хорошо помнить время «исхода» и хранить эту память вечно. Между такими окками не должно существовать брачных отношений ни сейчас, ни потом. Окка экзогамна, и брачные отношения внутри нее запрещены. Как бы она ни разрасталась, сколько бы потом семей из нее не выделялось, клан накладывает табу на такие отношения. Для этого есть другие, неродственные окки. И если ничто не омрачало отношений с этими неродственными окками, то можно было отдавать туда дочерей или принимать из нее жен для сыновей и внуков.

Глава окки, которым является обычно старший мужчина, называется «корувукара». Младшие члены называются «кикарару». На корувукаре лежит ответственность за материальное положение и моральное состояние семьи. Эта ответственность компенсируется властью старшего над младшим. Младшие должны беспрекословно ему подчиняться. За неподчинение виновный несет наказание вплоть до изгнания из семьи. Но и корувукару должен быть всегда на высоте и соблюдать честь окки. Если он этого делать не способен, взрослые мужчины семьи могут его сместить и выбрать другого корувукару.

Мужчинам во всех делах принадлежит решающее слово. Мужчина — наследник и продолжатель рода. Кург всегда мечтает о сыне. Но случалось так, что наступали беспокойные времена, и война или

усобица уносили жизни юношей и молодых мужчин. Окка оставалась без наследника. Однако пока в ней был жив хоть один мужчина, положение можно было поправить. Поправляли его путем усыновления мальчика или юноши из другой окки. Можно было договориться с этой другой оккой и взять оттуда мальчика, надежду вымирающей семьи. Можно было уговорить жениха очередной невесты стать членом окки будущей жены. На это иногда соглашались, иногда нет. Но всегда находился выход из положения.

Объединенная кургская семья всегда вела определенный традиционный образ жизни. Без этого образа жизни не было бы клана. Традиция предписывала обязанности. Мужчины совместно обрабатывали поле, вместе охотились, защищали дом и собственность. Женщины вели домашнее хозяйство. Мужчины и женщины, члены одной окки, обязаны быть вместе на свадьбах, похоронах, праздниках, танцах. Есть места, причастность к которым знаменует полноправную; принадлежность к клану. Это — общее поле, алтарь для духов предков и общее место кремации. Только изгнанный не имеет к ним отношения.

Дом предков и окка возникли в деревне. И все, что еще от них сохранилось, остается в деревне. Деревни же эти не похожи ни на другие индийские деревни, ни на наши. Когда мы говорим «деревня», в нашем представлении возникает тесная группа домов, окруженных полями и лесами. В Курге это представление ломается. Вы едете по пустынным лесным трактам и горам, а вам говорят, что это деревня. Вы начинаете оглядываться, ища глазами группу домов, но ничего подобного не замечаете. И только миль через десять появляется каменный массив первого дома предков. Через пятнадцать миль — второй. Через двадцать — третий. Еще через десять — четвертый. Это и есть кургская деревня. Четыре-пять домов, разбросанных на больших расстояниях и упрятанных в горных долинах. В каждом доме своя окка. В каждом доме свои заботы и беды. И какой бы большой ни была эта окка, ей подчас бывает трудно справиться в одиночку, без поддержки, со своими делами. Тогда на помощь приходит дружественная окка.

Дружба семей — это целый особый институт, носящий название «аруваме». Традиционные дружеские связи переходят из поколения в поколение. Глава дружественной окки носит титул «арува». Арува

должен организовать помощь другой окке, если возникает в этом необходимость. Члены дружащих окк присутствуют на свадьбах и похоронах друг у друга, где выполняют традиционные обязанности. Между окками, связанными аруваме, существуют и брачные отношения. Рекомендованные арува жених или невеста охотно принимаются дружественной оккой.

Окка является основной ячейкой деревни. Главы окк в деревне образуют совет старейшин, возглавляемый традиционным и наследственным вождем. Правом выдвигать вождя обладают только определенные семьи. Это право сохраняется за ними и до сих пор. Полномочия и обязанности такого вождя, или, как его называют курги, «ур такка», довольно широкие. Он следит за чистотой в деревне, за тем, чтобы мосты и паромы были в порядке, заботится о путешественниках и паломниках, которые проходят через деревню (ведь через кургскую деревню можно идти целую неделю). Вождь руководит обработкой земли и организует помощь тем, кто в ней нуждается. В его обязанности входит чтение специальной молитвы и участие во всех церемониях. И наконец, он штрафует за проступки и может даже на определенный период исключить человека из общины. Исключенный по истечении срока должен совершить паломничество к священной реке Кавери и только после этого может вернуться в деревню.

Как видите, у вождей «ур такка» работы много. Но вожди — народ крепкий и привыкли справляться со своими обязанностями. Все семьи в деревне предоставляют вождю свою помощь. Но с каждым годом этой помощи становится все меньше, ибо традиционные кланы уменьшаются в числе, и дома предков постепенно пустеют. Традиция и современная жизнь приходят в непримиримое противоречие даже в Курге. Это противоречие приводит к медленному отмиранию большой объединенной семьи. Кургская окка-клан когда-то включала в себя множество индивидуальных семей. У каждого сына, внука, правнука, племянника, брата была своя жена, свои дети. И в доме предков каждая такая семья имела отдельную комнату. Получалось нечто вроде большой коммунальной квартиры, где все жильцы были родственниками друг другу. По этой роковой причине атмосфера ряда домов предков была отнюдь не мирной. Но тогда это не имело особого значения. Традиционная окка поглощала и подчиняла индивидуальную

семью. Клан был главным, индивидуальная семья — второстепенным и чем-то незначительным. Настолько незначительным, что даже не существовало (и до сих пор не существует) в кургском языке специального термина для определения такой семьи. Клан владел земельной собственностью, индивидуальная семья была только совладельцем. Но новые отношения с жесткими законами частной собственности вторглись в Кург. Индивидуальная семья оказалась на гребне этих отношений. Она разрушает окку, лишая ее социально-экономической основы, и постепенно превращает клан в трогательную традицию любимого прошлого. Многие индивидуальные семьи, имея какой-то изначальный капитал, уходят из кланов, обзаводятся своей собственностью, поселяются в других местах, строят новые дома. Пустеют комнаты в домах предков, все чаще вместо людей в эти дома приходят письма из Меркары, с крупных плантаций, из других городов Индии.

Старый деша-такка, вождь высокого ранга (в Курге их всего восемь), написал мне об этом следующее;

«В течение XVIII века или даже раньше каждая семья, или окка, жила по системе объединенной семьи. Главой семьи являлся старший мужчина, руководивший младшими. Младшие преданно повиновались его распоряжениям. В наше прогрессивное время каждый пытается найти свой путь жизни, считая систему объединенной семьи неблагоприятной для индивидуального развития. Красивые, интеллигентные и энергичные молодые люди покидают кров в поисках собственной фортуны».

Так старый вождь определил в 1970 году процесс умирания окки. Однако традиция остается традицией, и поэтому вся семья собирается в доме предков на праздник или на церемонию. Но это уже не окка, не клан в его социальном смысле. Это просто разные семьи, связанные родственными узами. И среди собравшихся на годовой праздник в доме предков вы увидите и богатого плантатора, и преуспевающего врача, и владельца предприятия, и мелкого клерка, и человека, перебивающегося случайной работой или кормящегося толикой риса с «поля предков». Значимость индивидуальной семьи возросла. Она стала главной и своей имущественной дифференциацией уничтожила смысл окки. Эта дифференциация зависела от новых отношений, от количества капитала, оказавшегося в распоряжении той или иной

семьи, а иногда и просто от везения. Дифференциация ввела новые понятия «богатый родственник», «бедный родственник». И только в очень глухих районах Кургa (в так называемых отсталых) еще сохраняются многочисленные окки, их общая собственность и их живые традиции.

* * *

...Мы сидим с хозяйкой дома на широкой скамье в центральном зале. Мерно стучат дождевые капли по крыше, и вода стекает в «колодец». Пламя медной лампы перед комнатой духов предков колышется под ветром, который задувает в щели. В зале холодно и сыро. Открытые двери комнат зияют темнотой и пустотой. Тихо. Дети, которых оставили на попечение бабушки, уже спят.

— Вот так мы теперь и живем, — вздыхает старушка. — Одиноко и пусто. Даже не верится, что еще лет двадцать назад здесь было много людей, и их голоса наполняли этот дом. Все меняется.

И замолкает...

У каждого курга есть ружье

Наступил пасмурный непогожий вечер. Ветер шумел в деревьях ближней рощи и где-то выла собака. Мелкий морозящий дождь уныло стучал по крыше дома Айяппы. Я уже привыкла к этому дождю, ветру и даже вытью собаки. Все это не тревожило мой слух. Но вдруг нечто чужеродное и неожиданное вторглось в привычные звуки вечера. Выстрел. Он разорвал шум ветра и дождя и заставил замолчать собаку. Его эхо прокатилось над рощей и дробно рассыпалось в ближних горах. Я посмотрела в окно, но ничего, кроме узкой траншеи и деревьев, не увидела.

— Мальчик, — сказал Айяппа.

— Убили? — холодея спросила я.

— Родился, — засмеялся Айяппа. — Мальчик родился у соседа. Вот он всех нас и оповещает.

— Но почему выстрелом? — поинтересовалась я.

— А как же иначе? — удивился Айяппа. — Ведь родился еще один воин.

— Какой же теперь воин? — в свою очередь удивилась я.

— Кург всегда воин, в какие бы времена он ни жил, — наставительно сказал Айяппа.

Он поднялся и, легко ступая по каменным плитам пола, исчез в дверном проеме. Через некоторое время он вновь появился, бережно неся в руках ружье. Ружье было старинное, с одним стволом. Айяппа нежно провел широкой ладонью по прикладу ружья, на котором был вырезан не то орнамент, не то какое-то изречение.

— У каждого курга есть ружье, — как-то по-особенному произнес он и снова погладил приклад. — Оно меня никогда не подводило.

— Но, мистер Айяппа, — пыталась возразить я, зачем вам, адвокату, ружье?

Айяппа распрямил плечи, поправил галстук...

— Мадам, — торжественно начал он, держа ружье двумя руками. — Я прежде всего кург, а потом адвокат. Он потряс ружьем, и это было похоже на какую-то странную клятву.

— Запомните это, — сказал он.

Но даже если бы я и не запомнила, в Курге мне все равно не дали бы этого забыть. Как не дают об; этом забыть ни одному мужчине.

С ружейным выстрелом кург приходит в жизнь, с выстрелом он из нее уходит. Только что родившемуся мальчику, чьи руки еще не умеют держать, кладут в колыбель лук и стрелу. С этого момента и до смерти он будет воином. Детские лук и стрела — символы посвящения в воины. Позже, когда руки юноши станут сильными, ему вручат ружье. Не обязательно новое. Ружье, которое принадлежало его деду, а возможно, и прадеду или отцу. Кем бы он ни стал и чем бы ни занимался, пока он остается кургом, у него будет ружье. Его выстрелами он оповестит о смерти отца, о рождении сына. Из него он будет стрелять во время праздника урожая, с ним пойдет на охоту. Но не все выстрелы будут безобидными. Иногда случается и другое...

* * *

...Вот уж третий день Белиappa не вылезал из этого леса. Лес спускался к его деревне, а потом карабкался по горному склону. Из-за склона иногда доносился неясный шум. Там проходило шоссе, по которому катились машины. К вечеру шум затихал, к утру возобновлялся снова. В лесу было еще сыро от недавно прошедших дождей. Но днем солнце уже хорошо прогревало почву, и на пригорках, где деревья были реже и не было кустарника, земля высохла и стала твердой. Такие места годились для ночлега. Вторую ночь он ложился на мягкую траву, заворачивался в шерстяную купью и клал рядом ружье. Костра он не разводил. Это могло привлечь внимание, и тогда вся затея кончилась бы впустую. О его присутствии в этом лесу никто не должен догадываться. И это пока удавалось. О том, что Белиappa появился в этих местах, не знали даже в доме предков. Не знал и адвокат, хозяин конторы, в которой Белиappa работал клерком. В то утро он появился перед хозяином, как всегда, подтянутый, аккуратный. Темно-синий костюм ладно сидел на его стройной фигуре, ботинки были начищены.

— Сэр, — обратился он к хозяину, — мне надо уехать на пять дней.

Адвокат оторвался от папки с очередным делом и сквозь очки посмотрел на клерка.

— Почему так срочно? — недовольно спросил он.

В этом месяце дел было много, и адвокат не мог с ними управиться без расторопного клерка. Но клерк, всегда такой послушный и старательный, вдруг проявил странную и не свойственную ему настойчивость.

— Мне очень надо, — упрямо твердил он. — Сэр, мне очень надо...

Когда дверь за клерком закрылась, адвокат оторвался от дела и задумчиво посмотрел в окно. Что-то стало тревожить его. Ему захотелось вернуть клерка и отменить свое распоряжение. Но он отогнал от себя тревогу и вновь погрузился в работу.

Адвокат не был кургом. Он приехал в Меркару из Бангалура. Многое здесь было ему непонятно. И он, конечно, не поверил бы своим глазам, если бы увидел своего клерка, который прекрасно говорил по-английски и посещал клуб, в лесу и с ружьем в руках. Но клерк перестал существовать в эти дни — был только кург, воинственный и непримиримый, облеченный почетной для него и трудной миссией. На миссию оставалось еще два дня. Отпуск кончался, а он все еще выжидал. Рассчитал он правильно. Начинался сезон охоты. И тот человек обязательно должен появиться в лесу. «Тот человек» был учителем. Учитель принадлежал враждебной окке. Он был врагом.

Враг... Когда это началось? Белиаппа не мог точно сказать. Обе окки жили в одной и той же деревне. Но вражда тянулась уже второй век. Когда он был мальчиком, ему рассказали, как люди той окки убили его прадеда. За прадеда отомстил дед. Он слушал эти рассказы, как сказку. Все в них казалось ему выдуманным. Чего они не поделили? Говорят, лет сто назад был спор за землю. Вот тогда прадед и упал, обливаясь кровью, рядом с межевым столбом. Но сто лет назад это тоже нереальность. Белиаппа рос, а сказка превращалась в быль. Тридцать лет назад неизвестный убил его дядю. Белиаппы в то время еще не было на свете. Но скорбь семьи еще долгое время была живой и реальной. Он хорошо помнил белые вдовьи одежды тетки и ее печальные, чуть слышные шаги. Его наказали, когда он играл в школе с мальчишками из той окки. Но после школы был колледж. И он

оказался вместе с одним из этих мальчишек. Они не уступали друг другу ни в чем. Дух тайного враждебного соперничества двигал обоими. Поэтому, наверное, они оба хорошо учились. Ни один не мог уступить другому. Поэтому они стали лучшими спортсменами колледжа. Каждый из них должен был быть победителем. Поэтому они полюбили одну девушку. Теперь он не хочет об этом вспоминать. Она стала женой того, другого. Когда отец умирал, он жестом подозвал Белиаппу. Почему именно его, никто не мог понять. Белиаппа не был старшим из братьев. Но воля умирающего — закон.

— Помни, — сказал отец, — твой дядя остался неотомщенным. Кто из них падет от твоей руки — не важно. Ты имеешь право выбора.

Это были последние слова отца. Тогда Белиаппе эти слова показались чудовищными. Но он не стал возражать. Старшим не возражают, умирающим — тем более. Но как он, выпускник колледжа, может убить человека? Его сознание с этим не могло смириться. Еще несколько лет он гнал от себя эту мысль. Потом стал об этом забывать. Но год назад во время церемонии кормления духов предков ему напомнили об этом: дух умершего отца, сказали ему, им недоволен.

Год потребовался Белиаппе, чтобы войти в кабинет хозяина и попросить пятидневный отпуск. Год потребовался, чтобы решить, кто станет в той окке обреченным, за чьей жизнью он начнет охоту. Им мог стать только тот, давний его соперник. Белиаппа утешал себя, что это не убийство, а акт священной мести. Он успокаивал себя тем, что в Курге и сейчас есть такие случаи, и он не один.

Но сидя в засаде уже третий день, он все-таки не представлял себе, как это произойдет. Он не хотел думать об этом. Он знал, что надо только нажать курок. Ему казалось, что это просто. Очень просто. Но когда на лесной тропинке на четвертый день появился тот человек, Белиаппа понял, что это не просто. Тот человек шел легко, ничего не подозревая. Ружье было переброшено через его плечо, а впереди бежала собака. Палец Белиаппы, лежавший на курке, стал тяжелым и неподатливым. Он словно налился свинцом, и двинуть им не было сил. Палец стал неживым и вышел из подчинения. В это время собака забеспокоилась и устремилась к кустам, где лежал Белиаппа. Палец ожил и прогремел выстрел. Тот человек еще мгновение постоял на месте, как будто чему-то очень удивляясь, а потом рухнул...

В полицейском участке в Меркаре Белиаппа положил ружье на залитый чернилами стол дежурного и сам обо всем рассказал.

Окка на окку, зуб за зуб — принцип феодальной усобицы. Деревня на деревню, округ на округ. Кургские раджи раздували эту вражду и усобицу. Она ослабляла большие кланы и крепкие деревни. С ними, ослабленными, было легче справляться. Англичане потворствовали вражде и кровной мести. Им подходили больше разрозненные курги. Традиция освящала кровную месть. И до наших дней докатилась эта вражда, отзываясь эхом выстрелов в кургских лесах и косыми взглядами бывших «кровников» в английских клубах и светских салонах Меркары.

Адвокат Айяппа показал мне не только ружье. Он показал мне отверстие в каменной стене своего дома. В отверстие можно смотреть и увидеть узкую траншею-дорогу, ведущую к дому. В него можно вставить дуло винтовки или ружья. И оружие поразит без промаха любого, идущего по этой траншее.

— Но, мистер Айяппа, — удивляюсь я, — зачем вам это отверстие? Замажьте его. От него только сквозняк. Ведь времена сейчас другие.

— Другие, вы говорите? — парирует он. — Я что-то не очень это заметил. Ну, а если мой враг с оружием в руках вот по этой, дороге будет приближаться к моему дому, что прикажете делать? Вновь размазывать отверстие или выходить ему навстречу?

— Но какой враг? — не сразу понимаю я. — Кажется, пора завоеваний и набегов кончилась?

— Какой, какой... — недовольно ворчит Айяппа. Знаем какой, — и таинственно умолкает. Потом берет шомпол и прочищает отверстие в стене, освобождая его от скопившейся там пыли и паутины.

Вражда между двумя окками называлась «куду пи», вражда между деревнями или округами — «мара-дале». Но нет пока термина, определяющего вражду между индивидуальными семьями, принадлежащими одной окке, а она существует. И является порождением уже нового времени, новых экономических и социальных отношений. Брат на брата, сын на отца...

«Поле предков» неделимо. Этот символический участок всегда остается в распоряжении дома предков. Но остальная земельная собственность окки давно уже разделена между индивидуальными семьями. И земля нередко является яблоком раздора между братьями,

отцами и сыновьями. Старинная воинственность курга теряет в этих раздорах свои благородные качества.

Но даже в Курге за ружье можно взяться не всегда. До конца сельскохозяйственного сезона существует табу на оружие. Во время войн и вражеских набегов кург неохотно отрывался от плуга и сохи. В мирные дни у оружия есть свое время. И это время наступает в сентябре. Праздник отмечается в каждом доме вне зависимости, кому он принадлежит. Простому; крестьянину, крупному плантатору или банкиру. Ибо у каждого курга есть оружие.

Итак, сентябрь. Окончена пахота, посажен рис. Свежая зелень рисовых полей нежится под лучами яркого солнца. Наступил перерыв в изнуряющем дождливом сезоне. В Курге ясно и тепло. Вот тогда и начинается знаменитый кургский «кейл подду» — праздник оружия и поклонения оружию. Дело это серьезное. Поэтому проводить праздник в любой день не рекомендуется. И хотя солнце должно в это время находиться в созвездии Девы, праздник этот чисто мужской. Выбрать правильный день для «кейл подду» сам кург, даже если он вождь деревни, не может. Поэтому вождь отправляется к «надежному советчику» — астрологу. Астролог тщательно сопоставляет расположение сентябрьских созвездий с созвездиями, под которыми родились мужчины деревни. Все эти звезды и созвездия должны дать некую производную среднюю, к таинственным глубинах которой и зашифрован искомый день. Утром этого дня мужчины окки направляются в канникомбре — комнату, где обитают духи предков. Оружие хранится там. Во-первых, это самое надежное место в доме предков. Во-вторых, после духов предков оружие — самый важный объект для поклонения. Объектов этих за многовековую историю воинственного Курга набралось в каждом доме изрядное количество. Здесь и старинные мечи, и изогнутые сабли времен Типу Султана, и раджпутские кинжалы, невесть какими путями попавшие в Кург, и мушкеты XVIII века, и винтовки времен первой мировой войны, и охотничьи ружья разных марок и фирм.

Форма одежды у мужчин в этот день парадная. Традиционная купья с неизменными одикатти и пичекатти. Головной платок или тюрбан. Весь арсенал доставляется в центральный зал, где мужская часть окки принимает участие в его чистке, полировке и, если надо, в починке. Божество в день праздника должно быть чистым — это ясно

всем. После того как оружие приведено в порядок, его помещают вновь в канникомбре перед зажженной священной лампой. Затем кладут цветы и мажут оружие молитвенной пастой. Глава семьи читает молитву. В этой молитве он вспоминает о предках, кому когда-то принадлежали эти мечи, сабли и кинжалы. Он восхваляет крепость руки этих предков и просит у них того же для потомков. Это общий ритуал и общая молитва для всего оружия без всякого различия. Более частный момент наступает после легкого пира с вином и жареной свининой. В этом частном моменте явное предпочтение отдается огнестрельному оружию. Мужчины выстраиваются перед этим оружием, как солдаты перед арсеналом. Каждая винтовка, каждое ружье имеют здесь своего хозяина. Казалось бы, чего проще — бери свое ружье и уходи по своим воинственным делам. Но ритуал есть ритуал. И он должен соблюдаться. Право первым взять свое ружье имеет только старший мужчина. И это опять-таки не просто. Ружье он должен получить из рук главы семьи, взять его обеими руками и выслушать речь следующего содержания. Речь, кстати, относится ко всем мужчинам. «Если ты, — говорит глава, — встретишь тигра или кабана, сойди с их пути. Без нужды не наживай врага. Но если встретишь врага лицом к лицу, не сходи с его пути.

Помогай друзьям. Не вызывай недовольства раджи и не забывай бога». Речь эта традиционна и является своеобразным кодексом рыцарской чести. Раджи в Курге давно нет, но его все равно упоминают, иначе речь будет неполной.

После того как старший мужчина получил свое; ружье, остальные члены семьи могут взять свои.

С ружьями курги, вновь ставшие воинами, направляются за деревню в специальное место. Там начинаются мужские соревнования. Стрельба в цель, бег, прыжки, поднятие тяжести. Праздник завершается коллективной охотой. Здесь тоже свои правила. Тому, кто убил животное, достается его голова и нога. Остальное делится поровну между охотниками.

Праздник оружия знаменует начало охотничьего сезона. Но выстрелы в Курге гремят круглый год. Они очень разные, эти выстрелы. Одни несут счастье, другие — горе. Одни извещают о новой жизни, другие — о смерти.

Би Кей Манданна

— Разрешите представиться, — сказал он. — Би Кей Манданна.

И лихо щелкнул каблуками, как будто на нем были офицерские сапоги со шпорами, а не поношенные и стоптанные ботинки. И это английское «Би Кей» тоже не вязалось со старой выцветшей купьей, которая висела на его худой долговязой фигуре, как на вешалке. Сзади кто-то непочтительно хихикнул и издевательски повторил «Би Кей». Манданна обернулся и сделал выпад в сторону насмешника, как будто у него в руках был не потрепанный зонтик, а боевая сабля.

— Извольте замолкнуть! — громко и торжественно сказал он.

— Би Кей! — снова дразняще повторили, но уже и другой стороне.

— Вы мне за это ответите! — возвысил голос Манданна и подкрутил щегольские усы, украшавшие его длинноносую физиономию.

В ответ засмеялись.

— Мадам! — вновь повернулся он ко мне. — Не обращайтесь внимания. Это просто невоспитанные люди.

Так я познакомилась с Би Кей Манданной на свадьбе в Меркаре. Пожалуй, из всех собравшихся он был самой величественной фигурой. И эта фигура, резко отличавшаяся от остальных, сразу низводила этих остальных на уровень ничем не примечательных обывателей.

Манданна с достоинством нес свое тощее тело сквозь толпу родственников, он с кем-то снисходительно раскланивался, кому-то посылал великодушные полуулыбки. Но было в его поведении какое-то странное несоответствие. Сначала я не поняла, в чем дело. И только некоторое время спустя догадалась. Приветствовал и улыбался только Манданна. Остальные этого или не делали или буркали что-то в ответ. Манданна был похож на актера, разыгрывавшего сцену с воображаемыми собеседниками.

— Кто такой Би Кей Манданна? — спросила я подвернувшегося мне под руку мистера Понаппу.

— Би Кей Манданна? Чем он вас мог заинтересовать? — удивился он. — Би Кей Манданна — неудачник. Нестоящий человек, — и пренебрежительно махнул рукой.

И это пренебрежение весь вечер окружало Манданну плотной непробиваемой стеной. Но Манданна, казалось, не обращал на него внимания. Он вел свою роль по каким-то четко выработанным, но одному только ему известным правилам.

Весь вечер я наблюдала за Манданной, стараясь понять законы его игры. Он принадлежал к числу родственников жениха, и именно среди них время от времени возникала его высокая и нескладная фигура. Но и там он, казалось, был чем-то чужеродным. Родственники жениха уже изрядно выпили и плохо помнили слова, которые надо было говорить жениховой стороне во время главной церемонии. Знал их только Манданна, но его никто не слушал, и слова Манданны тонули в шуме, смехе и бессвязных фразах, которые изрекали другие. Однако это его не огорчало, и он продолжал делать свое дело серьезно, не обращая внимания на насмешки. И когда по правилам церемонии было спрошено согласие родственников жениха на брак, те были слишком оживлены и не слышали вопроса. Но понимая, что наступил важный момент, они на мгновение замолчали. И в этой относительной тишине раздался голос Манданны.

— Да, да, конечно, — сказал он с достоинством.

В толпе родственников наступило краткое замешательство, потом кто-то крикнул:

— Эй, Манданна, тебя не спрашивают!

Но Манданна не удостоил обидчика ответом, отошел в сторону и, казалось, утратил интерес ко всему происходившему.

Свадьба кончилась поздно вечером. Начался дождь, и его шум смешался с урчанием автомобилей, в которых уезжали гости. Ко мне подошел доктор Бопайя и предложил подвезти. Но я отказалась, сославшись на то, что идти мне недалеко. Когда свадебный зал совсем опустел, я вышла на улицу. Дождь лил прямыми сильными струями, было темно, и только там, где стоял уличный фонарь, смутно и расплывчато светилось желтое пятно. И в тусклом свете этого пятна я увидела одинокую фигуру человека. Я подошла ближе и узнала Би Кей Манданну. Но его фигура потеряла молодцеватость, плечи обвисли, а спина была зябко согнута. Передо мной стоял старик, которому было

не менее шестидесяти. Потом я узнала, что не ошиблась. Он был очень одинок, этот старик, чем-то озабочен, и резкие морщины усталости лежали на его лице. Игра кончилась, и теперь не было никакого несоответствия между этим старым кургом и дождливым промозглым миром, окружавшим его. Я стояла поодаль, и Манданна меня не замечал. Он сосредоточенно думал о чем-то своем.

— Мистер Манданна! — окликнула я его.

Старик резко повернулся, увидел меня, и с ним произошло чудесное и мгновенное превращение. Плечи распрямились, а на лице появилась галантная улыбка. Актер вновь вошел в свою роль.

— Мадам! — воскликнул он. — Я вас ждал. Я вас провожу. Женщине одной нельзя ходить ночью. Это понимает каждый настоящий мужчина. Но не те! — И он ткнул своим зонтиком в сторону дороги, по которой уехали автомобили.

Мы зашлепали по лужам, и Би Кей Манданна, прижимая острый с заплаткой локоть к намокшему боку, держал надо мной дырявый зонт. Манданна говорил что-то галантно-рыцарское, а я думала о «тех», у которых не нашлось места в их лимузинах для продрогшего старика, и еще о том, что странная игра была придумана Манданной для «тех» же, чтобы чем-то защитить себя от их пренебрежения, сытости и равнодушия. Но потом я обнаружила, что в своей последней мысли я ошиблась. Манданна ничего не придумал. Он был таким. И наверное, не смог бы быть иным. Он был носителем того галантного духа великодушия и тонкого чувства чести, о которых справедливо писал в своей книге о кургах Б.Д.Ганапати.

Дом предков Манданны был расположен в двадцати милях от Меркары и принадлежал вполне зажиточной окке. В дни его детства и юности все члены окки жили в этом доме и никто, казалось, не помышлял об отъезде. Окка была большая и сильная и в сверстниках у Манданны не было недостатка. Пожалуй, он ничем особенным не отличался от этих сверстников. Только был добрее других, а обостренное чувство справедливости нередко ставило его в затруднительное положение.

— Опять Манданна подрался, — говорила старая бабка. — Все хочет, чтобы было справедливо. Теперь ходит весь в синяках.

Но бабушка почему-то выделяла Манданну среди остальных и жалела его больше других внуков. Ему она рассказывала семейные

предания, называла имена павших предков. От нее он узнал удивительные истории о настоящей дружбе и подлых предательствах. По ночам Манданне снились эти герои — высокие, красивые и сильные. Ему очень хотелось на них походить. Но сам Манданна был долговяз и нескладен! Его фигура вызывала насмешки сверстников. Бабушка утешала Манданну;

— Вот вырастешь, станешь красивым и сильным. Никто не посмеет над тобой смеяться.

Манданна вырос, но ни красивым, ни сильным не стал, ни тем более ловким.

На зеленой лужайке за деревней каждый праздник происходили спортивные соревнования мужчин и юношей. Манданна самым оригинальным образом ознаменовал свое появление на традиционной спортплощадке. Когда все бежали, он не заметил в траве веревки, к которой была привязана коза. Зацепившись ногой за эту веревку, он несколько шагов еще протащил за собой и веревку, и отчаянно блевашую козу. В тот момент, когда Манданна, взмахнув длинным руками, уже терял равновесие, рассвирепевшая коза настигла его и прицельным ударом, попавшим бегуну пониже спины, свалила в траву. Остальные бежать, уже не могли. Они ослабели от смеха. Но Манданна поднялся, с достоинством оглядел смеющихся и гордо покинул лужайку. Это рассмешило остальных еще больше. И их смех стоял в его ушах всю дорогу до дома предков.

В этом доме Манданне по-прежнему снились герои, и он мечтал сделать что-нибудь такое, что заставит говорить о нем с почтением и уважением. Случай, не замедлил представиться. Во время праздника «кейл подду» отец сказал ему, что он может принять участие в коллективной охоте. Он был молод, и эта охота была его первой. Он обязательно убьет оленя. Тогда все забудут об этой злосчастной козе. Но разве он мог предположить, что его судьба сделает во время охоты такой предательский виток. Манданна вместо оленя подстрелил корову. Корова мирно паслась в лесу. Но Манданне так хотелось убить оленя, что коровьи рога он принял за оленьи. Может быть, ему помешала излишняя мечтательность. Он выстрелил. На выстрел сбежались остальные охотники. Охоту пришлось прекратить.

— Неудачник! — сердито бросил ему тогда отец.

С тех пор это слово прочно приклеилось к его имени. Но это слово было не из его мира, населенного благородными героями и где он сам был героем. Оно пришло из мира реальности, в непостижимое противоречие с которой он уже входил тогда. А дальше было еще хуже. Манданну не послали в колледж. Всех братьев послали, а его нет.

— Тратить деньги на неудачника — пустое занятие, — сказали на семейном совете. — Пусть остается дома и помогает на поле. Если у него есть голова, пробьется и со школьным образованием.

Так Манданна остался в доме предков. Братья приезжали на каникулы, рассказывали о далеких городах Бангалуре и Мадрасе. Что-то в этих рассказах не нравилось Манданне, но он не мог понять что. Братья покровительственно хлопали его по плечу и что-то сомнительное и недосказанное было в их репликах по его адресу и адресу других людей, которых он знал.

Манданна работал на поле вместе с батраками, которых нанимали на сезон. И хотя он был для них хозяином, батраки не очень-то слушали его.

Девушку, которую любил Манданна, выдали за другого — за двоюродного брата Манданны. Манданна долго ничего не подозревал. Девушка, кажется, платила ему взаимностью. Но все-таки Манданне стало известно, что кузен претендует на его невесту.

— Послушай, — сказал он кузену, — ты же знаешь, она моя невеста.

— Ну и что? — ответил тот, не сразу поняв, к чему клонит Манданна.

— Ты же знаешь, — разъяснил Манданна, — в Курге до сих пор жив дух рыцарства. А рыцари не должны предавать друг друга.

— Конечно, — ответил кузен, — рыцари не должны предавать друг друга.

— Значит, договорились? — обрадовался Манданна. — Вот моя рука.

Рукопожатие кузена было вялым. Он не ожидал, что его насмешку Манданна примет за что-то серьезное. Но и уверять его в обратном не стал. Манданна был горяч, и кузен с детства помнил его тяжелые кулаки. Но через неделю была объявлена свадьба. Манданна бросился к кузену, но того дома не оказалось. Кузен предпочел это время провести в другом месте. Тогда он побежал к девушке.

— Поздно, — сказала та.

— Но я люблю тебя, — его голос от волнения сел и стал хриплым. — Я верил брату. Он обещал не делать этого.

— Обещал... — усмехнулась девушка. — Чего стоят обещания?

— Обещания курга стоят многого, — торжественно изрек Манданна. — Послушай, — горячо зашептал он. Все это ведь можно еще исправить. Я украду тебя. Я достану коня и с оружием в руках пробьюсь сквозь строй врагов. Я увезу тебя в горы.

— На что мы там будем жить, вояка? — дрожащим голосом выкрикнула она.

На ее глазах выступили злые слезы.

— Прости, — прошептал Манданна. — Я не знал, что ты такая...

— Какая такая? — вновь закричала она. — Все такие! Один ты не такой!

«Один ты не такой» — эти слова еще долго звучали в его ушах.

Братья один за другим кончали колледжи и женились.

— Ну, а ты о чем думаешь? — спрашивали они его. — Долго еще будешь ходить в холостяках?

— Я — воин, — гордо отвечал Манданна. — Женщины меня не интересуют.

Братья смеялись.

— Он — воин! Посмотрите на этого воина!

Но Манданна гордо удалялся, оставляя за братьями поле битвы, которую считал недостойной себя. А потом между братьями разгорелась иная битва, когда делили земельную собственность умершего отца. Их было трое, Манданна был четвертым. На каждого из них пришлось не более двадцати акров земли. Это немного, но прожить можно. Братья уже не жили в доме предков, у них были свои дома. Им повезло в жизни. Но земля была нужна и им. Сначала они пытались решить этот вопрос между собой. Но кроме ссор и вспышек озлобления это ничего не давало. Тогда они придумали другое. Целую неделю они жили в доме, и никто не смеялся над Манданной. Более того, они начали ставить его в пример своим подрастающим сыновьям.

— Смотрите, — говорили они, — как благороден ваш дядя. Как он умеет себя держать, хоть и не учился в английском колледже. Вот пример истинного и бескорыстного кургского рыцаря.

Манданна растроганно улыбался племянникам и смущенно подкручивал черные усы. Походка его стала еще тверже, а осанка горделивей.

Наступил звездный час его торжества. Наконец даже братья его признали. Они восстановили его веру в этот странный мир. Но неделя прошла, и действительность обрела свой реальный смысл.

— Манданна, — сказал ему старший, — зачем тебе земля?

— Как зачем? — спросил ничего не подозревавший Манданна. — У каждого курга должна быть земля.

— У каждого — это верно, — подтвердил брат. — Но тебе-то она зачем? Ты же мужчина, воин, рыцарь. Не то, что мы. Обросли семьями, обзавелись детьми. Всех надо кормить.

Его долго уговаривали отказаться от участка. Манданной владели противоречивые чувства. Он знал, что участок даст ему независимость, как дал многим другим. Но в то же время он целую неделю был гордостью дома. Теперь ему предоставили выбор: оставаться этой гордостью или утратить такое звание.

«Во имя чего утратить? — размышлял он. — Из-за паршивого участка? На котором я провозился так долго, не имея возможности проявить свои истинные качества?»

На столе появился французский коньяк, и вино ударило ему в голову. Теперь он точно знал, что нет положения выше, чем быть гордостью дома предков. Он подписал отказ от участка, не подозревая о том, что стал отныне в глазах этих людей посмешищем. В тот вечер, довольный своим выбором, он палил из ружья, утверждая перед всем миром галантное великодушие своего духа и рыцарственное бескорыстие сделки. Эти же выстрелы возвещали реальному миру начало его беспросветной нищеты и бедности. Но тогда он об этом не думал. Старший брат, прислушиваясь к беспорядочной стрельбе, раздраженно сказал остальным:

— Пойдите и уймите этого глупца. Иначе он ненароком перестреляет всех кур.

В ту ночь Манданна видел удивительные сны. Смелые рыцари и герои с мечами неслись на конях. Они защищали честь своих кланов и Кургa. Их мужественные лица озаряла добрая улыбка, когда они поворачивали их к Манданне. Они звали его с собой, горячий конь нетерпеливо бил копытом у порога дома предков.

Но праздник духа у Манданны кончился очень быстро. Поле предков не могло прокормить всех оставшихся в доме. Все чаще за его спиной звучала слово «неудачник». Потом ему просто предложили подыскать себе занятие. «Гордость семьи» была выдворена из дома и помещена в адвокатскую контору в Меркаре в качестве клерка. Там уже знали о рыцарских подвигах Манданны, и даже мальчишка-слуга непочтительно хихикнул при виде его долговязой фигуры в поношенной купье.

Сам адвокат, уступивший настойчивым просьбам его дяди, отнесся к нему настороженно. От такого можно ожидать чего угодно. И не ошибся. Неожиданности не заставили себя ждать.

Просматривая дела в серых толстых папках, Манданна натолкнулся на странное и сомнительное дело. Оно было несправедливым от начала до конца. В нем шла речь о вдове, у которой родственники отсудили последний клочок земли. Адвокат защищал родственников и помог им выиграть дело. Манданна не понимал, как это можно было сделать. Он долго над этим размышлял, а потом предстал перед адвокатом.

— Сэр, — сказал он, — это дело надо пересмотреть.

— Какое дело? — не понял адвокат.

— О вдове и ее родственниках, — и протянул адвокату серую папку.

Тот спокойно взял папку и стал ее листать. Но по мере того как до него доходил смысл слов Манданны лысина адвоката начала краснеть и глаза зло суживаться. Наконец он швырнул папку на стол и поднял эти сузившиеся глаза на Манданну.

— Ты с ума сошел? — прошипел адвокат. — Дело которое я выиграл, пересматривать?

— Конечно, — твердо ответил Манданна. — Оно не справедливое. Вдова должна получить свою землю.

— Вон! — закричал адвокат. — Кто ты такой, чтобы мне указывать? Я держу тебя из уважения к твоему дяде! А ты... — голос адвоката сорвался, и он несколько раз беззвучно открыл рот...

Юридическая карьера Манданны кончилась. Ему не хотелось возвращаться в дом предков. Манданна целыми днями бродил по Меркаре, учтиво раскланивался со знакомыми. Но они спешили покинуть его и не вступали с ним в беседу.

В ту ясную и нежаркую зиму в Курге было много туристов. Они шумной толпой окружали гидов из туристского бюро. Гиды скороговоркой сообщали им какие-то сведения из истории Курга, рассказывали о крепости в Меркаре и водили их на высокий обрыв любоваться видом окрестных гор. Манданна от нечего делать тоже слушал гидов, и ему не нравились эти шустрые молодые люди, которые ничего не понимали ни в кургах, ни в Курге. И тогда Манданне пришла в голову блестящая мысль стать гидом.

Манданна не пошел в туристское бюро. Он решил стать частным гидом. Он привел в порядок свою купью, начистил до блеска похожий на кинжал нож пичекатти и уложил в аккуратные витки тюрбан. В таком виде он появился перед туристами, которые стояли у старинной крепости. Гида с ними не было. Они обсуждали вопрос о том, кто жил в этой крепости, когда она возникла и строили догадки одну нелепее другой. Манданна не выдержал.

— Леди и джентльмены! — обратился он к ним. — Я могу рассказать вам об этой крепости и многом другом.

Высокая фигура Манданны в традиционном кургском костюме сразу привлекла внимание туристов. Они окружили нового гида. О чем рассказывал им Манданна? Конечно, о героях Курга, о набегах и сражениях, о благородстве и предательстве. Он говорил сбивчиво, но в его словах было столько искренности, в его долговязой фигуре столько подлинного достоинства, что туристы продолжали его внимательно слушать. Целый день он водил их по Меркаре и даже спел им несколько кургских песен. Туристы горячо его благодарили, а потом направились куда-то по своим делам, забыв о Манданне. Манданна смотрел им вслед, не смея напомнить о положенной ему плате. И опять противоречивые чувства владели его душой. Он не мог просить денег за рассказ о героях и рыцарях Курга. Он взял бы их, если бы ему предложили, но ему никто не предложил. В этот вечер у него осталась последняя рупия. Он сделал еще несколько попыток заработать на туристах. Те его горячо благодарили, но забывали заплатить. А сам он не просил. Почти целую неделю Манданна жил впроголодь, однако не терял надежды. Собственные рассказы и внимание туристов порождали в нем какое-то гордое удовлетворение. Они придавали ему значительности. Но это было все, что он имел за свой труд. А потом появилась группа американцев. Он остановился около них, размышляя

о том, стоит или не стоит предлагать свои услуги. В это время молодая золотоволосая женщина повернулась в его сторону. В ее продолговатых синих глазах засветилось удивление. Затем удивление перешло в какой-то детский восторг.

— Послушайте, — закричала она остальным, — здесь настоящий кург! Идемте знакомиться!

Американцы окружили Манданну, совали ему руки и называли свои имена. Он не смог их всех запомнить. Он запомнил только имя золотоволосой — Джойс. Его рассказ потек сам собой. Американцы слушали, восхищались и щелкали нацеленными на него фотоаппаратами. Потом они пригласили его пообедать с ними. Манданна давно так сытно не ел. Две рюмки американского виски сделали его окончательно уверенным в себе. Он был счастлив. Он чувствовал себя настоящим рыцарем. Джойс сидела рядом с ним и смотрела на него смеющимися глазами. Что-то в ней напоминало ему о той, которую когда-то у него отобрали. И от этого сходства-напоминания теплая волна поднималась откуда-то изнутри, подхватывала Манданну, делая его легким и радостным.

На следующий день Джойс сама нашла его, и они целый день бродили по окрестностям Меркары. И вновь эта, еще незнакомая ему теплая волна подступала к сердцу, а глаза Джойс смеялись и были такими же синими, как небо Курга. Он осмелел и пригласил Джойс в дом предков.

— Дом предков! — воскликнула Джойс. — Как это интересно! Вы такой милый, Манданна! Вы настоящий рыцарь Курга.

— Конечно, — скромно согласился Манданна и подкрутил щегольские усы.

В доме предков в связи с появлением Джойс возник большой переполох. Но Джойс это не смутило. Она носилась по дому, восхищаясь его толстыми каменными стенами, бесцеремонно потревожила духов предков в канникомбре, обследовала траншеи и заставила Манданну несколько раз пальнуть из ружья в ее честь.

Старая тетка Манданны заявила протест, обозвав его выжигой. Но выжига с отрешенным видом тенью следовал за Джойс и не обращал внимания на ворчание тетки. Горячий конь бил копытом у порога дома предков, а рядом с Манданной была прекрасная золотоволосая женщина...

В Меркару они вернулись поздно вечером. Он довел ее до отеля и стал прощаться.

— Но, мой рыцарь, так не поступают, — засмеялась Джойс. — Вы должны нанести мне визит.

Он двинулся за ней, несмело переступил порог ее комнаты и остановился. Джойс приблизилась к нему. Комната поплыла перед его глазами, но он продолжал стоять, боясь пошевелиться.

— Мой рыцарь, — сказала она насмешливо, — прекрасная дама к вашим услугам.

Еще не совсем понимая всей сути происходящего, Манданна прошептал непослушными губами:

— Но у нас так не поступают. Конечно, вы мне нравитесь и я переговорю с родственниками о свадьбе.

Джойс обессилела от хохота. Слезы выступили на ее прекрасных глазах.

Он вышел из ее комнаты, и смех Джойс долго и болезненно отзывался в его ушах. Больше он ее не видел. Американцы уехали из Меркары. Через несколько дней он встретил только одного из них, веснушчатого парня, по неясным причинам задержавшегося в городе.

— Хэлло, Манданна! — шумно приветствовал тот его. — Как дела?

— Ничего, — ответил Манданна.

— Слушай, — вдруг доверительно заговорил парень. — Какого дурака ты сваял. Джойс влюбилась в тебя. Она бы вышла за тебя замуж. Это уж точно. И ты бы жил, как у Христа за пазухой.

— Но мужчина не может жить за счет женщины, — возразил Манданна.

— Да брось ты! — веснушчатый хлопнул его по плечу. — Какая разница, кто за счет кого?

Но Манданна торопливо попрощался с американцем, оставив того в полном недоумении.

С работой в Меркаре ничего не получилось, и он вернулся в дом предков. Там о нем забыли как о «гордости дома». Но наступил день, когда Майданна вновь получил шанс стать таковым.

...Братья приехали поздно вечером на джипе. Теперь у старшего была машина. Манданна приготовился слушать наставления братьев. Но ничего подобного не произошло. Как будто не было эпопеи у адвоката в Меркаре.

Утром состоялся важный разговор.

— Манданна, — сказали ему, — ты помнишь наших врагов?

Манданна помнил и друзей, и врагов. Только он сразу не мог понять, к чему клонят братья. Потом все разъяснилось. Лет пятьдесят назад одним из членов враждующей окки был убит родственник Манданны. Братья настаивали на кровной мести.

— Но ведь это было давно, — пытался возражать Манданна, — теперь никто никого не убивает. Полиция строго следит за этим.

— Ты испугался? — усмехнулся старший брат. — С каких пор ты стал трусом?

Манданна обиделся и хотел уйти. Но братья удержали его. Они уже наметили предполагаемую жертву. Это был Чиннаппа, мелкий плантатор. Манданна не возражал против Чиннаппы. Действительно, плантатор был не из лучших людей в этом мире. Он только не знал, что выбор братьев диктовался не моральными соображениями. Старший претендовал на часть земель Чиннаппы и затевал против него судебное дело. Неожиданная смерть ответчика облегчила бы многое. Но об этом братья Манданне не сказали. Они сказали другое:

— Ты возьмешься за это дело.

Манданне не хотелось убивать человека, которого он даже не знал хорошо. И он не понимал, почему акт мести поручается ему.

— А кому же еще? — удивились братья. — У нас семьи, дети, мало ли что может случиться. Кто о них позаботится? А ты человек свободный, бескорыстный, Ты — рыцарь нашего дома и его гордость.

И боевой конь снова забил копытом у порога дома предков...

По Манданна не стал прятаться в лесу, подстерегать жертву, как это делали другие, пытаясь свести счеты с давними врагами. Он взял ружье и отправился к Чиннаппе. Так поступали настоящие мужчины и благородные воины Курга. Они встречали врага лицом к лицу.

Чиннаппу он застал во дворе собственного дома. Тот стоял в окружении своры собак. Надвигался охотничий сезон, и Чиннаппа делал смотр своему «войску».

— Эй, Чиннаппа! — крикнул Манданна. — Я пришел тебя убить.

Грузный, одетый в охотничьи бриджи, Чиннаппа повернулся на голос и обалдело уставился на Манданну.

— Что? — переспросил он. Манданна повторил.

— Ты что, больной? — закричал он, увидев в руках Манданны ружье. — Среди бела дня? Да кто ты есть?

— Манданна, — и назвал имя своей окки. Чиннаппа расхохотался.

— А, это ты, неудачник? Долго ты над этим думал?

Но Манданна не ответил и вскинул ружье.

— Ату его! — скомандовал Чиннаппа собакам.

Те живым, хрипящим клубком бросились под ноги Манданне. Манданна успел выстрелить, но только в воздух. Собаки свалили его с ног. Он отбивался от них, стараясь прикрыть лицо. Потом на него навалились дюжие слуги Чиннаппы. Искусанного и избитого, в изорванной купье, Манданну выбросили за ворота, а вслед швырнули ружье. Ружье попало в стоявшее рядом дерево, и его старинный приклад разлетелся в щепы. Остался только ствол с искореженным затвором. О том, что было потом, лучше не вспоминать. Манданну вызывали несколько раз в полицию и там допрашивали. Братьев тоже вызывали. Но они сказали, что не имеют отношения к идиотским поступкам Манданны. Братья были уважаемыми землевладельцами, и им поверили. Манданну отпустили, но завели на него дело.

Манданна понимал, что братья его предали. Но доказать этого ни себе, ни им не смог. Слишком сложная была игра, в которую его втянули...

С тех пор прошло немало лет. Эти годы ничего не изменили ни в судьбе Манданны, ни в его характере. Братья разбогатели, обзавелись автомобилями, их дети учатся в лучших колледжах. Окка в целом считается зажиточной. И только Манданна, кормящийся маленьким клочком поля предков, остается позором своего клана. Конечно, его приглашают на семейные торжества и праздники. Традицию нарушать нельзя. Но традиция не защищает его от насмешек и неуважения. «Манданна-неудачник», — повторяют даже дети. Но Манданна — живое олицетворение ушедшего Курга, гордо несет свою поседевшую голову через толпу дельцов, плантаторов, адвокатов. Временами ему кажется, что все, за что он держится, с каждым годом становится более зыбким, ненадежным и исчезающим. Но у него нет другой опоры. Он не сумел ее найти в Курге сегодняшнего дня. И поэтому он продолжает свою игру, и время от времени боевой конь бьет копытом у порога дома предков...

Генерал

Он надел старую, похожую на блин, фуражку, набросил на плечи поношенную куртку и сел за руль видавшего виды «хиндустана». Я села рядом. Машина всхлипывала и не хотела заводиться.

— Ну, ну, — уговаривал он ее. — Давай, старина. Мы еще поработаем.

«Старина», наконец, поддалась уговорам, мотор включился, и мы двинулись. Мы ехали по узким мощеным улицам Меркары, и люди, заведя его, останавливались и почтительно раскланивались. Он по-военному касался пальцами козырька своей фуражки-блина.

Мы выехали из города на шоссе, которое вилось среди ярко-зеленых рисовых полей и подсвеченных голубизной лесистых гор.

Со мной рядом за баранкой сидел генерал Кариappa, бывший главнокомандующий индийской армии.

С генералом я познакомилась через два дня после моего приезда в Кург. В тот день я сидела в кабинете редактора местной газеты мистера Ганапати. Мы с ним в очередной раз обсуждали проблему происхождения кургов. Раздался телефонный звонок. Ганапати снял трубку.

— Да, здесь, — сказал он, удивленно взглянув на меня. — Это вас, мадам.

Я удивилась не меньше, но трубку взяла.

— Хэлло! — сказали в трубке. — Говорит генерал Кариappa. Не смогли бы вы ко мне сейчас приехать? Как это получилось, что вы уже два дня в Курге, а у меня еще не были?

Я не стала вдаваться в подробности и обещала прибыть к генералу. Он меня интересовал не только как бывший главнокомандующий, но и как личность.

Имение генерала находилось тут же, в Меркаре. Это был большой участок леса вместе с кофейной плантацией. Посреди неухоженного парка стоял дом под красной черепичной крышей. Я позвонила у

дверей. Где-то в глубине дома раздались шаги и на пороге возник высокий худощавый старик. Но, говоря «старик», я в какой-то мере грешу против истины. Я знала, что Кариаппе уже много лет, не меньше семидесяти. Однако он был по-военному подтянут, щеточка седых аккуратных усов украшала его верхнюю губу, а светло-карие глаза смотрели ясно и умно. И вдруг произошло неожиданное.

— Я люблю вас, — по-русски сказал генерал.

— Что? — растерялась я. Генерал повторил.

— Но, генерал?!

— Ничего не понимаю, — растерялся Кариаппа.

— Я тоже, — подтвердила я.

— Мадам, давайте разберемся сразу. Что я вам сказал по-русски?

Я перевела его фразу на английский.

Генерал как-то по-юношески подпрыгнул, хлопнул себя по лбу и захохотал. Он смеялся до тех пор, пока слезы не выступили у него на глазах.

— Извините, — сквозь всхлипывания произнес он. Я хотел сказать «здравствуйте» по-русски, но, вероятно, перепутал...

Мы вошли в большую комнату, обставленную по-европейски. Из широкого окна комнаты открывался вид на дальние склоны лесистых гор. На стенах висели сабли, старинные мечи, копья племени нага и австралийские бумеранги. В специальной стойке стояли аккуратно начищенные и смазанные ружья. Несмотря на парижские и лондонские безделушки, здесь жил воинственный дух Курга. Мы уселись в кресла перед догорающим камином. Смешная путаница, которая произошла в первый момент нашего знакомства, сделала беседу непринужденной. Генерал жил один. Он недавно похоронил жену, а его сын и дочь только изредка навещали его. В нашей беседе преимущество было на моей стороне. Я знала о генерале многое, а он, возможно, этого и не подозревал. Я знала, что он был одной из противоречивых фигур Курга. Он нес в себе и его прошлое, и его настоящее, его падения и взлеты, его бедность и богатство, его чувство независимости и сложность его политических взглядов.

Ему повезло в военной карьере. Для этого везения у него было все. Кургская спортивная закалка, быстрый и ясный ум, способности к военным наукам и, наконец, причастность к славному и старинному клану Корандера. Сначала он учился в Меркаре, затем в

Президентском колледже в Мадрасе. Но в девятнадцать лет он не захотел быть студентом. В те годы армия, как магнит, тянула его к себе. В 1920 г. его послали в английские части в Месопотамию, затем на афганскую границу. Там он дослужился до офицерского звания. Трудно сейчас сказать, почему так получилось, но армейская политика расовой дискриминации почему-то не коснулась его. Может быть, потому, что он был из Курга, находившегося на несколько особом положении в колониальной Индии. Он оказался первым индийским офицером среди слушателей английской военной академии в Квете.

Шла вторая мировая война. Английские войска стояли в Ираке, Сирии, Иране. В этих странах продолжалась военная карьера Кариappa. В 1942 году первый индеец — Кариappa получил высокое офицерское звание — лейтенанта-полковника. В его распоряжение поступил артиллерийский батальон Седьмого раджпутского полка англо-индийской армии. Через два года ему присвоили чин бригадира. Он был первым, но не последним. Через год после него чин бригадира получил еще один кург, его двоюродный брат Тимайя.

Окка Корандера стала известной во всей Индии. Судьбы и пути членов этого клана переплелись самым неожиданным и причудливым образом. В 1945 году в Красном форту в Дели судили офицеров Индийской национальной армии. Армия сражалась на стороне японцев против английских частей. Армия сражалась за независимость Индии. Но в этой борьбе у нее были неудачные союзники. Это превратило борьбу Индийской национальной армии в трагедию и в какой-то мере в фарс. В сентябре 1945 года Япония капитулировала, и армия сдалась в плен на индо-бирманской границе. Той же осенью над ее офицерами в Красном форту начался суд. Среди высокомерных английских чиновников и крупных военных, председательствующих на суде, был и индеец — Кариappa. А среди обвиняемых был член кургской окки Корандера полковник индийской национальной армии племянник Тимайи. Так пересеклись их пути. На этом процессе пересеклись пути еще двух человек: Кариappa и Джавахарлала Неру. Оба они оказались по разные стороны барьера. Бригадир англо-индийской армии Кариappa — председатель суда, адвокат Джавахарлал Неру — защитник подсудимых. Барьер этот был не только юридическим, он был политическим. По нему уже тогда проходил тот невидимый глазу водораздел, который навсегда развел в разные стороны убежденного

демократа и борца за национальную независимость Индии Джавахарлала Неру и приверженца английского порядка, будущего активного деятеля партии «Сватантра» бригадира Кариappa.

В августе 1947 года первый премьер-министр страны Джавахарлал Неру поднял над Красным фортом в Дели флаг независимой Индии. Кариappa был к этому времени уже генерал-майором и начальником генштаба. В 1949 г. генерал-лейтенант из Курга стал главнокомандующим индийской армии.

Кург радовался и гордился. Окка Корандера становилась самым уважаемым кланом. Воинственные традиции Курга заблистали ярко и по-новому в независимой стране. Через год клан отмечал еще одно событие. Тимаия стал генерал-майором.

Ну, а Кариappa? Кариappa был солдатом и кургом. И он оставался им. Он исполнял свои обязанности.

Но время продолжало меняться. Вместе с ним менялась армия. И что-то в этих изменениях настораживало и тревожило генерала. С чем-то он был не согласен. Он переосмысливал свою жизнь, и какие-то неясные планы зарождались в его голове. Было прожито уже много, но и оставалось немало. Кург ждал от него новых свершений. Но для них нужна была и иная основа. Он вспоминал суд в Красном форту. Он — председатель, Неру — защитник. На его стороне сила и порядок. А что было на стороне Неру? Только его собственное мужество да кричащие толпы демонстрантов? Он никогда не любил кричащих и требовавших. Они раздражали его. Этим людям было незнакомо понятие дисциплины. До чего может дойти страна? Его Кург находится в этой стране. Лесистые горы, крепкие каменные дома, прибыльные кофейные плантации. Все это можно потерять. С этим согласиться он не мог, как не мог согласиться со многим, что пришло в Индию вместе с независимостью.

В 1953 году Кариappa подал в отставку. Ему было тогда 53 года. Отставку приняли.

В Дели состоялся прощальный парад. Мимо трибуны, на которой стоял Кариappa, церемониальным шагом проходили солдаты. Играл военный оркестр. Генерал смотрел на солдат и плакал. Он был для них командиром. Возможно, его даже любили... И генерал плакал. Теперь не будет ни их, ни оркестра. Того оркестра, чья музыка действовала на

него взбадривающе. Не будет... Но он ошибся. Военный оркестр еще раз был.

Когда поезд с отставным генералом подошел к платформе вокзала Центральный в Мадрасе, грянула музыка. Местный гарнизон встречал и приветствовал бывшего главнокомандующего.

Он не стал задерживаться в жарком и душном Мадрасе. Он спешил в Кург, в Меркару. Там его ждали. Это для них он уже подготовил первые фразы своей речи. «Мое путешествие подошло к концу. Какое другое я должен совершить, я еще не знаю».

После приема, где Кариаппу чествовали как национального героя, он разыскал дома старую фуражку и куртку. Они превратили его в простого смертного. И он испытал от этого какое-то странное и необъяснимое удовлетворение. В таком виде он и отправился в старинный дом предков.

Ему казалось, что в большом мире о нем забыли, и только Кург продолжает его помнить. Но это было не так. Через некоторое время пришел вызов из Дели. Ему предложили стать послом Индии в Австралии и Новой Зеландии. Он согласился. Там, на далеком континенте, у него было достаточно времени для размышлений. Там он задумал свое новое «путешествие». В этом путешествии конечным пунктом должен был быть Кург. От него он отталкивался, к нему приходил снова. Без Кургa любые путешествия теряли для него смысл.

В 1956 году он вернулся в Индию. Он вернулся в Меркару, в свой дом, к своей плантации кофе. За время его отсутствия в Курге произошло немало перемен. Плантаторы набирали силу. Молодая кургская буржуазия пыталась заявить о себе во всеуслышание. Она хотела влиять на ход политической жизни страны. Но возможности ее были ограничены. Кариаппа, как никто иной, понимал это.

Шли приемы в честь прибывшего домой посла. На них Кариаппа высказывал свои взгляды. Он формулировал то, о чем думали плантаторы. Они не могли четко выразить свои мысли. У них не было нужного политического опыта. Традиционный опыт, почерпнутый в феодальных усобицах, уже не годился. Кариаппа принес нужный опыт. Может быть, не во всем объеме, который требовался новому Кургу. Ведь опыт генерала имел свои границы — это был опыт военного и дипломата. Но у Кургa не было лучшего. И он сделал ставку на генерала. Генерал был плантатором и понимал, что нужно

плантаторам. И он высказывал свои взгляды и помогал формулировать их другим.

Кург мечтал о партии, где его плантаторы займут достойное место. Нужная партия появилась в 1959 году и называлась «Сватантра». Помещики, князья, крупные предприниматели Индии возлагали на нее надежды. Наконец система взглядов кургских плантаторов получила свое организационное завершение. Появилась надежда на политическую роль не только в Курге, но и в стране. Отделение партии в Курге возникло без всяких осложнений. Генерал стал в нем самой значительной фигурой.

* * *

В Меркаре шли приемы, и на один из них генерал прислал мне приглашение. Прием был у него в доме.

Все оказалось так, как бывает в солидных буржуазных домах. Дамы в вечерних туалетах с блеском бриллиантов в ушах. Джентльмены в строгих черных костюмах, с золотыми перстнями на пальцах. Гостеприимный и галантный хозяин, обносивший гостей джином и виски. Ярко пылал огонь в английском камине, и воздух был наполнен благоуханием дорогих духов. Здесь собрались сливки Курга, его теперешние властители. Это было избранное общество, в которое приглашают не каждого.

Сначала мое появление вызвало легкое и, на мой взгляд, вполне естественное замешательство. Потом все пришло в норму. Но весь вечер меня не покидало ощущение, что я веду какой-то молчаливый диалог с генералом. С ним в тот вечер мы говорили мало. Необычно мало. Разговоры были с другими. Но Кариappa умело дирижировал выбором моих собеседников. Оставаясь в тени, он тем не менее незримо присутствовал в этих разговорах. Диалог вел он, а не гости. Разговоры были разные, но все они касались острых политических проблем. Генерал немедленно оказывался рядом, как только возникала дискуссия между мной и очередным собеседником.

Мои новые знакомые в большинстве своем были простодушны и прямолинейны в своих взглядах. Когда их политическая наивность вызывала у меня улыбку, глаза генерала суживались, и в них появлялось напряжение. Прямолинейность его коробила. Он требовал от плантаторов дипломатической гибкости. Той гибкости, которой

обладал сам. В тот вечер я поняла, что генерал продолжает свое «политическое, путешествие». «Путешествие» по разным социально-экономическим системам. И в каждой такой системе он пытался найти что-то нужное для себя и своего Курга. То, что помогло бы этому Кургу и его плантаторам занять подобающее им место в большой и сложной стране — Индии.

Потом, после этого вечера, мы не раз беседовали с генералом. И каждый раз он укреплял меня в том мнении, которое сложилось у меня в его доме, наполненном хорошо одетыми гостями.

* * *

Загородное шоссе привело нас к грунтовой дороге. А дорога — в деревню Кунда, где на веселой зеленой лужайке стоял дом предков окки Корандера. Той знаменитой окки, которая дала Кургу двух генералов, Один из них, в старой фуражке и поношенной куртке, поднялся на порог дома. А другого, генерала армии Тимайи, к этому времени уже не было в живых. Он умер в 1965 году на Кипре, командуя войсками ООН.

Дом предков Кариappa был добротным, как и все подобные дома. Прямо со двора вела лестница к рисовому полю. И эта лестница делала поле как бы частью самого дома. Тут же под красной черепичной крышей стоял склад для риса. На веранде дома висели оленьи рога и портреты многочисленных предков и родственников. На этой веранде нас и встретил старый глухой Девайя, двоюродный брат генерала. Кроме него в доме никого не было, хотя окка Корандера насчитывает двести человек. Девайя долго не мог понять, кто я и откуда. Кариappa кричал ему в ухо, потом махнул рукой, и мы вошли в дом. Генерал подошел к священной медной лампе и постоял перед ней в задумчивости. Желтый огонек лампы освещал его лицо. Перед лампой он вспоминал своих предков. Может быть, даже о чем-то их просил. Теперь лицо его не отличалось от многих других, встреченных мною в Курге. И если бы кто-либо увидел его в этот момент, то вряд ли узнал в этом старом курге в поношенной куртке бывшего главнокомандующего индийской армии и человека, продолжающего свое «политическое путешествие». То «путешествие», которое было бы бессмысленным без этого старинного дома и без этой священной лампы, зажженной в честь предков...

Матери Курга

Караван заполнил все узкое пространство двора перед домом. Мычали быки, лошади приплясывали на месте и нетерпеливо били копытами. Люди с трудом ворочали тяжелые мешки, наполненные отборным рисом. Путь предстоял долгий и трудный. Караван отправляли с рисом на Малабар, а оттуда повезут соль. Такие караваны ходили в те далекие дни.

В деревне Амери все знали, что окка Алманда снаряжает караван. Мужчины деревни подрядились охранять. Это их лошади нетерпеливо били копытами Уттача, коренастый и сильный, руководил погрузкой. Но что-то не получалось у него. Он нервничал, покрикивал на других и время от времени поглядывал на двери дома. Но она почему-то не появлялась, а без нее у него явно не ладилось. Уттача уже хотел послать кого-нибудь за ней, но в это время дверь распахнулась и на пороге появилась она, Доддиамма. Она чуть пригнула голову, потому что была слишком высока для этой двери. Ее темные глаза под разлетистыми бровями спокойно остановились на Уттаче. Постепенно шум во дворе прекратился, и мужчины повернули головы в ее сторону, выжидаяще глядя на нее. Казалось, они приготовились услышать приказ или распоряжение. В это время бык, груженный тяжелыми мешками, дернулся в сторону, и один из мешков начал медленно сползать. Заметив это, она легко и быстро сбежала со ступенек и подставила руки под сползающий мешок. Без особого усилия она приподняла его и водрузила на место.

— Уттача! — позвала она. Голос ее был мелодичный и глубокий. — Я тебе говорила, что мешки надо закреплять. Иначе половину растеряешь по дороге.

— Мы закрепили, — оправдываясь, возразил Уттача.

— Я проверю.

Кисти ее рук были небольшими, и на запястьях поблескивали черные стеклянные браслеты. Обычные женские руки в брачных

браслетах. Но Уттача каждый раз удивлялся, наблюдая, как эти руки справлялись с работой. И вот сейчас они затягивали грубые веревки, закрепляющие мешки. Мужчины с этим не могли толком справиться. Лишь Доддиамма делала это надежно. Уттача отвечал за караван не только перед семьей, но и перед ней, своей женой.

Наконец все было готово, и караван мог отправляться. Старая женщина вывела четырех девочек, и Уттача провел рукой по их головам. Это были его дети, его и Доддиаммы. Бог не благословил их сыном. Но если они пойдут в мать, вряд ли нужен сын. Потом он подошел к жене, согнулся перед ней в поясном поклоне и коснулся кончиками пальцев ее ступней. Так же поступили и остальные мужчины. Многие из них были старше ее. Такой поклон предназначается только старшему. Но это была Доддиамма, женщина высоких качеств и высокого уважения. Уттача натянул поводья, и караван медленно потянулся со двора. Через некоторое время он исчез в густом лесу, покрывавшем склон пологой горы...

Ни дом, ни двор, ни земля не принадлежали Уттаче. Они были собственностью Доддиаммы. В окке Алманда соблюдали почти забытый обычай: имуществом владели женщины. В других семьях уже было по-другому. Там всем этим распоряжались мужчины. Так было и в его окке Мананда. Но теперь он не принадлежал ей. Он, как женщина, стал членом чужой окки, и его дочери числились за семьей Доддиаммы. Так она сама распорядилась.

Женщины Алманды славились своей строптивостью. Они всегда умели настоять на своем. Доддиамма сама выбрала Уттачу себе в мужа. Ему повезло. Ибо с того момента, когда он увидел Доддиамму, он уже не мог думать ни о какой другой женщине. Доддиамма сама предложила ему стать ее мужем. Она не поручала этого дела родителям. В Алманде все не так, как у других. Уттача был тогда счастлив. Но он признавал, что уступает жене во всем: в силе, красоте, в уме. Доддиамма была, пожалуй, самым мудрым человеком в Курге. Если возникали конфликты — шли к Доддиамме, если нужен был совет — шли к ней. Если... Да всего и не перечислишь, где требовались ум и мудрость его жены. Сам правитель Курга Муддураджа, если бывал поблизости, всегда сворачивал к их дому. Уттача не любил таких посещений. Ему казалось, что за длинными разговорами жены с хитрым раджей стоит что-то более значительное.

Но с годами это ощущение прошло. Доддиамма не давала ему никаких поводов для таких подозрений. Раджа вел с ней разговоры об управлении, об урожае, о состоянии казны и военных набегах. С другими женщинами таких разговоров уже никто не вел. Но это была Доддиамма.

Дочери Уттачи выросли, но ни одна из них не повторила мать. По характеру они напоминали больше его, Уттачу. Их выдали замуж. Но сколько ни настаивала мать, чтобы их мужья жили в ее семье, ей не удалось ничего сделать. Дочери покорно восприняли свою судьбу. Другие женщины тоже не поддерживали Доддиамму. Наступали другие времена. Доддиамма осталась в одиночестве, и вот тогда она пожалела, что у нее нет сына. Но она не сдалась. Она отстаивала умирающую традицию, утверждая право женщины на главенство. У дочерей пошли дети. Сначала это были девочки. А потом один за другим появились четыре мальчика. И тогда Доддиамма решилась на отчаянный шаг. Она забрала двоих из них к себе. Они стали ее наследниками, и имя ее окки стало их именем. Так неистовая бабка вернула, соблюдая старинный обычай, детей той окке, к которой принадлежали родившие их. Она взяла мальчиков, ибо понимала, что только они теперь могут быть продолжателями рода...

* * *

Доддиамма жила шесть поколений назад. О ней до сих пор помнят в Курге, о ее жизни рассказывают легенды. Почему так хорошо помнят именно о ней? Наверное, потому, что она была последней в том времени, когда женщина была равной мужчине, а иногда превосходила его. Была последней и самой непримиримой.

В Курге есть и другие легенды и сказания о женщинах. О тех, кто жил раньше Доддиаммы. Они были воинами и охотниками на тигров, поэтами и правителями, пахарями и дровосеками. Они были матерями и продолжательницами рода. Они распоряжались собственностью этого рода. Они участвовали в воинственных танцах и пели по вечерам вместе с мужчинами баллады о доблести. Они сами были носителями этой доблести, метко поражая цель, поднимая тяжелые камни и не уступая мужчинам в беге. Наверное, они мало походили на теперешних женщин Курга. На тех, которым более поздняя традиция оставила очень мало. Теперь женщина живет в семье мужа и получает

те немногие права, которыми она еще пользуется. Ее дети принадлежат этой семье. И даже после развода они остаются с отцом. Они — его собственность. Дела деревни решают только мужчины. Женщины в деревенских советах не участвуют. Женщину предпочитают держать, в основном, в доме. Там ей определен и круг работы, и место во внутренних помещениях, где она должна находиться. Женщинам остается удел сторонних наблюдателей, когда мужчины поют и танцуют на празднике. В случае равной вины женщина будет наказана строже и суровее, чем мужчина. Короче говоря, быть женщиной в Курге довольно трудно. Предвидела ли это непримиримая и мудрая Доддиамма? Возможно. Ибо уже при ней шел тот необратимый процесс, который мы называем переходом от матриархата к патриархату. Процесс этот сопровождается угасанием материнского рода и утверждением отцовского. Когда все это началось в Курге? Трудно сказать. Возможно, еще до того, как род распался на отдельные кланы и объединенные семьи. А может быть, умирание материнского рода сопровождалось появлением этих феодализированных и уже патриархальных кланов. Второе предположение мне кажется более обоснованным. Во-первых, потому что общий процесс «патриархализации» в Курге несомненно был ускорен внешним влиянием (пожалуй, раджи, пришедшие из Майсура, представители патриархата, были в значительной мере ответственны за ускорение этого процесса). Во-вторых, оставшиеся в Курге родовые пережитки связаны прежде всего с матриархатом. Я сомневаюсь в том, что развитый отцовский род предшествовал феодализированным кургским кланам. Мне кажется, что это был материнский род. Немало веков прошло со времени его исчезновения. Женщины Курга изменились и со многим смирились. Но все обстоит не так просто, как кажется. Господство воинственных отцов не смогло убить высокого уважения к матери, которое до сих пор существует в патриархальной окке. Проявлений этого уважения много. Но одно из них заслуживает особого упоминания. Мать десяти детей считается героиней и приравнивается к мужчине, убившему тигра. Конечно, такое могли придумать только мужчины. Те мужчины, для которых убить одного тигра так же трудно, как женщине родить десять детей. Точки зрения мужчин и женщин на этот факт будут, конечно, разные. Но попытка

измерить мужество женщины мужской доблестью свидетельствует в пользу галантных кургов.

«В иерархии кодава, — пишет кург Ганапати, — мать имеет более высокий социальный статус, нежели отец». Действительно, в брачной церемонии она первая благословляет молодоженов. Подарки, которые она им преподносит, считаются самыми важными.

Именно старшая женщина должна зажигать священную лампу в доме предков... Ту самую лампу, которая символизирует единство семьи и перед которой кург обращается к духам предков. До сих пор женский окрик действует отрезвляюще на самого воинственного курга. И даже сейчас вы можете увидеть, как отличаются кургские женщины от своих индийских сестер. Они по большей части весьма самостоятельны. Свободно держат себя с мужчинами и оказывают почтение только старшим из них. Они информированы о событиях внешнего мира не меньше, чем мужчины. Большинство из них проявляет завидное стремление к учебе и самостоятельной работе. Около семидесяти пяти процентов женщин — грамотные. Есть женщины клерки и адвокаты, учителя и врачи. Некоторые из них ведут дела своих мужей и справляются с ними с большим успехом, нежели последние. Они не боятся покидать Кург, если представляется возможность где-то в другом месте получить интересную и доходную работу. Короче говоря, у женской половины Курга достоинств много. И, конечно, мужчинам иногда приходится довольно трудно. Традиция последних веков не спасает их от фактического женского господства, потому что это господство имеет тоже свою традицию. Традиция матриархальная дает себя знать во многих областях жизни Курга, ибо традиция эта недавняя. Вот послушайте.

«Мужа никогда не видели с его женой. Когда кончался рабочий день, заканчивался ужин, и люди в доме засыпали, молодой муж уходил тайком и скакал через поля и леса, через горы и долины к дому своей жены. Ранним утром, перед тем как его родители, братья и слуги просыпались, он был уже в своем доме. За исключением этих визитов, он мог годами не видеться и не говорить со своей женой. Только тогда, когда такой союз давал двух или трех детей, муж открыто появлялся и забирал жену и детей в свой дом со всеми почестями кургской свадьбы» — так писал в своих «Кургских мемуарах» христианский миссионер Меглинг. Мемуары были изданы в середине прошлого века.

Всадник, скачущий ночью через горы на свидание с собственной женой, — такое могло быть только при матриархате. Ибо тогда муж должен был либо жить в семье и роду жены, либо посещать ее вот таким образом. Дань такой традиции отдается и до сих пор. Первую ночь новобрачная проводит в доме мужа, вторую — вместе с ним — в доме своей матери. Живущая затем постоянно в окке своего мужа, она будет называть родную окку «оккой моей матери». Когда существовал материнский род, дети принадлежали роду матери. Потом, когда род распался, — окке матери. Теперь отцы предъявили на детей права собственности. Но кое-что еще напоминает об ушедших временах.

Дети от незаконного союза принадлежат окке матери. И имеют при этом права полного членства. Если в окке нет наследников-сыновей, то дети дочери остаются членами этой семьи, а муж дочери должен поселиться в ее доме. Если он этого делать не желает, ему остается одно — скакать ночью на коне через горы. Можно ехать и на машине по шоссе. Кому что больше подходит.

* * *

Типу Султан, мусульманский владыка соседнего Майсура, завоевавший часть Курга в конце XVIII века, был крайне возмущен кургскими брачными обычаями. Ему, мусульманину, было понятно одно — многоженство. Каждый уважавший себя мусульманский правитель имел гарем. Типу — тоже. Но вот курги поставили его в тупик. У них было многомужество или, как говорят этнографы, полиандрия. Полиандрия была фратеральная: у нескольких братьев имелась в наличии одна жена. Полиандрия корнями уходила в матриархальное прошлое. Но Типу Султан не подозревал о существовании матриархальной стадии в истории человечества. Пророк Мухаммед, защищавший власть отцов, отвел женщине на земле подобающее место. А здесь — многомужество! Возмущение Типу Султана перешло в гнев. И он издал документ, в котором обвинил кургов в страшном грехе — многомужестве. Он пытался искоренить этот грех. Но, несмотря на это, «грех» продолжался в Курге, по свидетельству английских чиновников, до XIX века. Теперь он окончательно исчез. Но этот «грех» вкупе со всем остальным, связанным с матриархатом, способствовал тому, что, брачные узы не стали в Курге тяжелыми и роковыми для женщин. Разведенная

женщина может вновь выйти замуж через год, вдова — через шесть месяцев. Женщины более крупных народностей Индии были лишены этого права до последнего времени.

У каждого курга есть свой «лучший человек». Он так и называется. Без «лучшего человека» не может состояться ни одна свадьба, ни одна церемония, ни одно семейное торжество. Без него все это будет неполноценным и даже ущербным. «Лучший человек» должен быть всегда рядом с вами во всех важных делах. Если этого не случится, кург почувствует себя сиротой в полном смысле этого слова. К «лучшему человеку» он идет за советом, от него ждут слова одобрения и утешения. «Лучший человек» — не кто иной, как родной брат его собственной матери. Вот кто такой «лучший человек»! Все, что связано с матерью, для курга лучшее.

Были времена, когда курги не знали своих отцов. Материнский род не давал для этого особых возможностей. Но рядом с матерью всегда был мужчина — ее брат. Он заботился о детях сестры и нередко заменял им отца. Таковы были его обязанности. Поэтому он и стал «лучшим человеком» и остается им до сих пор.

Если человек не женат и слишком долго ходит в холостяках, он становится как бы социально неполноценным. Все ему сочувствуют, жалеют, но на прием его не пригласят. Человек без жены — несолидная личность. С ним иногда даже не будут вести деловых переговоров, потому что у него нет жены-советчика. От мужчины в таком положении можно ожидать чего угодно. Короче говоря, чтобы стать в Курге человеком, надо жениться. И конечно, необходимо иметь детей. Больше всего об этом должна болеть голова у «лучшего человека». Не у отца, а именно у него. Он должен позаботиться о женитьбе своих племянников и обеспечить им, так сказать, «стабильный социальный статус».

Все лучшее связано с матерью. Вне зависимости от того, кем она является: простой смертной, духом или богиней. Если она богиня, ей надлежит быть главной. Таков древний закон Курга. Богиня-мать — главная. И называется она Кавери-мать. Никого нет выше ее. И даже индусские брамины со своими богами до сих пор не могут убедить кургов в преимуществе последних над Кавери-матерью. Кавери простирает свое благословение над всем Кургом, заботится о его детях,

поит его поля, помогает растить рис, распоряжается жизнью и смертью. И поэтому в древней песне о ней есть такие строки:

На золотой земле Курга
Есть мать Кавери — мать для всей страны.

Вот именно, для всей страны. И неважно, что это река. Когда-то, говорит легенда, она ею не была. А была прекрасной девушкой с золотыми волосами и голубыми глазами. Утверждают, что удочерил ее риши, или мудрец, Кавера. Еще говорят, что она была падчерицей индуcского бога Брахмы.

В те далекие времена, рассказывается в легенде, все риши были знакомы между собой. И вот однажды риши Агастья решил посетить риши Каверу. Тогда он и увидел Кавери. Ее блистающая красота произвела на него неизгладимое впечатление. И несмотря на то, что Агастья был мудрецом, он все-таки влюбился и сделал Кавери предложение. Кавери немного подумала. Ведь сразу решиться выйти замуж за мудреца — дело нелегкое. Но Кавери все-таки решилась. Однако, зная беспокойный, склонный к бродяжничеству характер мудрецов, она поставила Агастье условие: не покидать ее, не уходить далеко на долгое время и быть верным ей. Агастья, не подумав, согласился. Кавери честно предупредила его, что, если он не выполнит своего обещания, она превратится в реку и убежит к морю.

Курги, для которых Кавери уже тогда была богиней-защитницей, очень обеспокоились таким положением дел. Они стали следить за Агастьей, стараясь препятствовать его бродяжническим наклонностям. Но недаром Агастья слыл самым упрямым среди мудрецов. Любовь к перемене мест была у него в крови. Правда, несколько месяцев подряд он, помня свое обещание, не помышлял о путешествиях. Но затем ему пришла в голову мысль совершить омовение.

— Не беспокойся, — сказал он Кавери. — Я только туда и обратно, задерживаться не буду. А чтобы ты не скучала, я оставлю с тобой моих друзей-браминов.

Конечно, омовение было лишь предлогом. Агастья обманул даже бдительных кургов и пустился во все тяжкие.

Кавери ждала его. Агастья же не давал о себе знать. Прошло много времени, а он все не появлялся. И вот в один прекрасный день богиня рекой вытекла из своего жилища. Брамины в панике устремились за

ней. Они кричали и звали ее. Курги тоже побежали за рекой. И в первую очередь женщины. Но когда они увидели, что реку не догнать, то вошли в ее священные воды. А воды были очень бурными. От этого складки сари женщин перевернулись с заду на перед. С тех пор женщины Курга так их и носят.

Брамины стонали и плакали, поэтому Кавери, чтобы их не слышать, нырнула под землю. Но потом она появилась на поверхности посмотреть, что происходит в мире. А в мире происходило вот что. Брамины побежали на розыски Агастья. Они носились целый день туда и сюда. Наконец прибежал сам Агастья. Он долго умолял Кавери вновь стать его женой и даже просил у нее прощения. И Кавери сжалась над ним. Она сказала, что теперь будет пребывать на этой земле в двух ипостасях — как река Кавери и как женщина. Когда испуг у мудреца прошел, он взялся за браминов, которые, по его мнению, были во всем виноваты. Но у браминов имелась на этот счет другая точка зрения.

Они считали, что виноват сам Агастья. Все долго спорили и ругались. И тогда Агастья разгневался.

— Все! — крикнул он. — Прекращайте этот базар. За такое непослушание люди этой земли отрекутся от вас и вы будете жить в бедности!

Брамины от неожиданности замолчали. Но когда они поняли, на что их обрек Агастья, то с причитаниями повалились в ноги самой Кавери. Кавери не любила браминов. Они порядком ей надоели за долгое отсутствие Агастья. То, что курги, люди ее страны, от них отрекутся, — ее устраивало. Но, будучи по натуре человеком добрым, богиня все же избавила браминов от нищеты. Брамины были благодарны ей и за это. Они отбыли из Курга в другие края. А Кавери осталась богиней и священной рекой. Той священной рекой, к которой брамины не имеют отношения, но зато имеют причастность все остальные курги — каждый год в назначенное время. Время это особое.

Солнце входит в созвездие Весов, и на золотой земле Курга кончается холодный трудный сезон дождей. Обычно это происходит в октябре. Леса и поля Курга набирают силу и наливаются яркой зеленью. Земля напоена водой и щедро отдает ее колодцам и рекам. Кавери становится полноводной. Вот в эти дни многие курги

отправляются к верховьям реки, к небольшому водоему, где бьют ключи, родившие священную Кавери. Они совершают в этом водоеме, который называется Кундике, ритуальное омовение в честь богини-матери Кавери. Воду, взятую в Кундике, бережно несут домой. Для кургов это святая вода, и каждый дом должен ее иметь. Два дня длится праздник Кавери. Курги говорят, что в эти дни богиня-мать посещает каждый дом. Поэтому дома тщательно моют и убирают, начищают медную посуду, приводят в порядок одежду. Ведь богиня — самый почетный гость, и в доме должно быть чисто.

Каждое поле отмечают двумя перекрещенными стволами бамбука. Это условный знак. Когда богиня-мать придет и увидит его, то будет знать, что поле принадлежит ей. А раз это так, то в Курге для нее все остается по-прежнему. И слова древней песни: «На золотой земле Курга есть мать Кавери — мать для всей страны», лишний раз убедят ее в этом. В каждом доме она увидит цветы и поймет, что на следующий день весь Кург будет молиться ей, матери-богине Кавери. Той, что щедро напоила эту землю и подарила ей плодородие. В этот день, еще до захода солнца, дом кропится святой водой, принесенной из Кундике. В этот день старшая женщина — сумангали надевает праздничные одежды и зажигает священную лампу в доме предков. По всему Кургу в предрассветной мгле горят огоньки этих ламп. Они горели в этот день тысячу лет назад, горят и сейчас.

Сумангали выходит на крыльцо и приветствует восходящее солнце, кланяясь ему. Затем она совершает очень важную работу. Из огурца вырезает изображение любимой богини — согласно своим представлениям о ней, в соответствии со своими творческими замыслами и возможностями. Кроме нее этого сделать никто не может. В каждом доме появляется своя богиня. Они все очень разные. Одни толстые, другие тонкие, одни красивые, другие не очень, одни похожи на человека, другие нет. Но тем не менее они все любимы и почитаемы. Богиню, сделанную из огурца, украшают цветами, а иногда золотом и драгоценностями, в зависимости от того, чем располагает тот или иной дом. Перед ней ставят блюдо с рисом, бетелем и орехами. Гостя в каждом доме должна отведать угощение. И вот тут впервые на сцене появляется мужчина. Старший мужчина. Богиню должен угостить он. Фигура угощающего полна почтения. Он трижды бросает рис на изукрашенное изображение богини и кланяется

ей. И вновь сумангали перехватывает эстафету, а затем отправляется в поле. Там она кладет три лепешки на бамбуковые стволы. Это — для путников. В этот день в Курге не должно быть голодных. Иначе, считают курги, богиня разгневается. Через три дня с богини снимают цветы и украшения и спускают в реку. Там она попадает в ту стихию, которая и удостоена высшего поклонения.

Праздник Кавери — самый важный в Курге. Это праздник в честь матери, поилицы и кормилицы. Той самой матери, которая, несмотря ни на что, продолжает пользоваться в патриархальном Курге великим почетом и уважением.

Проклятые богиней

Кавери ответственна не только за появление прекрасной реки в Курге. Она оказалась повинной еще в одном. В существовании особой группы, которая называется амма-курги. Амма — значит мать. История появления этой группы весьма противоречива. Противоречива и легенда, повествующая об этом. Она несколько по-иному освещает жизнь самой богини и ее отношения с мудрецом Агастьей. Легенда, упомянутая в предыдущем очерке, изложена в священной книге «Кавери-пурана». Такие книги писали брамины. В «Кавери-пурана» они превратили богиню Курга в жену Агастья и постарались найти Кавери родственников среди индусских богов. Поэтому их легенда о богине выглядит весьма респектабельно. Но то, что рассказывают в самом Курге о богине, звучит несколько по-иному и свидетельствует об иных взаимоотношениях богини с брамином-мудрецом. Такие вещи в истории случаются нередко. Легенда народа обрастает подробностями, которые придумывают те, кто приносит или хочет принести в этот народ чужую ему религию. Подробности меняют смысл легенды и заставляют ее служить чужим богам. Так, очевидно, произошло и на этот раз.

Теперь послушайте легенду.

Действительно, у мудреца Каверы была дочь Кавери. Правда и то, что он хотел видеть ее женой риши Агастья. А вот сама Кавери этого не хотела. И в реку она превратилась не оттого, что скучала по Агастье, а потому, что решила сбежать от его приставаний. Упрямый Агастья нагнал Кавери в Кодианаде и остановил ее. Он долго убеждал ее стать его женой, но Кавери отказывалась. Тогда Агастья уговорил Кавери прибегнуть к арбитражу кургов. Уверенная в симпатиях своего народа, Кавери согласилась. Агастья призвал девять славных и знатных семей.

— Считаете ли вы, что Кавери должна стать моей женой или нет? — спросил он у собравшихся.

Курги молчали, так как ответить на этот вопрос сразу было нелегко. Обе конфликтующие стороны, и богиня Кавери, и риши Агастья, были довольно могущественны. И конечно, «инакомыслящие» будут ими наказаны. Курги это ясно сознавали. Но они оставались кургами и считали, что если их вовлекли в этот божеский конфликт, то они должны занять свою позицию в нем. Самый старей из них вышел и остановился перед Агастией.

— Великий мудрец, — сказал он, — дай нам немного времени, чтобы разобраться. Потом мы сообщим тебе свое мнение.

Агастья дал им это время, и они удалились на совещание. Когда курги вернулись, Кавери с надеждой посмотрела на тех, кому покровительствовала и кого всегда защищала. Но она увидела странную картину. Курги возвращались, разбившись на две группы. В одной из них было три семьи, в другой — шесть. И тревога закралась в ее сердце. Она поняла, что мнения разделились. Представитель трех семей подошел к Кавери и сказал:

— Мы решили, что ты не должна убегать. Стань верной женой Агастии.

От второй группы отделился седобородый старейшина. Он не смотрел на Агастию.

— А мы решили другое, — смело заявил он. — Никто не может заставить женщину против ее воли стать чьей-либо женой. В Курге нет таких законов. Наши женщины сами выбирают себе мужей. И если Кавери не согласна, то это ее право. И мы будем защищать это право.

Агастья перестал потирать руки, улыбка сошла с его лица и он сердито затопал ногами на старейшину. Но старейшина не испугался и остался тверд.

— Так вот вы какие?! — закричал на старейшину мудрец. — О вас заботишься, беспокоишься о вашей богине, а вы платите черной неблагодарностью!

— Наша богиня должна соблюдать наши обычаи, — с достоинством возразил старейшина.

— Я вам покажу обычаи! — снова закричал Агастья. — Я вас всех проклинаяю! Пусть ваше потомство уменьшится! Пусть рис не растет на ваших полях! Пусть ваши коровы не дают вам молока! Пусть...

Тут Агастья задохнулся от гнева. Он не находил больше слов, и его фантазия исчерпалась.

Тогда настала очередь Кавери.

— С каких это пор, ты, Агастья, распоряжаешься на земле, принадлежащей мне? С каких это пор ты проклинаешь мой народ и обрекаешь его на голодную смерть? Отвечай!

Но Агастья молчал. Он понял, что показал себя перед Кавери не с лучшей стороны.

— Молчишь! — рассердилась Кавери. — Теперь все слушайте меня! Я снимаю проклятье этого бездельника с шести семей, заступившихся за меня. Но я проклиная тех, кто поддержал Агастью. Они и их потомство уменьшатся в числе. Умереть голодной смертью и им не дам, но отныне остальные курги не будут иметь с ними дела. И называться они будут по-другому: амма-курги.

И, круто повернувшись, она устремилась прочь. Агастья сделал жалкую попытку ухватить ее за голубые одежды, но одежды вздулись, забурлили и ударили холодными сильными струями реки по жадным рукам неудачливого мудреца.

Проклятые богиней, согласно этой легенде, положили начало целой отдельной группе, которая называется амма-курги. Они оставались кургами по своим обычаям, праздникам и одеждам. Они продолжали почитать Кавери как мать-богиню. Но запятнанные низкопоклонством перед браминским мудрецом, они стали подражать браминам. Они знали, что брамины — высшая каста. Поэтому они, проклятые богиней, объявили себя высшими по отношению к остальным кургам. И хотя курги не признали этого, амма-курги упрямо продолжают считать себя таковыми. Они стали носить браминские шнуры «дважды рожденных», соблюдать вегетарианскую диету, молиться индусским богам и даже служить жрецами. Они стали распространять легенду о том, что они потомки отца-курга и матери-браминки с Малабара. И даже начали себя называть «каверийскими браминами». Потомками тех браминов, которых привел с собой в леса Курга мудрец Агастья. Но хотя они считают себя более «высокими», никто из кургов не добивается чести для своей дочери быть выданной за амма-курга или для своего сына невесты из «высокой» группы. Брачных отношений у амма-кургов с остальными кургами не существует. Они давно уже превратились в изолированную группу, напоминающую своими традициями касту. Сейчас их около тысячи человек, и расселены они в основном в Южном Курге.

У каждого народа есть история легендарная и действительная. И часто действительная история зашифрована в легенде, как это произошло с амма-кургами. Попробуем расшифровать эту историю и выяснить, как же в действительности образовалась группа амма-кургов.

Когда-то курги были племенем и имели свою родовую организацию. Во многих индийских племенах существовали так называемые фратрии, объединявшие определенное количество родов. Между этими фратриями уже на поздней стадии не было брачных отношений. И амма-курги, на мой взгляд, — пережиток такой фратрии. Фратрия эта, по всей видимости, в своей основе была матрилинейна. На это указывает общая прародительница амма-кургов — мать-браминка, слово «амма» — мать в названии бывшей фратрии, связь амма-кургов (правда, не очень удачная) с верховной богиней Кавери. Можно также предположить, что именно эта почти исчезнувшая фратрия и поставляла в отдаленные времена жрецов для всего племени. Пожалуй, христианский миссионер Мёглинг был прав, когда написал об амма-кургах: «Я полагаю, что они всегда носили кургскую одежду, ничего не знали о браминских привилегиях и знаках различия и отличались от остальных только тем, что могли быть жрецами». Вполне вероятно, что амма-курги являются остатками древнего жречества. Но о том, что собой представляли эти жрецы, мы можем только догадываться. Было время, когда они жили в уединенных горах Курга и ничего не знали ни о священных индуистских книгах, ни об индусских богах. Все это вместе со шнурами «дважды рожденных» и легендами о браминском происхождении пришло к ним позже. В истории Курга произошло на первый взгляд парадоксальное явление. Индуизм, чуждая кургам религия, проник к ним через собственное жречество. Жрецы первыми признали индусский пантеон, прочли священные книги и сослались на авторитет чужих богов, когда объявили себя браминами — высшей жреческой кастой. Что могло заставить их это сделать? Скорее всего упадок собственной религии и потеря влияния на собственный народ. Произошло это, по всей видимости, тогда, когда разрушалась племенная организация, когда появились новые экономические и социальные отношения. Старые, испытанные боги стали терять силу, а с ними теряли авторитет и жрецы. И тогда жрецы прибегли к чужим богам, пытаясь с их

помощью поддержать свой авторитет. Но процесс этот растянулся на многие века. Чужие боги одержали нелегкую победу. Однако эта победа больше походила па поражение, столь противоречивой она была. А жрецы, призвавшие на помощь индусских богов, так и не восстановили своего влияния на подопечный народ. Поэтому они замкнулись в себе, отгородились от остальных, объявив себя «высокими», но не получив почестей, подобающих таковым. Ибо эти почести со временем приобрели в Курге иной критерий. Критерий богатства и преуспевания. У бывших жрецов не оказалось ни того, ни другого. Те, которые называют себя браминами и гордятся этим, не заняли подобающего места на иерархической лестнице современного мира. Амма-курги в основном мелкие землевладельцы, портные, низко оплачиваемые клерки, а иногда и просто неимущие. Они все чаще вспоминают проклятие богини, и им кажется, что оно было более всеобъемлющим, чем об этом сказано в легенде...

* * *

Небольшая деревенька неподалеку от Титимати. Несколько домов, крытых рисовой соломой, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Маленькие клочки тщательно ухоженных рисовых полей, перегороженных низкими глиняными изгородями, похожими на дувалы. В одном из домов живет мой знакомый Нанджумайя. А вся деревня принадлежит амма-кургам. Я вхожу в узкий двор и уже от калитки слышу, как стучит швейная машинка. Она стучит в доме Нанджумайи с утра до вечера. Пока нет работы на полях, ее хозяйин шьет, низко наклонив сидящую голову.

Я иду через двор и на некоторое время задерживаюсь у священного дерева «тулси». Деревце посажено в каменный ящик, заменяющий ему горшок. По углам ящика в четырех глиняных плосках горит огонь. Я знаю, что каждое утро его по кургскому обычаю зажигает жена Нанджумайи, старшая женщина в доме. Обычай кургский, но священный тулси — дерево индусских богов.

Машинка перестает стрекотать, и я понимаю, что меня заметили. На крыльце узенькой веранды появляется Нанджумайя и тяжелой, шаркающей походкой направляется ко мне. На его морщинистом лице лежит печать нелегких забот. Он подходит к тулси и протягивает руку к огню светильника. Пальцы на руке слегка скрючены и уже не

разгибаются. Это от тяжелой работы, которая выпала на долю Нанджумайи.

— Молитесь? — спрашивает он меня, кивая на деревцо.

— Нет, — отвечаю я. — Думаю.

— А мы вот молимся, — с каким-то вызовом говорит он. — Только мы имеем такие деревья.

— Ну что ж, молитесь и имейте на здоровье.

— Дерево есть, а вот здоровья нет, — смягчается он. — Зайдете? У нас сегодня есть горячее молоко.

Я иду вслед за Нанджумайей, поднимаюсь на веранду и сажусь на деревянную скамью, которую хозяин поспешно очищает от вороха обрезков. На веранде висят литографии индусских богов. Такие же литографии украшают стены небольшой молитвенной комнаты, которая в любом другом кургском доме считается обиталищем духов предков. Но здесь обитатели другие. На полке под литографиями стоит несколько бронзовых фигурок: Шива, Парвати, Кришна. Я знаю, что Нанджумайя каждый день молится этим богам. Он делает все, как положено браминскому жрецу. Читает мантры, курит благовония, священнодействует с цветами и сандаловой пастой. Нанджумайя вполне грамотный жрец-брамин, и его не стыдно пригласить для свершения индусского ритуала в любой дом. Но его не приглашают, ибо в домах Курга блюдут иные ритуалы, для которых не нужны новоявленные брамины. Поэтому Нанджумайя, как и многие другие амма-курги, остается жрецом-любителем, жрецом для себя.

Любительство редко приносит доход. Чтобы прокормить семью, Нанджумайе приходится шить па машинке и пахать землю. Для последнего у «высокого» Нанджумайи есть пара быков и деревянный плуг. Он ходит за плугом сам. Батраки ему не по плечу. Когда плуг лежит во дворе, стучит машинка.

В доме три маленьких комнаты. В них живут братья Нанджумайи с семьями. Этот дом не похож на кургский дом предков. Дом предков тоже не по плечу. Его надо содержать в порядке. Тем же, чем располагает Нанджумайя, этого не сделаешь. Поэтому приходится довольствоваться обычным деревенским домом. Этим же довольствуется большинство амма-кургов. Только четыре семьи из них имеют дома предков. Я пью горячее молоко, которым меня угощает жена Нанджумайи, и размышляю о судьбе амма-кургов.

— О чем вы думаете? — спрашивает хозяин.

— Об амма-кургах, — отвечаю я.

— Как? — не сразу понимает меня Нанджумайя.

— Да вот так, ваши предки были могущественными жрецами, а вы все потеряли.

Нанджумайя опускает голову и почему-то долго молчит.

— Почему так получилось? — говорит он. — Я думаю, что многое в жизни зависит от того, на кого или на что ты ставишь. Наши предки-жрецы ставили на сильных богов и сами были сильными. Потом настали другие времена, и появились другие боги. Мы не заметили главного из них — богатство. Мы не поставили на него. Нам казалось, что боги браминов могут все. Оказалось нет. Поставить на главного бога мы уже не можем. Слишком поздно. Он отвернулся от нас.

Мысль Нанджумайи поражает меня своей глубиной и неожиданностью. Она удивительна для малограмотного крестьянина. В ней заложен свой философский смысл. И я еще раз убеждаюсь в том, что не книги рожают настоящих философов, а жизнь.

Я прощаюсь с Нанджумайей и вновь иду по узкому двору. Прохожу мимо лежащего на земле деревянного плуга, и стрекот швейной машинки сопровождает меня до калитки. В этой машинке и плуге теперь главная надежда потомка кургских жрецов, не сумевшего вовремя найти своего главного бога.

Демоны, духи, волшебники и другие

Глухой ночью сквозь лес, покрывавший склон горы, скакал всадник. Цокот копыт звонким эхом отдавался в каменных ущельях. Яркие звезды разноцветными искрами то застревали в кронах деревьев, то неслись за всадником. Вороной конь тревожился, пофыркивал но продолжал стремиться вперед. Над лесом уже взошла ущербная луна, когда всадник въехал в узкую горную долину. Деревья поредели, и их четкие лунные тени лежали на сухой глинистой дороге. Лицо всадника в лунном свете казалось совершенно белым. Наконец вдали на невысоком зеленом холме показались каменные стены большого дома. Окна-бойницы были темны. Дом казался вымершим в этом голубоватом свете луны. Всадник остановился и долго рассматривал дом, как будто решая, ехать ему дальше или нет. Дом принадлежал окке Калият и был домом предков всадника. Уже десять лет он не бывал в этих краях. Те, с которыми он тогда мальчишкой ушел, запретили ему бывать дома.

— Теперь ты не принадлежишь себе, — сказали они.

— А когда-нибудь я смогу вернуться? — робко спросил он.

— Когда-нибудь, если захочешь, — усмехнулись в ответ.

Он захотел этого несмотря ни на что. Они сделали много, чтобы он об этом забыл. Но он был кургом, а курга всегда тянет в дом предков. Даже то ремесло, которому он обучался, не смогло послужить препятствием для возвращения. Он знал, что люди, овладевшие этим ремеслом, становятся сильными и могущественными. Он стал могущественным, но родной дом притягивал его, как прежде. Там, в глухом лесном обиталище Малабара, наставник и главный маг посмеивался над ним.

— Ты постигаешь искусство власти над людьми и духами, — говорил он ему. — Пора забыть о доме.

Он восхищался наставником, но и боялся его. Этих людей многие боялись в Курге. Они приходили с Малабара, называли себя

тантрическими браминами и заставляли кургов служить индусским богам. Заставляли своим колдовством, вызывавшим страх и почтение даже у храбрых воинов. Тантра — таинственное древнее искусство индусских жрецов. Изнуряющая и беспощадная практика, развивающая силу мысли, воздействующую на других. Прошедший обучение становится магом, великим магом. Малабарские маги и волшебники наводняли Кург. Они были очень разными. Одни — просто шарлатанами, теперь он это понимал. Другие же действительно могли многое... Он чувствовал, что им помогали какие-то странные и загадочные силы, объяснения которым он не находил. Этих других было много меньше. Слова «тантрический брамин» вызывали у людей страх и покорность. Курги верили в духов и считали, что тантристы могут управлять этими духами. Не только духами мертвых, но и душами живых. Их искусство волшебников и магов заставляло верить им и их бояться.

Ему было семнадцать лет, когда он впервые столкнулся с этим искусством. В их деревне Кунжала появился брамин. Он был чернобород, на его худые плечи была накинута оранжевая роба. Глаза брамина смотрели пристально и, казалось, видели человека насквозь. Многие утверждали, что эти глаза светятся в темноте, как у волка или шакала. Он заставил работать на себя низкорослых темнокожих рабов, которые трудились на полях кургов. С их помощью он соорудил небольшой храм и установил в нем многорукого бога, которого он назвал Ишвара, или Шива. Он потребовал, чтобы курги молились Шиве. Но у кургов его деревни были свои боги, и они не хотели поклоняться чужому. Тогда пришлый жрец собрал жителей деревни у своего храма и сказал, что сейчас покажет могущество своего бога. Он долго жег огонь перед изображением многорукого и пел непонятные заклинания. Потом вдруг исчез, как будто сквозь землю провалился. Курги стояли пораженные и не могли поверить своим глазам. Некоторые, придя в себя, высказали предположение, что богиня Кавери, рассердившись на жреца, заставлявшего молиться чужому богу, наконец избавила деревню от него. Но в ответ на это, раздался смех — зловещий, нечеловеческий смех, как будто смеялся дух. Вслед за этим перед глазами испуганных кургов вновь предстал жрец, живой и невредимый. И тогда дрогнули даже храбрые мужчины. Они покорно потянулись к многорукому богу.

Он помнил, как был наказан нерадивый почитатель Шивы. Этот человек кричал и корчился в конвульсиях на виду у всей деревни, потому что, как утверждали, жрец вселил в него злого духа. С того момента жители стали исправно молиться чужому многорукому богу, сделанному из бронзы, и исправно кормили жреца. Тогда он и дал себе слово стать таким же волшебником, как этот жрец. Но отец сказал ему, что он мужчина и воин, а воину не пристало заниматься колдовством. Однако, как истый воин, он был непреклонен. А потом пришли те, и он не мог понять, как они узнали о его намерениях. Они увели его с собой. И никто в доме не возразил им. Потому что великих магов и волшебников боялись.

Теперь он стал одним из них. То, что делал брамин в храме, — самое легкое. Он сейчас умеет больше. Он знал, что человеческий мозг удивительно устроен. Он поддается воздействию чужой сильной воли и мысли. Эта мысль, как выпущенная стрела, должна попасть в определенную цель. В мозгу много таких «целей». Он их изучал. Каждая цель — это центр, и если в него попали, он порождает свой образ. Тот образ, который несла стрела в своем наконечнике. Образ приятный или страшный, образ человека или далеких мест. Магическая мысль, заключенная в стреле, превращала этот образ в реальность. Не навсегда. На какое-то время. Он научился хорошо стрелять и безошибочно попадать. Не зря он был прекрасным воином. Его научили и другому. Лечить людей травами, внушением, прикосновениями магических рук. Теперь он маг и лекарь. Но прежде всего воин. Поэтому он так рвался домой. В Курге было беспокойно, и он тревожился за свою окку и свой дом предков. Наставник уступил его уговорам.

— Но помни, — сказал он, — по первому зову вернешься обратно. Не вернешься, пеняй на себя. Будешь наказан. Я добр, но требую полного повиновения. Иди. Он скакал три дня, и вот теперь его лошадь у собственного дома. Он спешился и повел ее на поводу. Остановился у крайнего окна и осторожно постучал. В этой комнате жил его младший брат, и он не хотел тревожить дом столь поздним и неожиданным появлением. В окне метнулась фигура. Брат, видимо, не спал, Загремел засов, и брат показался на пороге. Он шагнул к брату, но тот испуганно и удивленно отшатнулся. «Не узнал», — подумал он. И не мудрено, прошло столько лет. Его нос с горбинкой заострился и

стал похож на клюв птицы, щеки запали, черные глаза приобрели ту пронзительность, которой отличались тантрические маги и волшебники.

— Кто ты? — прошептал брат, смотря на него, как будто перед ним был не живой человек, а бесплотный дух.

— Понаппа! — ответил он.

— Не может быть! — закричал брат. — Понаппа давно исчез.

— Теперь он вернулся, — и протянул брату руки.

Вскоре вся деревня узнала, что Понаппа вернулся. Понаппа не скрывал ни от кого, кем он стал. Он начал лечить и работать волшебником. Оба занятия всегда вызывают у людей величайшее почтение. Почтение приводит к восхищению. Восхищение заставляет много говорить. И рассказывают, что Понаппа сделал немало доброго. Он навел порядок среди недисциплинированных и безобразничающих духов. Он организовал из них отряд. Десять исправившихся и подающих надежды духов вошли в него. Они служили Понаппе верой и правдой. Курги утверждали, что Понаппа легко общался с духами предков, которые обитали в канникомбре и получал от них ценные и дельные советы, шедшие на пользу большой семье. Слухи о могуществе волшебника пошли по всему Кургу. Их распространяли с большим удовольствием, поскольку великий волшебник был своим, кургом, а тантрические брамины были чужими, и их боялись.

Курги очень радовались, что, наконец, заимели собственного волшебника. Некоторые последовали примеру Понаппы, но не достигли его совершенства. Понаппа оставался непревзойденным.

В то время окка воевала с оккой, деревня с деревней, округ с округом. И когда на родную деревню Понаппы пошли отряды соседнего раджи, Понаппа взял меч и сел на своего вороного коня. Почему-то колдовство действует только в мирное время. Когда начинается война, оно теряет свою силу. В сражении волшебник может быть только воином. Обычным и уязвимым. Духи не суются на поле битвы. Им там нечего делать, да и страшно. Говорят, отряд из десяти духов отсиживался в кустах и наблюдал, как их хозяин и повелитель вместе с остальными бился с врагами. Вражеский меч опустил на Понаппу. Великий волшебник и храбрый воин сполз с седла, и никто уже не мог ему помочь. Он сам, говорят курги, стал духом.

Но если волшебник может быть обычным воином, то стать обычным духом ему не удастся. В пылу битвы, которая длилась несколько дней и кончилась поражением деревни Кунжала, не смогли совершить погребальной церемонии над телом погибшего воина. Вот отсюда-то и начались все беды. По утверждению многих, «дух Понаппы», обладая изощренным воображением волшебника, стал вызывать у всех головную боль. Сначала заболели головы у всей деревни, потом у всего округа, а потом у всего Курга. И так они болели, что на какое-то время прекратились набеги и сражения. Если болит голова, то не до войны. Десять духов, потеряв хозяина и оставшись без надзора, тоже не теряли времени. Короче говоря, в Курге началось такое, что и врагу не пожелаешь. Чтобы справиться с таким разгулом, нужен был Великий маг. Среди кургов такого еще не появилось. И тогда послали за магом на Малабар. Великий маг прибыл в повозке, запряженной быками. На нем был темно-синий балахон и остроконечная шапка. По словам свидетелей, он долго не мог понять, что делать с разбушевавшимися духами, особенно с Понаппой. Но потом сообразил. Взял раковину и загнал их туда. Раковину увез с собой на Малабар и закопал под камнем. Но Понаппа сам был великим волшебником и, конечно, нашел способ сбежать из раковины. Он прибыл второй раз в свой Кург, но уже не на вороном коне. Каким образом — курги об этом почему-то молчат. Да это и несущественно. Он поселился в том храме, около своей деревни, где стоял многорукий Шива. Поскольку Шива ничем особым за это время себя не проявил, а тантрический брамин, построивший храм, уже умер, то стали поклоняться Понаппе. И в некоторых других храмах Курга тоже стали это делать.

В храмах, где подозревалось присутствие Понаппы, завели специальных оракулов. И до сих пор, если в Курге начинает болеть у кого-либо голова, приносят жертвы духу Понаппы. Так волшебник-кург победил своих учителей — тантрических браминов — и заставил забыть о чужом многоруком боге. И в этой победе ему содействовал весь Кург, его древняя вера и особенно духи его предков. Именно духи предков были основой древней веры. Той веры, которая еще существовала до появления тантрических браминов. Той веры, которая сохраняется и до сих пор. Кое-что я об этом уже писала. Духи предков неотделимы от дома предков. Там они обитают, там им поклоняются.

Кроме специальной комнаты в доме предков духи предков располагают еще и алтарем, который обычно воздвигается рядом с рисовым полем предков. Такие алтари стоят по всему Кургу и называются «каймада». Представьте себе каменную платформу, на которой стоит домик с побеленными стенами. Сам домик не более двух метров высоты. С востока в каменной стене домика прорезано окошечко. Рядом с ним углубление для масляной лампы. Алтарь чем-то напоминает русскую печь. Этот домик-алтарь сооружается над могилой какого-нибудь выдающегося предка. Чаще всего первого предка или того, кто отличился в бою. Каждый день в алтаре зажигается медная лампа.

Такая же лампа горела в алтаре когда мы с мистером Соманной из Баламури пришли осмотреть каймаду его предков. На затылке мистера Соманны лихо сидела шляпа, костюм был тщательно разглажен. Мы подошли к домику и, сняв обувь, поднялись на платформу. Платформа и часть пола около окошка были густо покрыты птичьим пометом. Мистер Соманна при виде помета смущенно кашлянул и заверил меня, что пол и платформу обязательно почистят и подметут.

— Видите ли, — сказал он, — мы здесь бываем редко, а следить за чистотой каймады больше некому.

По этой причине предки мистера Соманны были в несколько запущенном состоянии.

Чтобы сгладить неловкость, Соманна стал рассказывать об этом семейном алтаре. Его построили сто семьдесят пять лет назад и по существу он являлся храмом окки мистера Соманны. Других храмов в Баламури не было.

— Что же в окошке? — поинтересовалась я.

— Предки, — невозмутимо ответил мистер Соманна.

— Предки? — удивилась я. — В таком небольшом отверстии? Как же они там все помещаются?

— Там их всего три, — улыбнулся Соманна.

— Как три? А остальные где?

— Да нет же, — махнул рукой Соманна. — Это только три изображения предков. Как в индусском храме идола богов

Я заглянула в окошко, но там было темно, и я ничего не увидела.

— Мы сейчас оттуда их достанем, — сказал Соманна.

Соманна взобрался на выступ алтаря и запустил руку в окошко. Он шарил в отверстии, чихал от пыли, шляпа слетела с его головы, а отглаженный костюм оказался весь в пыли. Но Соманна был настойчив.

— Где же третий? — спросил он, оглушительно чихнув в очередной раз.

— Кто третий? — не поняла я.

— Да предок.

Соманна сунул голову в окошко, но третий предок, видимо, не давался.

— Куда же он делся? Наверно, завалился в щель, — приговаривал Соманна.

— Да оставьте вы этого третьего предка в покое, — посоветовала я, — обойдемся без него.

— Вы обойдетесь, — обиженно произнес Соманна. — А мы нет. Его надо найти.

И снова стал обшаривать темное отверстие.

В это время раздалось тонкое блеяние козленка. Соманна вздрогнул и замер. Глаза его расширились, и в них появился испуг.

— Слышали? — шепотом спросил он меня.

— Слышала, а что?

Козленок заблеял во второй раз. И это кончилось для Соманны самым роковым образом. Нога его соскользнула с выступа и он, зажав двух предков в руке, шлепнулся на грязный пол, устланный пометом. Некоторое время он сидел неподвижно, закрыв глаза.

— Мистер Соманна, — забеспокоилась я, — вы живы?

— Пока жив. — Соманна приоткрыл один глаз, второй ему почему-то не хотелось открывать.

— Они часто так звучат, — сказал он.

— Кто? — не поняла я.

— Предки, — печально и обреченно произнес он.

— Но почему вашим предкам вдруг вздумалось блеять? Что за фантазия? — удивилась я.

— О, фантазия у них работает, — в голосе Соманны была безнадежность.

— Кстати, — сказала я, — источник таинственного звука пасется на краю поля. Совсем недалеко отсюда.

— Где? — Соманна живо вскочил на ноги.

— Вон там, — показала я.

Соманна опасливо выглянул из-за алтаря, увидел козленка и рассмеялся.

— Бывает же такое, — оправдывался он, — И в самый подходящий момент.

Мы не стали искать третьего предка. Мне хватило, двух. Они были изображены на тонких металлических пластинках. Мужчина и женщина. Кого конкретно они представляли, Соманна не знал. Да это, видимо, было для него не существенно. Все равно, они были его предками, духам которых он молился у этого странного алтаря.

Но духи бывают не только у предков. Они бывают и у других. Как и везде, они могут быть хорошими и плохими. Добрыми и злыми. По свидетельству кургов, горы, леса и плантации заселены ими довольно густо. Об этих духах расскажут вам в любой семье. И сейчас же найдутся очевидцы, видевшие их. Особенно часто встречал их Мутанна, о котором вы уже слышали. Последнее явление духа Мутанне выглядело следующим образом. Мутанна шел по дорожке через свою плантацию. Он был в очень задумчивом состоянии. За весь день ему не удалось ни с кем поговорить, и поэтому ему ничего не оставалось, кроме этой задумчивости. Опустились сумерки, и в их неверном свете Мутанна почувствовал себя очень одиноким. Задумчивость перешла в грусть. Грусть в печаль. Но эта печаль не была светлой. Она угнетала Мутанну. И вдруг он увидел старую леди. Так он и называл ее, когда обо всем этом рассказывал, — «старая леди». Старая леди сидела на пне, где тропинка сворачивала в лесную чащу. Она была тоже очень задумчивой и грустной. Она была очень симпатичной, эта старая леди, чуть моложе самого Мутанны. Мутанна воспрял духом. Наконец нашелся собеседник. И какой! Старая леди весьма благородной и респектабельной внешности. Он никогда не встречал ее раньше, и это усилило его интерес к ней. Мутанна заторопился, боясь, что старая леди его не дождет. И не ошибся. Как только он подошел к пню, старая леди исчезла. Как будто растворилась в сумеречном свете. Мутанна протер глаза, но леди так и не появилась. Сначала он очень огорчился. Уж очень пришлась ему по душе старая леди. Потом удивился. Как это она могла так сразу исчезнуть? И наконец сообразил, что старая леди была духом. Очень симпатичным,

но тем не менее духом. И Мутанна поступил так, как сделал бы на его месте любой кург. Он положил около пня кофейные листья. Это значило, что место это и пень охраняются духом. Мутанна очень гордился тем, что именно эта привлекательная леди взяла шефство над его плантацией. Он регулярно приносил кофейные листья на место их неожиданной встречи и втайне надеялся увидеть ее еще раз.

Говорят, недели две после встречи с духом старой леди Мутанна продолжал находиться в задумчивом состоянии и был крайне неразговорчив. Последнее обстоятельство весьма напугало его родственников, которые решили, что Мутанна серьезно заболел. И теперь, когда Мутанна мечтательно рассказывает о «старой леди на пне», никто его не перебивает и не сомневается в его правдивости. Духи — дело серьезное, и даже Мутанна не может здесь ничего выдумать...

Старая леди по благородству своей натуры довольствовалась кофейными листьями. Кроме того, она была добрым духом, иначе бы не появилась на плантации одинокого Мутанны. Но есть духи со скверным характером, и на кофейных листьях их не проведешь. Такие характеры чаще всего бывают у воинственных людей, убитых в справедливых или же несправедливых сражениях. Их называют «бира». Рассказывают, что дух бира долго буйствовал в деревне Беллумуде в Южном Курге. При жизни его звали Кутаппа, и он еще тогда имел тяжелый характер. Но вне всякого был храбрым человеком и хорошим воином.

Он часто ссорился с соседями и был убит во время такой ссоры. У него не было почему-то родственников, не было даже жены и детей. После его смерти по деревне пошли слухи, что кто-то озорничает в округе. И тогда всем стало ясно, что это дух Кутаппы. Другому такое в голову не придет. Проделки, на которые пускался беспризорный дух, явно были Кутаппинового свойства. Он, например, сталкивал людей в колодцы. В основном почему-то пьяных. Или топил в реке тех, кто был в том же состоянии, а иногда вселялся в человека. И человек становился задирой и грубияном. И тогда в деревне решили, что духу бира надо подыскать жилье и поселить его там. Самым подходящим жильем был алтарь-домик, такой, какой сооружают для духов предков. Алтарь был построен неподалеку от деревни, и там была воздвигнута фигура воина-бира, У него суровые черты лица, тяжелый меч в

ножнах. Один раз в год люди Беллумуде приходят сюда, зажигают масляный светильник, приносят кокосы и бетель и режут в честь бира петуха. Ведь Кутаппа не признает других жертв, ему нравятся только петухи.

Алтари с бира стоят по всему Кургу. За время беспокойной истории этой маленькой страны бира, достойных поклонения и жертв, набралось немало. Их духи нашли покой и пристанище в храмах-алтарях с побеленными стенами.

Но есть духи, которые особого поклонения не заслуживают. Это совсем злые духи. Не духи, а просто демоны. Откуда они появились и как возникли — никто в теперешнем Курге не помнит. Но все знают, что они есть. По ряду сведений, которые мне удалось получить путем опроса и собственных наблюдений, таких демонов, или «кули», в Курге пять. Это Бхамунди, Каллугутти, Панджурли, Гулика, Горака. Они занимаются нечестным промыслом. Попросту говоря это тесная воровская компания. На собственность кургов они не покушаются. Они воруют духов предков, то есть самое дорогое, что есть в доме кургов. Но делают они это неумело. Почему — трудно сказать. За многовековую воровскую практику они могли бы научиться действовать искусно. Так нет же! Воруют они шумно и сразу раскрывают себя. Как только в доме (неважно кому он принадлежит: плантатору, генералу, адвокату или простому крестьянину) поднимается подозрительная возня и раздаются возмущенные голоса, знайте — воры явились в дом. Тогда обитатели дома бросаются на защиту своих предков. И хотя воры шумные, у них есть преимущество перед людьми, — они невидимы. И очень трудно определить, кто из пятерки занялся разбоем. Но для этого есть все те же вездесущие астрологи. Они приходят с Малабара и подолгу живут в Курге. Немедленно вызывается такой астролог, который успешно выполняет функции полицейского и детектива. Он определяет одного из пяти воров. Иногда демоны идут на «дело» вдвоем. Но астролог все равно их обоих опознает.

Когда вор конкретно выяснен, на сцене появляется волшебник. Обычный волшебник с Малабара. Своих в Курге давно уже не хватает. Когда столько духов, то приходится просить помощи со стороны. С духами могут сладить только волшебники. Волшебник просит и заклинает демона-вора отпустить похищенный дух предка. Если демон

упрямится, волшебник надевает маску и начинает устрашающий танец. Курги говорят, что демон не выносит зрелища грозной маски, пугается и отпускает незаконно присвоенного духа. И дух, всхлипывая и дрожа, устремляется в канникомбре и занимает там свое место. А демон вразвалку, бросая небрежно-презрительные взгляды на собравшихся, отправляется в свое убежище. Всем своим видом он старается показать, что ему не больно-то и хотелось воровать этого жалкого духа, из-за которого поднято столько шума и возни.

Демоново убежище всегда находится где-нибудь поблизости — рядом с самым домом или около деревни. Но это место знает только волшебник. Он указывает его, и пострадавшая семья приносит там жертву. Демону вместо духа предлагают петуха или свинью. Если этого не сделать, то где гарантия, что вор второй раз не покусится на семейные реликвии? Известно, что среди демонов есть неисправимые рецидивисты, и жертвоприношение — эффективная мера борьбы с преступностью демонов и необходимая профилактика против рецидивизма. У самих людей все гораздо сложнее. Некоторым из них ни волшебники, ни жертвоприношения уже помочь не могут.

Среди демонов есть особи мужского и женского пола. Последние крайне зловредны. Выдающаяся личность среди них — Гулика. За Гуликой стоят таинственные космические силы, ей покровительствует невидимая звезда — Гулика. Ни один человек не видел эту звезду. Возможно, астрономам предстоит ее еще открыть. Но пока этого не случилось, силу ее воздействия и место ее расположения знают только астрологи. Гулика земная ворует не только духов предков, но и похищает души живых. Поэтому ее имя связано со смертью. Когда дело касается живых, то надо быть всегда предусмотрительным. Гулику не стоит забывать надолго и оставлять ее голодной. Но Кург большой, а Гулика одна. И каждому хочется оказать ей внимание и почтение хоть раз в год. Выход из этой противоречивой ситуации найден. Во многих деревнях под священными деревьями воздвигли вертикальный камень. Камень символизирует зловещую Гулику. Каждый год около этого камня задабривают Гулику кокосами, жертвенным петухом и... коньяком. Изменяется не только Кург, но и его демоны. Гулика пристрастилась к иностранным напиткам и не может жить без коньяка. Пока действует коньяк, Гулика находится в прекрасном настроении и не обращает внимания на духов и души. Но

как только протрезвеет, вновь берется за воровское дело. Значит, снова надо бежать законьяком...

Кроме духов и демонов, есть, конечно, и боги. В Курге их, на мой взгляд, более чем достаточно. В течение многих веков Кург подвергался нашествию богов. Туда шли боги из Кералы, из Майсура, с Гималаев. Были в Курге и свои боги, которые существовали там еще до прихода самих кургов. Да и курги кое-кого с собой привели. Короче говоря, сейчас все так перемешалось, что трудно разобраться, какие боги откуда. Но боги знали, куда они шли. Кург всегда славился гостеприимством. Богов принимали там радушно, кормили их, поили и поклонялись им. Так они там все и остались. Поэтому не удивляйтесь, если я назову кургским бога, который встречается в других индийских племенах и у других народов. Так уж получилось. Боги приходили в Кург, приносили свои взгляды, требовали своих ритуалов и насаждали свои культы. И Кург принимал все. Такая широта взглядов и терпимость заставляла даже тантрических браминов забывать кое-какие ортодоксальные каноны и приспосабливаться к разношерстному пантеону богов Курга.

Прибытие тех или иных богов в Кург не оставалось незамеченным. Люди передавали сообщения об этом событии друг другу. Сообщение шло из деревни в деревню, из округа в округ. Оно шло так долго, что из простого сведения превращалось в легенду. В Курге много таких легенд. Я хочу привести некоторые из них. Это даст представление о том, какое оживление царило на дорогах, ведущих в эту благодатную землю.

* * *

Кое-какие боги пришли в Кург издалека. Как поется в народной песне, они родились «за семью морями, на берегу молочного моря». Установить точно это место не представляется возможным. Можно одно сказать, что оно не в Индии. Боги прибыли сначала на Малабар, а потом отправились в глубь страны искать приюта.

Два божества, брат и сестра, Аччайя и Аккавва долго бродяжничали по Малабару. Малабар им почему-то не подходил, и знакомые боги рассказали им о Курге. Они пришли в Кург, где их приняли за Вишну и его жену Лакшми. Многие и до сих пор остаются в этом заблуждении.

Боги шли в одиночку, вдвоем и целыми группами. Так семь богов — шесть братьев и одна сестра сначала тоже долго слонялись по Малабару. Трое из них, Каньяратаппа, Тирчембараппа и Бендруколашта, осели в малабарских деревнях. Остальные же отправились в Кург через Падиторский перевал. С перевала они увидели эту прекрасную горную страну, и она им пришлась по душе. Повсюду, куда ни глянь, тянулись горы, перемежавшиеся плодородными долинами. И такой был простор, что все четыре бога решили порезвиться. Они затеяли стрельбу из лука. И стрела богини, их сестры, упала дальше всех. А потом она побила своих братьев еще в двух соревнованиях. Мужское достоинство богов было унижено. И они устроили так, что богиня потеряла свою божескую касту. А потеряв ее, она уже не могла надеяться на поклонение кургов. Ибо курги причисляли себя к высшей касте кшатриев. Она осталась в Паннангалле и стала богиней племени поля. Называют ее Паннангалатамма. После того, как боги-братья отделались от сестры и вновь обрели в себе уверенность, они расселились в разных местах Курга. Старший стал жить около Падиторского перевала на горе, которая называется его именем — Иггутаппа. Второй поселился в Палуре и стал его богом Палураппа. Последний же живет в Тирнели, называется Пеммайя и стережет границу от вторжения воров, а также эпидемий. Несчастливая Паннангалатамма — не единственная из богов, потерявшая свою касту по пути в Кург. Ее лишили по разным причинам бог Кетраппа и богиня Повведи. Последняя властвует в Бенгуре. Но этим двоим повезло больше, чем Паинангалатамме. Курги не обратили внимания на потерю ими касты и приняли их приветливо и дружелюбно.

Вот таким странным и неожиданным образом складывался пантеон богов у кургов. Но в этом разноманном пантеоне существует своя внутренняя закономерность, которая позволяет провести классификацию богов. На мой взгляд, эта классификация должна выглядеть следующим образом. Первую группу составляют деревенские боги или, вернее, богини. Наиболее выдающимися среди них считаются Мариамма, Бхадракали и Дурга. Имя последней указывает на ее связь с ортодоксальным индуизмом (но это случилось с ней позже). Местожителство богинь отмечается вертикальным камнем, но иногда в их честь воздвигают небольшие храмы-алтари. При таких храмах существовали и существуют оракулы — те, чьими

устами глаголят вышеперечисленные богини. Оракулы по праздникам в честь богинь танцуют в масках, впадают в транс и возвещают собравшимся волю богинь.

В далекие времена, когда в Курге еще не появились индуистские жрецы-брамины, в храмах довольствовались оракулами. Позже брамины в качестве новоявленных жрецов стали обосновываться в кургских храмах, приносили с собой свой ритуал и давали деревенским богиням индусские имена. Но как бы прочно не обосновывались брамины в жилищах кургских богинь, они не могли отучить кургов от древнего ритуала. И этим ритуалом было жертвоприношение. Кургы утверждают, что каждая богиня требует свою жертву. И не какие-нибудь цветы или кокосовые орехи — такое могли придумать только брамины-вегетарианцы, — а полнокровную трепещущую жертву. Когда-то этими жертвами были сами люди. В основном мужчины. И это естественно, ибо богини были женщинами. В те далекие времена и годовой праздник в честь богини назначался очередной дом, который должен был поставить жертву. Жертву вели в храм и там отрубали ей голову. Мужчины были храбры и мужественны. Они без колебания клали свои головы на алтари богинь. Ибо знали, что этим обеспечивают своему клану и своей деревне божеское благословение. Более того, когда кургу очень хотелось, чтобы сбылось чье-то или его собственное желание, он приносил себя в жертву сам. В этом случае действовал принцип самообслуживания: хочешь чего-то — руби себе голову сам. И это не легенда, и не сказание. В Курге сохранились гранитные камни, поставленные в честь таких жертв. На камнях надписи: «Пусть будет так, — гласит одна из них. — В год 944-й, отрубив себе голову, умер. Мать Бучаги в память сына воздвигла этот камень». И еще «Год 1080. Уттама-Чола-Сетти... мечом отрубив себе голову, умер». Надписи относятся к далекому прошлому, к X и XI векам. Но человеческие жертвоприношения продолжались еще долго после этого... Прошло не менее восьми веков, пока курги нашли выход из положения. Видно, был кто-то первый, кто придумал этот выход. Но история не сохранила его имени. После него все пошло по-другому. Намеченная жертва сбегала в лес. Жители деревни бросались ее искать. И конечно, не находили. Все возвращались в храм грустные. Особенно сокрушались родственники жертвы. А его мать просто не находила себе места от

горя. Оракулу-жрецу долго объясняли, что случилось. Жрец тоже сокрушался, но выхода у него не было. Назначить новую жертву вот так сразу было нельзя. Для этого нужен был целый год. И оставить богиню без жертвы — невозможно. Тогда приводили козла. Жрец брал на себя ответственность обмануть богиню. Курги с трепетом ждали, что наступит разоблачение. Но оно не приходило. Богиня по-прежнему принимала козлов за мужчин и выполняла просьбы своих почитателей. Курги успокоились и перестали даже отправлять в лес символические жертвы. Они приносили козла и не вступали в разговоры со жрецами. Если козла не было, приносили кабана или петуха. Так идет дело и по сей день.

Жрецы-брамины, поселившиеся в храмах кургских богинь, в день кровавого жертвоприношения удаляются из храма и закрывают его двери. Древний ритуал выполняется перед храмом. Жертвоприношение кончается танцами и пророчествами оракула. На браминов никто не обращает внимания. Брамины продолжают служить богиням в течение года, и им никто не мешает, в буквальном смысле этого слова. Просто никто к ним не приходит. И главное таинство совершится без браминов. В течение года о нем будет только напоминать меч, который лежит рядом с изображением богини. Тот меч, которым когда-то рубили головы мужчинам. Теперь же с ним танцует оракул, и если на него снизойдет истинное вдохновение, он сделает на горле надрез мечом. Надрез в память отрубленных голов человеческих жертв древнего Курга.

Деревенские богини-матери наиболее почитаемые божества. Они ближе всего кургам, — ведь они, как утверждают курги, живут рядом с ними и хорошо знают их заботы и беды. Но есть и вторая группа богов. Я бы их назвала «общими богами». Им поклоняется весь Кург. И таким богом является бог охоты Айяппа. Говорят, он тоже пришел с Малабара. Вполне возможно. Прекрасные кургские леса, полные дичи, созданы именно для такого бога. В свое время брамины, понимая роль этого бога в охотничьем Курге, быстро нашли ему родственников в индуистском пантеоне. Они объявили его сыном Шивы и Мохини. Мохини же, как известно, является женским воплощением Вишну. Но Айяппа оказался непохожим на своих родителей. Он живет не на Гималаях, как Шива и Вишну, а в кургских лесах и малабарских джунглях. Он бродит там со сворой охотничьих собак и время от

времени подзывает их свистом. Ночью, когда лес затихает, курги хорошо слышат этот свист. У Аяппы есть любимые места для охоты. Люди объявили эти места заповедными. Здесь курги не охотятся, так как не хотят мешать богу, от которого зависит их собственная удача в охоте. В заповедных лесах для Аяппы всегда оставляют лук, стрелы и глиняных собак. Поэтому у бога охоты никогда нет недостатка ни в оружии, ни в собаках.

Есть два дня, среда и суббота, когда Аяппа охотится по всему Кургу, а не только в заповедных лесах.

Поэтому в эти дни лучше на охоту не выходить. Аяппа не простит появления на его тропе и, конечно, откажет дерзкому в покровительстве. Аяппа — бог серьезный и с ним шутки плохи.

У браминов отношение к этому богу весьма противоречивое. С одной стороны, они рады ему служить, а с другой... Дело в том, что кургам надо бога кормить. Кормить тем, что едят люди. Рисом, овощным карри, бананами. Браминов тоже надо кормить тем же. В некоторые храмы Аяппы курги приносят вегетарианскую пищу. Тогда и браминам-жрецам можно поесть. А в некоторые упорно поставляют мясо. Просто курги не могут себе представить, как охотник может обходиться без него. И в таких храмах работа браминов теряет свой смысл — им нечего там есть. Они покидают эти храмы, оставляя на произвол судьбы славного потомка двух великих богов индуистов Шивы и Вишну. Курги обходятся и без браминов, а непослушный браминским законам Аяппа с удовольствием ест рис, сдобренный острым карри из мяса дикого кабана. Как видите, и с «общими богами» Курга у браминов не все в порядке.

Есть еще и третья группа богов — великих, верховных и вездесущих. Мне не хочется включать в эту группу мать-Кавери. Ибо она выше их всех и кроме того, я подозреваю, что она ниоткуда не приходила, а родилась именно на земле Курга. Она и есть самая главная. Но брамины имеют на этот счет свое мнение. Они объявили верховным богом Махадеву и его жену Бхагавати. Более того, они утверждают, что Махадева и есть сам индусский бог Шива, а Бхагавати — это Парвати. Но этого им тоже показалось мало. Они начали настаивать на том, что каждый кургский бог — это Вишну, или Шива, а каждая кургская богиня — это Лакшми, или Парвати. Правда, они и сами точно не могут сказать, кто есть кто. Вопрос запутан ими

до предела. Но вежливые воинственные курги, слушая разглагольствования браминов, только тонко и иронически улыбаются. Уж они-то знают, кто есть кто. Как бы ни старались брамины, они натываются на спокойное упрямство и открытое пренебрежение кургов к индуистской вере и канонам. Сколько лет идет эта скрытая, а порой и открытая борьба, — трудно сказать. Но она продолжается и до сих пор. И пока не в пользу пришлых браминов. Брамины пытаются проникнуть в души кургов через их храмы и их богов. Но эти души пока остаются для них закрытыми.

* * *

Самый большой храм находится в Меркаре. Его построили еще при кургских раджах. Предки раджей были пришлыми. Они поклонялись индусскому богу Шиве, и с их помощью брамины соорудили этот храм. И стали властвовать в нем, служа богу Шиве. Они надеялись таким образом поправить свои дела в Курге. Храм стоит в центре Меркары и своей архитектурой чем-то напоминает мусульманскую мечеть. Он не похож на торжественные и величественные храмы Южной Индии. Его стены бедны и не украшены великолепной и изощренной скульптурой. Обычная черепица покрывает его крышу. Каждый день к его воротам выходят два музыканта. У одного в руках барабан-табла, у другого — длинная храмовая труба. Громко бьет барабан, зазывно звучит труба. Но мощный двор храма не наполняется народом, никто не входит в священный водоем для омовения. В святилище, куда ведет каменная лестница, несколько жрецов со шнурами «дважды рожденных» через плечо начинают читать мантры — заклинания перед изображением бога Шивы, украшенного цветами. Горят светильники, заунывно звучат молитвенные напевы. Жрецы разбивают кокосовые орехи. Бронзовое лицо Шивы замкнуто и печально. Бьет барабан, надывается труба. Но все остается по-прежнему. Только бог и его жрецы. Кургов, для которых все это делается, здесь нет. И наверное, от этого на лицах жрецов нет подобающей благодати. Их губы упрямо сжаты, лбы наморщены. Они не смотрят на вход. Они знают, что оттуда никто не появится. Разве что несколько любопытствующих туристов.

Курги считают, что меркарский храм заслуживает гораздо меньше внимания, чем солнце, огонь, деревья и... змеи.

Солнцу молятся каждый день, и для этого не надо ни барабана, ни длинной храмовой трубы. Нужно одно — первые солнечные лучи. Женщина, которая зажгла священную лампу в доме предков, на рассвете выходит из дома и ждет этих первых лучей. Как только они появляются, женщина складывает руки в «пранаме». Так приветствуют в Индии и бога, и друга, и просто знакомого. В Солнце объединены все эти три качества. Поэтому восток священен для любого курга. Кургский крестьянин каждый день устремляет свой взор именно в эту сторону. Он не начинает свой рабочий день, не поприветствовав бога и друга — солнце. Ибо от солнца зависит его урожай и благосостояние его семьи. Поэтому столь молчалива и сокровенна молитва курга богу Солнцу перед началом сельскохозяйственного сезона.

Огонь, слабое земное отражение солнца, тоже священен. Священен огонь в лампе дома предков, священен огонь кухонного очага и кремационного костра. Огню, как и солнцу, поклоняются каждый день, Ибо он символизирует единство семьи и незыблемость дома предков. Огонь чтут за его очистительную силу. И поэтому ни один кургский ритуал не обходится без огня. Солнце и огонь — сама природа. Деревья — тоже. Им поклоняются, они — естественная часть жизни кургов. Фикус, манго, хлебное дерево, баньян — священны. Их окружают платформами из аккуратно сложенных камней. Под ними ставят камни в честь богинь. И где бы вы ни проходили или ни проезжали, вы обязательно натолкнетесь на священное дерево. Они стоят по всему Кургу, самые красивые и самые полезные деревья. Дерево, окруженное камнями в знак человеческого внимания, почитания и благодарности, пожалуй, самое первое святилище на земле.

И самые первые святилища сохранились на золотой земле Курга. Не только сохранились, но и пользуются древним почитанием. Ни один храм в Курге не обходится без священного дерева. Ибо храмы и алтари выросли на местах первых святилищ. Потом курги их заселили духами и богами. Но все они не мыслились без этого священного дерева. Как не мыслится ни один кургский ритуал без листьев таких деревьев. Листья сгорают в священном огне, их жуют во время церемонии, их раскладывают, защищая себя от злых духов. Деревья защищают людей, а люди защищают деревья, строго следя за тем, чтобы никто не погубил их. В этом, с точки зрения курга, проявляется

великое священное равновесие. Когда равновесие нарушается, деревья гибнут, а с ними умирает что-то очень важное в самих людях. Умирает и не восстанавливается. Говорят, что духи погибших деревьев превращаются в вампиров, иссушающих живую душу человека. Но пока они стоят, к ним относятся, как к людям, и заботятся, как о людях.

Что еще священно для курга? Змея. Чаще всего кобра. Змея — символ мудрости и долголетия. Ее изображения помещают на платформы под деревьями. Около таких деревьев змей убивать нельзя. И вообще лучше воздержаться от убийства змеи, и особенно кобры. Ибо кобры необычные существа. Они живут тысячу лет и умирают не так, как другие животные. Через семьсот лет тело кобры становится короче и приобретает блеск серебра. Века через два кобра уменьшается до фута, но начинает блестеть, как золото. К тысячи годам она становится совсем маленькой и легкой. Сначала она поднимается в воздух, затем снова падает на землю и... исчезает. Те места, где это случилось, очень священные. Правда, никто из кургов не был свидетелем такой чудесной смерти и даже не видел ни серебряных, ни золотых кобр. Но, собственно, это неважно. Главное — знать священное место. Для этого стоит только обратиться к астрологу, и он его укажет точно. И обязательно найдет камень, около которого совершилось чудо с тысячелетней коброй. Камень этот очень необходим. Ибо в месяц Скорпиона (октябрь — ноябрь) на нем зажгут масляную лампу. И будут гореть такие огоньки по всему Кургу, удивляя незнающих путников, оказавшихся на дороге ночью. Но сами курги прекрасно осведомлены, зачем это делается.

Боги, духи, священные деревья, змеи — не слишком ли много для одного народа? Оказывается, нет. И вообще такой неквалифицированный вопрос может задать только малосведущий человек. Настоящий кург хорошо справляется со всеми этими сложностями и даже может дать краткое и четкое определение всей системе кургских верований. Как это сделал старый вождь — деша-такка в своей записке, составленной по моей просьбе.

«Даже сейчас, — написал деша-такка, — мы поклоняемся нашим предкам. Мы исполняем дьявольские танцы, верим в духов и богов, которые стоят в храмах. Более того, можно сказать, что мы идолопоклонники. В память наших первых предков, или прародителей семьи, мы построили алтари над их останками и молимся им из

поколения в поколение. Этот алтарь называется „каймада“. В каймаде мы исполняем дьявольский танец в честь духа первого предка. Мы также чтим солнце, деревья, огонь и змей». Как говорится, ни прибавить, ни убавить. Коротко и ясно. А мне, чтобы разобраться во всем этом, пришлось много ездить по Кургу, собирать материал, словом, напряженно работать. Но меня оправдывает только то, что я не кург.

Священный лес

— Вот здесь, — сказал Мудамайя, показывая на пирамидку, сложенную из камней, — и погребли Чиннаппу.

— Значит, все это не легенда и не сказка, а было в действительности? — спросила я.

— Конечно, — ответил Мудамайя. — Все произошло на самом деле в те далекие времена.

...В ночь новолуния, в месяц Быка в священном лесу богини Мандатаввы громко и тревожно забили барабаны. Барабаны в эту ночь били каждый год. Но сейчас они звучали как-то по-особенному. Их бой разносился далеко и был слышен в крайних домах деревни. В тех, которые примыкали к священному лесу. В домах царили предпраздничное оживление, и только в одном из них было тихо. Казалось, что дом вымер. На самом же деле в доме были люди. Много людей. Они сидели молчаливые и сосредоточенные на скамьях центрального зала. В зале было темно, и только огонек священной лампы освещал вход в комнату предков. Бой барабанов здесь был хорошо слышен. И чем громче он звучал, тем напряженней становились позы людей. Казалось, люди приросли к скамьям и не хотели от них отрываться. Они ждали чего-то, и это ожидание давило на них.

Где-то в темноте прокричал три раза ворон. Глава семьи, согнутый старик с резкими чертами лица, вздрогнул и низко опустил голову. Еще несколько мгновений он оставался неподвижным, затем сбросил с себя оцепенение и тяжело поднялся.

— Пора, — сказал он. — Чиннаппа, выполняй свой долг.

Чиннаппа, молодой кург, широкоплечий и тонкий в талии, поднялся и, ни на кого не глядя, подошел к священной лампе. Остальные стали за его спиной.

— Во имя вас, духи предков, во имя тебя, богиня Мариамма, — начал старик.

Юноша шевельнул губами, и какой-то странный звук сорвался с них. Его плечи опустились, и руки бессильно повисли вдоль тела. Старик повернулся и мягко произнес:

— Повторяй, Чиннаппа.

— Повторяй, — печальным эхом откликнулись другие.

Чиннаппа усилием воли стряхнул с себя оцепенение.

— Во имя вас, духи предков, во имя тебя, богиня Мариамма...

Голос юноши звучал безжизненно и тихо. На какое-то мгновение смолкли барабаны в священном лесу. И только этот голос, похожий на шелест осенних листьев, оставался в доме.

— Во имя вас...

Какая-то тень, похожая на подстреленную птицу, метнулась к лампе. Тело юноши напряглось, но он не повернул головы.

— Мать, отойди! — повелительно сказал старик. — Он мужчина и воин. Женщине здесь не место.

Женщина судорожно всхлипнула, но повиновалась. Когда все было кончено, сто человек избранной окки молчаливо потянулись к священному лесу. Они шли не торопясь, печально опустив головы. Их движения были скупы и сдержанны. И только та женщина время от времени начинала отчаянно биться в руках державших ее родственниц. Женщина была матерью Чиннаппы — того самого, на которого выпала в эту ночь новолуния честь быть принесенным в жертву самой богине Мариамме. Они вошли в лес. Их окружили деревья, верхушки которых тревожно шумели под порывами ночного ветра. Бой барабанов становился все ближе. Наконец, деревья расступились и открылась небольшая поляна. Над ней бесстрастно и холодно стоял голубоватый серп молодой луны. На невысоком холме посередине поляны горел большой костер. Он освещал собравшихся здесь людей и высокий вертикальный камень богини Мариаммы. Пламя костра трепетало и моталось над порывами ветра, и причудливые тени скользили по свежей траве поляны. Они задевали вертикальный камень, и казалось, что он оживает, двигается и протягивает руки. Длинные и жадные руки, требующие жертв.

Ритм барабанов участился, стал суше и четче. И под этот бой молчаливо и отрешенно закружились вокруг платформы, где стоял камень, танцоры в черных купья. Полы купья развевались, руки-крылья плыли в пламени костра, и танцоры были похожи на больших

черных птиц — предвестников бед и несчастий. Ноги их двигались слаженно и ритмично. Звук их шагов сливался с барабанным боем, и людям казалось, что сама земля отзывается на эти шаги барабанным звуком. Так могли танцевать только воины перед битвой. Лица танцоров были темны и замкнуты. Они танцевали в честь богини Мариаммы, в честь духов ушедших предков, в честь предстоящей жертвы. Перед камнем-богиней лежал меч.

Жрец Мудамая с седой всклокоченной бородой, завернутый в бело-красные одежды, читал заклинания над мечом. Он поднимал темное лицо к камню, вопрошал что-то и подносил глиняный светильник к богине. Язычок светильника освещал выбоины и вмятины на камне. Дым благовоний из кокосовых плошек поднимался к лицу жреца, и тот втягивал его, прикрыв глаза тяжелыми веками. Он ждал. Ждал терпеливо и покорно, как это делал каждый год в эту ночь. Но камень оставался неподвижным. Только скользящие тени оживляли его. Но это было не то. Не настоящее. Дым ел ноздри, и от него начинали слезиться глаза. Сквозь эти невыкатившиеся слезы жрец снова стал рассматривать камень. Радужные отблески пламени легли на его поверхность. Черные крылья танцоров стали исчезать, растворяясь в каком-то призрачном тумане. Радужные отблески дрожали, как и слезы в глазах жреца, И в этом дрожании и движении сквозь синий дым благовоний перед ним стали возникать знакомые черты. Удлиненные глаза и резко очерченный жестокий рот. Но жрец еще не был уверен, что это то — настоящее. Он, не мигая, продолжал смотреть на плывущие черты и наконец увидел, как дрогнули в усмешке уголки этого жестокого рта. Жрец взмахнул руками и вскрикнул. Мариамма явила свое лицо. Жертва будет принята.

Круг танцующих распался, умолкли барабаны. И только где-то в ночном лесу прокричала ночная птица, как будто почувствовала что-то недоброе. Жрец недовольно покосился в сторону птичьего крика. В другой раз это могло быть дурным предзнаменованием. Но сейчас Мариамма явила свой лик, и это уже было неважно. Он поднял меч и воткнул его рукояткой в землю, закрепив ее тяжелыми камнями. Лезвие меча стояло чуть наклонно, но этого было достаточно. Налетел порыв ветра, и пламя костра вспыхнуло с новой силой. Его блики легли на полуобнаженное тело Чиннаппы, напряженное и сильное.

Жрец, не отрываясь, смотрел на юношу, и под этим взглядом в Чиннаппе происходило что-то, доселе ему неизвестное. Стоявшие вокруг исчезли, деревья слились с ночью, а пламя костра как будто повисло в воздухе. И только лезвие меча, такое отталкивающее и в то же время привлекающее, осталось реальным в этой странной ночи. Ничего, кроме этого лезвия, оружия богини. Еще минута — и оно тоже может исчезнуть, и тогда жертва, его, Чиннаппы жертва, не состоится... Он рванулся к мечу...

Тишину разорвал крик ужаса и отчаяния. Это кричала мать Чиннаппы. Но ее быстро увели. Из холодеющего тела Чиннаппы хлестала кровь, стекая с платформы, на которой стояла гранитная богиня с каменным сердцем. И снова, на этот раз освобожденно и торжественно, забили барабаны. Страшная маска с жестоким ртом поплыла в танце. Пламя костра металось, стараясь достигнуть этой маски и жреца, который под ней скрывался. Но жрец был недосягаем. Он грозно стучал пятками по земле и размахивал окровавленным мечом. Он уже не был жрецом. Он был вместилищем богини Мариаммы, и маска подтверждала это. Он танцевал «дьявольский» танец. Танец, который должен был убедить людей в справедливости содеянного и в неизменной силе богини Мариаммы и его, Мудамайи, жреца и оракула. Он был неутомим.

Полночи били барабаны, полночи танцевал жрец. И наконец Мариамма заговорила. Она кричала резким голосом Мудамайи и предвещала благосостояние окки Чиннаппы.

Ночь новолуния в месяц Быка кончалась. Серп луны побледнел и скрылся за деревьями. Багровая заря, похожая на кровь, разродилась первыми лучами солнца. Но на поляне уже никого не было. И только вертикальный камень непреклонно стоял на своей платформе.

...Я обошла пирамиду. Она была невысокая. Чуть ниже метра. Ее венчал плоский камень, а на камне лежали осколки двух терракотовых фигурок — собаки и лошади.

— Что это? — поинтересовалась я.

— Это ему, — ответил Мудамайя. — Наши подношения. Теперь он охотится вместе с другими духами предков в этом лесу. Мы, смертные, здесь не можем охотиться. Священный лес только для духов предков.

В священный лес богини Мандатаввы я попала через пятьсот лет после описанных событий. Лес был расположен неподалеку от

деревни Коттур, в которой теперешний Мудамайя служил жрецом. Он-то и привел меня в этот лес. Священный лес богини Мандатаввы не единственный в Курге. Сохранилось еще немало таких лесов, где стоят древние святилища и древние погребения в виде пирамидок, сложенных из камней. Здесь, в этом лесу, люди многое сохранили так, как было пятьсот лет тому назад, а может быть, и больше. Та же небольшая и уютная поляна. В тот день она была освещена ярким солнцем. В лесу пели птицы. На всем лежала печать какой-то успокоенности и безмятежности. И мне трудно было поверить, что была когда-то «ночь новолуния в месяц Быка». Но могила Чиннаппы подтверждала когда-то случившееся. Рядом с ней стоял холм, на котором в ту ночь горел ритуальный костер. Собственно, это был даже не холм, а солидная гора пепла от костров, пылавших здесь. Костры эти горят и сейчас. И каждый год в ночь новолуния здесь приносят жертву, но уже не человека, а свинью или петуха. Жрец по-прежнему исполняет здесь свой «дьявольский» танец и вещает от имени богини. Тут же рядом с погребением Чиннаппы и холмом из пепла стоит круглая каменная платформа. На платформе лет двадцать назад воздвигли небольшой домик-алтарь, который укрыл священный камень богини Мариаммы.

Мы поднимаемся с Мудамайей на платформу и входим в алтарь. Здесь сумрачно. Окон нет, и свет проникает только через открытую дверь. В центре алтаря на невысокой платформе стоит гранитный вертикальный камень. Это — изображение богини Мариаммы. Высота камня — около полутора метров. Позади камня на стене два скрещенных старинных меча. Лезвия местами покрылись ржавчиной.

— Одним из них проткнул себя Чиннаппа, — сказал Мудамайя. — Другие до него тоже так делали.

Под низким потолком алтаря висят две деревянные маски. Мужская и женская. В пустых глазницах масок, обведенных черной краской, затаилось что-то зловещее. Рядом с масками два маленьких деревянных щита. Я разглядываю все это, и мне начинает казаться, что где-то бьют страшные ночные барабаны. Мудамайя как будто угадывает мою мысль.

— С тех пор, — говорит он, — здесь почти ничего не изменилось. Разве что вот этот павильон.

Павильон стоит чуть поодаль от храма. Теперь в ночь новолуния в нем сидят знатные курги — плантаторы, адвокаты, учителя. Они приходят посмотреть на «дьявольские» танцы и напомнить о себе богине Мариамме.

Куда бы я ни ступила в этом, лесу, все было связано с богиней Мариаммой, но лес почему-то назывался именем богини Мандатаввы. Я не могла понять, в чем дело. И наконец не вытерпела.

— Причем же здесь богиня Мандатавва? — спросила я жреца. — Ведь лес, кажется, зовется ее именем.

Мудамайя смутился и стал почему-то переступать с ноги на негу. Потом впал в глубокую задумчивость.

— Видите ли, — наконец начал он. — Видите ли, Мандатавва старшая сестра Мариаммы.

— Очень приятно, — сказала я. — Такие прекрасные леди.

— Вот именно, — обрадовался почему-то Мудамайя. — Прекрасные леди. Но женщины в святилище богини Мандатаввы не допускаются. Святилище рядом, но женщины не допускаются... — вздохнул он.

Мудамайя снова впал в глубокую задумчивость и время от времени бросал на меня косые взгляды.

— Ладно, — сказал он, на что-то решившись. — Пойдемте. Вам я покажу это место. Возьму ответственность на себя.

— А потом принесем очистительную жертву? — спросила я, памятуя свой предыдущий опыт работы в племенах.

— Обойдемся, — легкомысленно махнул он рукой.

И я поняла, что у цивилизованных кургов есть кое-какие преимущества перед теми, кто еще находится на стадии родового общества.

Мы углубились в лес и прошли, наверное, метров пятьсот, но никакого признака поляны не было. Наоборот, заросли становились все гуще. Неожиданно тропинка оборвалась, но это не остановило Мудамайю. Он нырнул в кусты и сделал мне оттуда знак следовать за ним. Я тоже нырнула в кусты и застыла в изумлении. Среди плотно стоявших высоких деревьев и сплошных зарослей кустарника была расчищена круглая площадка метров двадцати в диаметре. Эта площадка служила своеобразным полом гигантскому помещению, стены которого составляли мощные стволы деревьев, а крышей

служил купол открытого голубого неба. «Архитектура» этого неожиданного лесного храма и его пропорции удивительно напоминали высокий зал готического собора. Таких храмов я еще не видела. Я все еще продолжала стоять, пораженная видом открывшегося мне зрелища.

— Куда вы смотрите? — голос Мудамайи вернул меня к действительности. — Богиня Мандатавва здесь, внизу, вверху ее нет.

Теперь только я заметила, что в центре площадки в квадрате, аккуратно выложенном камнями, лежало несколько плоских плит, на одной из которых стоял небольшой черный камень. Около камня располагались два светильника в глиняных плошках.

— Богиня Мандатавва, — указал Мудамайя на черный камень. — Здесь раз в три года мы устраиваем в ее честь праздник и приносим в жертву петуха.

Сколько лет этому святилищу? — думала я. — Пожалуй, оно древнее любого храма в Индии. Мне показалось, что такое святилище могли придумать только в каменном веке. Когда человек был неотделим от природы и знал, как использовать ее, чтобы создать такой храм. Храм самой природе и своим богам. Здесь не было ничего лишнего. Ни масок, ни павильонов, ни кирпичных алтарей. Только деревья, небо и грубо обработанный камень. Какое исчезнувшее племя создало это святилище, чтобы передать его тем, кто пришел позже? Чьей богиней была Мандатавва, старшая сестра Мариаммы? Боюсь, что мы уже не получим ответов на эти вопросы.

Память о многом хранят священные леса Курга. Неподалеку от святилища я наткнулась на каменную стелу, врытую в центре поросшего кустарником кургана. Стела была покрыта сверху донизу цветным мхом. Под мхом были высечены слон и слова незнакомого мне языка. Возможно, это был старый каннара — язык населения соседнего Майсура. Я не знала, что написано на стеле, мне было неизвестно, что таит в себе заросший курган. Безусловно, что-нибудь очень важное. Но пока все это охраняет богиня Мандатавва, живущая в священном лесу около кургской деревни Коттур...

Сага о Ченгаппах

Она сидела у костра и, не отрываясь, смотрела в огонь. О чем она думала? О детях, которые не оправдали ее надежд? О муже пьянице, жалком и ничтожном человеке, тратящем свою жизнь в английских клубах? Или о безрадостном тяжелом труде ради денег, загубившем ее молодость и рано состарившем ее? А может быть, о матери — подвижной сухой старушке с глазами, полными вечного укора? А может быть, ни о чем таком она и не думала, а просто следила за своенравной и неожиданной игрой пламени. Дрова сухо потрескивали в костре, в небе стояла полная луна, а на поле и лес напоздали голубоватые полосы вечернего тумана. Становилось сыро и холодно. Но она продолжала сидеть и только время от времени подставляла огню свои ноги, обутые в мужские резиновые сапоги. Пламя клало меняющиеся тени на ее лицо, и от этого оно становилось то мягким и задумчивым, то жестким и упрямым. Но тени ни разу не изменили рисунка его твердого рта, хищных крыльев тонкого носа и бездонности глубоко посаженных черных глаз.

Наконец она оторвалась от пламени, повела зябко плечами, на которые было наброшено потертое демисезонное пальто, и потянулась к бутылке с пивом. Она долго и пристально смотрела, как текла, играя в свете костра, его золотистая струя в высокий стакан. Потом стала пить из стакана крупными, жадными глотками. Мне стало почему-то неловко, как будто я подсмотрела то, чего не должна была видеть. Но она, погруженная во что-то свое, не обращала на меня внимания.

— Я не люблю людей, — неожиданно начала она глухим с хрипотцой голосом. — Представьте себе, не люблю и не боюсь в этом признаться. Растения намного лучше их. Кофе, например, или рис. Они отдают сторицей то, что ты в них вложила. Люди не отдают ничего. Они только стараются урвать. От них не дождешься даже благодарности. Поэтому я не люблю людей.

Это было похоже на исповедь. Очень странную и необычную исповедь. И происходила она на большой кофейной плантации, около бетонных боксов, где сушили бледноватые зерна кофе.

— Да, — повторила она с вызовом, — я не люблю людей!

Она поднялась и, размахисто ступая по росистой траве, направилась к боксам. И оттуда вскоре донесся ее властный голос:

— Долго вы здесь будете валяться без дела? Думаете, если хозяйка отвернулась, так можно все!

Кто-то тихо и робко оправдывался.

— Мне ваших возражений не надо! — Вновь зазвенел хозяйский голос. — Марш! И за дело. Я вам покажу, кто я такая!

Кто такая... Миссис Ченгаппа, хозяйка одной из крупных плантаций Курга, жена своего мужа и мать, своих детей. Вот кто такая.

Случилось так, что с мистером Ченгаппой я познакомилась раньше, чем с его женой. Имение и плантации Ченгаппов были расположены в Южном Курге в небольшом придорожном поселке. Мои знакомые в Меркаре посоветовали навестить их, так как Ченгаппы, по их мнению, могли представлять для меня интерес. Я не стала откладывать этот визит и добралась до поселка на попутной машине. В поселке мне указали на ворота и ограду, расположенные чуть в стороне от остальных домов. Я вошла в ворота и попала в обширный двор. Двор представлял собой английский газон, пересеченный аккуратными дорожками. В углу я заметила теннисный корт, а потом обратила внимание на дом, вернее, на дома. Их было три. Один напоминал традиционный кургский дом предков. Зато два других представляли собой двухэтажные особняки, выстроенные в стиле модерн. Я поняла, что попала к людям очень состоятельным.

Во дворе было пусто, и я стала решать, в какой из домов постучаться. Я поднялась на ступеньки двухэтажного особняка и постучала в его стеклянную дверь. На стук никто не отозвался. Я нажала на ручку, дверь поддалась, и я оказалась в большом просторном зале, стены которого были отделаны деревянными полированными панелями. В зале были камин и бар со стойкой. Посередине зала на мягком пушистом ковре стоял человек. В яркой желтой рубашке, бриджах и лихо сбитой на затылок вельветовой шляпе он был похож скорее на американского фермера, чем на курга.

Человек резко повернулся ко мне, и его глаза на красном оплывшем лице радостно и выжидающе уставились на меня.

— Здравствуйте, — вежливо сказала я.

— Что будем пить? — неожиданно спросил он меня, не отвечая на мое приветствие.

Вопрос поставил меня в тупик, и я не смогла сразу ответить.

— Я спрашиваю, — с угрозой в голосе повторил он, — что будем пить?

— Но сначала я должна объяснить...

— После, после! — замахал он на меня пухлыми руками. — Все объяснения после. У нас совсем нет времени. Решайте быстро и бесповоротно. Иначе... И он с опаской посмотрел на двери.

Видимо, за этими дверьми и находилась неведомая мне опасность, которая чем-то грозила человеку и сокращала его время.

— Джин! — выпалила я, еще ничего не понимая, и внутренне похолодела. Я знала, что крепкий джин после утомительной дороги свалит меня с ног. Но отступить было поздно. Человек действовал с завидной быстротой. Он выхватил бутылку со стеклянной полки, почти швырнул ее на журнальный столик и дрожащей рукой стал наливать джин в стаканы.

— Хлопнули! — деловито сказал он.

Глазки человека засветились восторгом, он удовлетворенно вздохнул и, наклонившись ко мне, зашептал:

— Бутылка начата. Теперь уже никто не помешает, даже она. — И снова покосился на дверь. — Трудность состоит в том, чтобы начать. А уж кончить-то, мы ее кончим. — И захихикал, потирая пухлые ладони. Я поняла, что «она» должна появиться из этой двери.

— А теперь объясняйте, — великодушно разрешил человек.

Однако он не вникал в мои объяснения и лишь смотрел на меня растроганным и влюбленным взором. Только два слова зацепили его ум. Эти слова были «Советский Союз».

— Откуда вы? — переспросил он меня, не веря своим ушам.

— Из Советского Союза.

Человек обреченно и печально уставился на меня.

— Кажется, я напился, — сказал он грустно. — Но почему так быстро?

Второй стакан джина поправил дело.

— А я — Ченгаппа, — сказал он доверительно.

— Очень приятно, — ответила я.

В это время дверь раскрылась и на пороге возникли «она». Миссис Ченгаппа. Увидев нас, она впала в какую то глубокую задумчивость. Воспользовавшись этой краткой задумчивостью, мистер Ченгаппа «на глазах изумленной публики» быстро прикончил бутылку. Ниламма Ченгаппа тяжело опустилась в кресло рядом с журнальным столиком и угрожающе сказала:

— Так.

При первых звуках «ее» голоса Ченгаппа вдруг вскочил и восторженно закричал;

— Ниламма! Это наш гость! Наш дорогой гость.

И, продолжая выкрикивать что-то еще, напоминающее лозунги, он стал как-то блудливо, боком продвигаться к двери. Наконец он добрался до нее и исчез.

— Так, — повторила Ниламма. И теперь это полностью относилось только ко мне.

Но законы кургского гостеприимства возобладали в ней, и я была оставлена в имении на несколько дней.

Так началось мое знакомство с семейством Ченгаппов.

Ниламма была самой значительной и самой интересной для меня фигурой среди всех остальных в этом богатом плантаторском имении. Двухэтажные особняки, английский газон, теннисный корт, автомобили, слуги, кофейная плантация, приносящая три миллиона рупий в год, — всего этого у Ниламмы Ченгаппы еще лет двадцать тому назад не было. Все это пришло потом. А что было? Дом матери и скромное рисовое «поле предков» и более чем скромный достаток в этом доме. Ниламма была шестым ребенком у матери. Несмотря на скудость средств, ее все-таки отдали учиться в школу, потому что мать считала это необходимым для своих детей. В школе Ниламма была одной из лучших учениц. Она схватывала все на лету, отличалась живым, свободным умом и сообразительностью. Школьные учителя говорили матери Ниламмы, что девочку надо учить дальше. Ее место в колледже. Там из нее может получиться незаурядный человек. Такую возможность потерять нельзя. Но жизнь рассудила по-своему. С каждым годом матери становилось все труднее платить за обучение. А потом появился Ченгаппа, застенчивый молодой человек. Он не был

состоятельным, но двадцать акров земли, которыми он владел, вполне могли прокормить небольшую семью. И Ниламма вышла за него замуж. С мечтой о колледже пришлось расстаться. Но Ниламма умела и любила работать. Да и Ченгаппа еще не был тогда завсегдатаем английских клубов. Это пришло к нему позже вместе с особняками, автомобилями и баром. А тогда у них не было денег, чтобы нанять батраков, и они работали на поле сами. Они вставали с первыми лучами солнца и возвращались домой, когда уже становилось темно. Но Ниламма была способной не только в учебе. И в хозяйственных делах она оказалась не менее сообразительной. Она быстро стала понимать, что приносит больший доход, а что меньший. Это она уговорила Ченгаппу посадить на их земле мандарины. И не ошиблась. В тот год мандарины принесли им хороший доход. Удалось отложить даже немного денег. Ченгаппа не мог нахвалиться женой. Он понял, что главной в их делах становится она. Понял и успокоился. И вот тогда он начал постепенно отходить от этих дел, считал, что Ниламма прекрасно с ними справится сама. Он стал охотно ездить в Меркару и допоздна засиживался в гостях. Ниламма же все больше и больше входила в дела. Появился первенец, но это не отвлекло ее. Постигнув деловую игру, она обнаружила спортивный азарт и крепкую мужскую хватку. Она стала копить деньги, и это накопление постепенно превращалось в смысл ее жизни. Ее радовало появление каждой лишней рупии. Она жадно их пересчитывала и клала на банковский счет. Но настоящей ее страстью стало приобретение земли. Она скупала ее у соседей, у родственников — по акру, по пол-акра. Она не жалела себя, утешаясь тем, что делала все это во имя собственной семьи, во имя детей, которые не будут знать нужды, как знала ее она.

В округе к ней относились с опаской, но и уважали. Многим было известно, что Ниламма ничего не упустит и всегда добьется своего. Она клала камень за камнем в фундамент будущего богатства. Она перестала стесняться в средствах и осторожно и умно выслеживала свою добычу. И всегда что-нибудь урывала из этой добычи. Дух стяжательства овладевал ею, что-то необратимо меняя в ней самой, но она не обращала на это внимания. Акр, еще пол-акра, еще акр. Ложась спать, она подсчитывала эти акры. И хотя она уже могла напять двух-трех батраков, тем не менее она понимала, что это еще не то, к чему она стремилась. В своих мыслях она видела совсем другое: сотни

акров кофейной плантации, комфортабельный двухэтажный особняк, слуг, автомобили, благополучие детей, ни в чем не знающих отказа. Во имя этого она поднималась каждый день на рассвете в любую погоду, месила резиновыми сапогами грязь полей, подгоняла батраков, не давая передышки ни себе, ни им. Во имя этого хитрила и обманывала, стараясь увеличить свою землю. Она цепко ухватывала человека, оказавшегося в нужде или беде. У нее не было жалости к таким. К ним она была беспощадна, ибо цель оправдывала все средства. Потом ее первенец скажет, обводя рукой окрестности: «Это все наше. Наша земля, наш кофе, наши рабочие. Все наше». Тогда она об этом еще не знала. Но к этому сознательно стремилась. Из красивой девушки она постепенно превратилась в небрежно одетую, не следящую за собой женщину. Черты лица ее огрубели, голос от работы и крика на батраков стал хриплым. В ее лице появилось то хищное выражение, которое так пугало ее старую мать.

— Ниламма! — говорила она ей. — Что ты делаешь? Опомнись! Зачем тебе все это? Ведь у тебя уже достаточно средств, чтобы прокормить большую семью. Остановись! Зачем ты себя губишь? Человек живет на земле, чтобы быть счастливым. У тебя есть все для счастья.

Да, у нее было все для этого счастья. Дом, дети, муж. Не было только счастья. Но она почему-то не ощущала потребности в нем. В том счастье, о котором говорила мать. Ее счастье было в другом. В большой кофейной плантации. Если бы она тогда знала, что все так получится. Будет плантация самая крупная в округе, будут особняки и слуги, но счастья опять-таки не будет. Ибо она, не заметив этого, разменяет его на звонкую монету наличности. Как разменяла и свою жизнь, которая могла бы стать иной.

Ченгаппа все чаще и чаще исчезал из дома, все реже интересовался делами хозяйства. Неумолимо движимая стяжательством, как гончая запахом близкой дичи, она не замечала, что происходит с Ченгаппой. Он не помогал ей, но и не мешал. И этого было достаточно. Но, когда она, наконец, задумалась о нем, было уже поздно. Вместо Ченгаппы, того Ченгаппы, которого она когда-то знала, был незнакомый человек с бегающими глазками картежника и оплывшей физиономией выпивохи. Но она быстро с этим смирилась. Ибо у нее были дети, трое детей, для счастья которых, как она считала, она все это и делала. Но тогда она

еще не понимала, что никакое счастье не может вырасти на несчастье других. Это понимание пришло к ней потом. Потом, когда было тоже поздно.

Лучшими плантациями в Курге владели англичане. Разве можно было себе представить реальную возможность стать хозяйкой подобной плантации? Ниламма прекрасно понимала, что ни сил, ни умения у нее для этого не хватит. Она загоняла мелкую дичь, эта же, крупная, была ей не по зубам. Но жизнь полна неожиданных поворотов, хороших и плохих. На этот раз попорот был хорошим. Индия стала независимой, англичане утратили свою прежнюю силу. И тогда кургские гончие, подобно Ниламме, дружно «обложили» их.

Англичане стали продавать плантации, и многие из них навсегда покидали землю Курга. Они делали это поспешно, боясь наступления худших времен. Поэтому условия продажи были невыгодными для бывших хозяев и несли в себе ряд преимуществ кургам. Ниламма была первой, кто понял это. Она одной из первых посмела броситься на крупную дичь, не думая о том, под силу она ей или нет. Но оказалась под силу. Результат — пятьсот акров кофейной плантации.

Когда первый угар этой победы прошел, Ниламма поняла, что это приобретение ни от чего ее не освободило. Наоборот, прибавилось много другой работы и других хлопот. Но Ниламма не пожалела об этом. Что-что, а работать она умела. Она принялась за плантацию, продолжая зорко посматривать на близлежащие земельные участки. Плантация дала ей особняки, автомобили и слуг. Она принесла с собой еще большую власть над многими людьми. Но она не вернула Ниламме ни мужа, ни детей.

Дети... Их трое и все такие разные. Но в чем-то и одинаковые.

— Кетту! Кетту! — зовет Ниламма, стоя на дорожке английского газона.

Появляется Кетту. Фигура его несколько грузновата для его двадцати двух лет. С такой фигурой ни воином, ни спортсменом не станешь. Взгляд у Кетту сонный и равнодушный, но вместе с тем где-то в его глубине таятся злобные огоньки.

— Ну, что тебе? — раздраженно спрашивает он, стряхивая пылинку с безукоризненно сшитого английского костюма.

— Ты куда собрался? — спрашивает мать.

— Я не должен отдавать тебе отчета. — Кетту явно начинает сердиться.

— Я имела в виду не это, — уступает Ниламма. — Я хочу сказать, что я еду на «остине» в Меркару.

Глаза Кетту приобретают живость.

— На «остине» поеду я, — заявляет он.

— Но... — сопротивляется мать.

— Ты слышала, что я сказал? На «остине» поеду я. В Меркару можешь ехать на джипе.

— Собирается дождь. Ехать далеко, а у джипа не в порядке обшивка. Будет течь.

— Меня это не касается! — срывается на крик Кетту. — Давно надо было починить! Я договорился с друзьями. Мне нужен «остин». Я не желаю разъезжать на джипе, как деревенский агроном или надсмотрщик. — И круто повернувшись, уходит в глубину двора, где расположены гаражи.

Мать остается стоять на дорожке, бессильно опустив руки, изуродованные тяжелой работой. У Кетту другие руки, холеные и пухлые. Руки бездельника и гуляки. Разговор окончен и возобновлять его бессмысленно. Ниламма вздыхает и зовет шофера джипа. Из ворот имения в это время выезжает «остин» и, сверкнув лаком и никелем, устремляется на шоссе.

— Кетту! — кричит Ниламма вслед «остину». Но машина даже не притормаживает.

— Вот так всегда, — говорит она печально. — Ведь он должен был сменить меня на плантации. Я ждала его с семи до десяти, а он так и не пришел. Что можно сделать с таким человеком?

Я не знаю, что можно сделать с тем, кто так и не кончил колледжа, с тем, кто не хочет работать, но хочет ездить на автомобиле и кутить в английском клубе? Ниламма, не дождавшись от меня никаких дельных соображений на этот счет, влезает в джип и уносится вслед за «остином».

Я сажусь у камина в большом зале и жду. В этом ожидании для меня есть особый смысл. Проходит час, полтора, а она все не появляется. Часы показывают 12. 12 часов дня. Наконец с лестницы, ведущей вверх, раздается:

— Доброе утро!

— Добрый день, — отвечаю я.

— Как день? — недоуменно спрашивают меня.

— День как день, — отвечаю я.

Она спускается в зал расслабленной походкой. Стройная девушка восемнадцати лет. Из-под тонких бровей на меня пристально смотрят большие черные глаза. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не скучающее, чуть брезгливое выражение лица, которое портит в ней все. Она садится в кресло и протягивает ноги к огню.

— Мы вчера все поздно вернулись, — говорит она с легким вызовом. — И отец, и я, и Кетту. Кстати, а где же трудолюбивая миссис Ченгаппа?

И я понимаю, что вчера, видимо, произошла стычка между дочерью и матерью.

— В Меркару? — удивляется Према. — Что ей там понадобилось? Эй! — вдруг громко кричит она. — Эй!

Я знаю, что слово «эй» относится к слугам, любому из них, который окажется поблизости. Имен их она не помнит. В этом нет для нее необходимости. Появляется старый слуга лет шестидесяти. Он с трудом переставляет ревматические ноги.

— Подай пепельницу! — приказывает Према. Пепельница стоит тут же, рядом, нужно только протянуть руку. Но Према не желает ее протягивать.

— Эй! — снова кричит она. Входит тот же слуга.

— Подай виски! — приказывает молодая хозяйка. Бутылка стоит на журнальном столике на расстоянии шага. Но Према не хочет делать этого шага.

Сигареты и виски. Это не для кургской женщины. Но Према себя к ним и не относит. Она соприкоснулась уже с другим миром, с тем, что лежит далеко, за океаном. Она считает себя частицей этого мира. Она проучилась целый год в колледже в Филадельфии. Из Филадельфии она привезла рассказы об особняках американских миллионеров, набор мини-юбок и привычку к сигаретам и виски. Диплома она оттуда не привезла. Заниматься было слишком скучно. Если бы можно было крикнуть старому слуге:

— Эй, подай диплом!

Но слуга этого подать не может. И диплома нет, а есть тягучие праздные дни. И эти дни надо убивать чтобы дожить до вечера, когда

можно будет «встряхнуться» в английском клубе.

— Скучно мне, — говорит Према. — Скучно, понимаете? Можно что-нибудь сделать, как вы думаете?

Я не знаю, что можно сделать, потому что мне не бывает скучно. Према разочарованно смотрит на меня.

— У тебя есть какое-нибудь желание? — спрашиваю я. — Самое большое?

Према на минуту задумывается.

— Конечно, есть, — уверенно говорит она. — Белый «роллс-ройс». Весь обтекаемый и стремительный. Представьте себе, я мчусь на такой машине по этой скучной деревне — Кургу.

Я представляю. Мне это не трудно сделать. Я уже видела такое. Только был не белый «роллс-ройс», а голубая японская «тайота». И Према за рулем этой машины. Машина неслась на предельной скорости по шоссе, и я успела увидеть только упрямо сжатые губы и глаза. Их выражение я помню до сих пор. Я думаю, что такие глаза бывают у пулеметчиков, нажимающих на гашетку. Только в руках у Премы была не гашетка, а баранка. Но это было уже неважно. Она «простреливала» «тайотой» скучный и ненавистный Кург. Она сводила с ним какие-то счета. Она мстила ему этой стреляющей скоростью.

— Выбью из миссис Ченгаппы эту машину. Вот увидите! — и непреклонно вздергивает голову.

— Према! Ты расслаиваешься здесь, а я должен с утра загорать на плантации?

Это Кумар. Старший брат. Первенец миссис Ченгаппы. Единственный из троих, кто кончил колледж. Единственный из них, кто может встать с утра и отправиться на плантацию. Там он садится в кресло около сушильни и потягивает пиво из бутылок, стоящих на бетонном помосте. Когда ему кажется, что рабочие двигаются не так, как ему хочется, он кричит на них. Потом ему это надоедает и он отправляется домой. Он — единственная надежда своей матери. Чем-то близкий ей человек. Остальные чужие.

— Бедный мальчик, — жалеет его Ниламма. — Он с утра работает на плантации. А эти все еще спят.

Эти — мистер Ченгаппа, Кетту и Према. Эти предпочитают пить пиво в зале, а не у сушильни. Какая-то невидимая линия фронта делит семью на два лагеря. С одной стороны, мать и Кумар, с другой — отец

и Према с Кетту. Я почувствовала эту «огневую линию» в первые дни, но не сразу смогла понять, в чем ее смысл. Сначала мне показалось, что это конфликт между стяжателем и теми, кто равнодушен к деньгам и не утруждает себя их добычей. Потом я поняла, что ошиблась. Ни Кетту, ни Према, ни Кумар не были равнодушны к деньгам. Они их любили. За обеденным столом велись нескончаемые разговоры о деньгах. Из них я узнала, что у всех троих лежит по триста тысяч рупий на счету. Это «заначка». Я выяснила, что вопрос о наследстве еще окончательно не решен, и это их очень волнует. Каждый из них в этой скрытой борьбе сделал свою ставку. Кумар — на мать, так как считает, что, распоряжаясь полновластно плантацией, она сумеет обеспечить его лучше других. Према и Кетту поставили на отца. Ибо юридические права на его стороне. Но всем им нужны деньги, много денег. Деньги тут же, в их отчем доме, и их нельзя выпустить из рук. Труд, который лежал в изначальном моменте возникновения этих денег — не для детей Ченгаппы. Им он уже не нужен.

В этом кургском имении возник конфликт, между стяжательством и потребительством. Старый извечный конфликт. Здесь он происходил между первым поколением кургской буржуазии, заложившей своим трудом состояние, и их потомками, для которых этот труд потерял смысл. Последние уже родились в богатых домах, наполненных слугами и комфортом. Все им было дано от рождения. Они знают только огромную плантацию со множеством рабочих. Тех рабочих, которые трудятся целый изнурительный день, чтобы Према могла нежиться до двенадцати часов дня в мягкой постели, чтобы Кетту мог ездить на «остине». Им, детям Ченгаппы, бог судил только одно занятие — тратить, не считая деньги. Но и такое занятие иногда становится для них скучным...

Думала ли Ниламма, что своим трудом она породит такое? Наверное, нет. Ибо породила она это своим стяжательством. И стяжательство, нарушая природу человека, мстит породившему его. Понимает ли это Ниламма? Возможно. Но не хочет себе признаться. Такое признание будет страшным. Оно может привести к катастрофе. Этого допустить нельзя. Главное, думает она, не останавливаться. И работать, работать... Но уже не так, как она делала двадцать лет назад. А вот так.

Серое дождливое утро. Зябко и промозгло. Рваные клочья тумана, похожие на грязную вату, придают земле неопрятный вид. Джип подпрыгивает на размытой дороге, но Ниламма к этому привыкла и не обращает внимания. На ней все те же мужские резиновые сапоги, потертое пальто и простой ситцевый платок, завязанный под подбородком. Вдоль дороги меж деревьев тянутся бесконечные ряды кустов кофе. Первосортного дорогого кофе, идущего на экспорт. Ниламма зорко посматривает на этот кофе, как полководец, делающий смотр своему войску. Внутренне она уже приготовилась к бою. К бою с вражеским войском. Но — не растений, а людей. Это «войско» располагается в четырех каменных бараках, поделенных на темные каморки. Двери каморок завешаны мешковиной. Ниламма поднимается на лестницу конторы своего командного пункта и начинает ждать. «Войско» появляется в серой сетке дождя, растянувшись унылой цепочкой между кустами кофе. Не начав воевать, это «войско» уже побеждено. Но полководец их ждет, чтобы еще раз напомнить им об этом. Цепочка обреченно приближается к конторе. Ниламма нетерпеливо постукивает носком сапога о деревянную ступеньку. Ей кажется, что рабочие идут не так быстро, как ей хотелось бы. Но «военных действий» еще не открывает. Она ждет их, этих мужчин, женщин и детей. Они идут, устало опустив; руки, не отдохнувшие за ночь. Их ветхая одежда промокла под дождем, босые ноги безучастно ступают по лужам на грязной дороге.

Ниламма, как опытный стратег, ведет счет силам «противника». Надсмотрщик в тяжелых ботинках, зеленых шортах и грубошерстном свитере, обтягивающем толстый живот, подает ей конторскую книгу. В книге список всех ста пятидесяти, работающих на плантации. Теперь они стоят перед ней.

— Абрахам! — выкрикивает она своим хриловатым голосом.

— Есть.

— Бхупеш!

— Есть!

Каждый получает свою долю выволочки. Ниламма знает, как работал каждый из них вчера. По ее мнению, большинство работали плохо. Сегодня надо заставить работать их лучше. И она начинает «обстрел». Ее слова, как пули, бьют без промаха. Шеренга понуро

стоит перед ней под унылым холодным дождем. Надсмотрщик предусмотрительно держит зонтик над головой хозяйки.

— Все! — кричит Ниламма. — Идите работать!

Но люди не двигаются с места. Ниламма сразу понимает, что разбитая и побежденная армия готовится перейти в контратаку. Но, опытный полководец, она знает, как с этим справиться. Главное — не давать «противнику» времени. И она первой бросается в атаку.

— Вы что стоите! — кричит она. — Не хотите работать?

Молодой парень в изодранной рубаше делает шаг вперед.

— Госпожа! — говорит он. — Нам не дали зарплату в прошлую субботу.

— А сегодня что? Суббота? — хозяйский голос снова срывается на крик.

— Нет, — робко отвечает парень. — Не суббота.

— Тогда марш на работу, а о деньгах будем говорить в субботу! — и делает какую-то пометку в книге.

Говоривший о зарплате знает, что это за пометка. Теперь он будет уволен при первом удобном случае. Парень безнадежно машет рукой и возвращается в строй. Контратака захлебнулась. Но люди почему-то продолжают оставаться на месте, явно что-то замышляя. На это тоже нельзя давать времени. Нилама делает знак рукой надсмотрщику и шоферу джипа. Как спущенные с поводка гончие, они врзаются в толпу. Рабочие стараются уклониться от ударов и толчков. Но надсмотрщик ловко орудует длинной бамбуковой палкой.

— Идите, идите! Не стойте!

Вереница усталых людей с темными лицами нехотя тянется под дождем туда, где под клочьями тумана скрываются бесконечные ряды кофейных кустов. Ниламма на джипе догоняет их, останавливает машину и внимательно смотрит на лица проходящих мимо. На лица и глаза. Она изучает их. Глаза эти разные. Равнодушные и укоряющие, ненавидящие и печальные. В одних застыла боль, в других — глубина безнадежности. Глаза, в которых таится злоба, и глаза, в которых живут беспомощность и отчаяние. Обычные человеческие глаза, и в них отражается свое бремя. Но Ниламма не видит и не хочет видеть этого бремени. Оно ей чуждо. Оно не ее. Ее пугают только ненависть и злоба. Ей хочется, чтобы таких глаз было меньше. Пропустив рабочих, Ниламма дает знак шоферу двигаться дальше. Джип медленно, акр за

акром объезжает плантацию. Работы на ней уже в разгаре. Идет порубка деревьев, которые разрослись и не пропускают солнце к кофейным кустам. Мужчины карабкаются по мокрым, скользким стволам и, цепляясь за ветви, рубят их тяжелыми тесками. Ветви с шумом падают вниз. Они тяжелы и неудобны. Женщины в мокрых сари подбирают их и выносят на расчищенную тропинку. Тащить эти ветви трудно, и по лицам женщин течет пот, смешанный с дождем. Над работающими вьется рой мух, похожих на слепней. Но они уже не обращают внимания на этих липнущих мух. Ниламма зорко следит, чтобы ветвями не испортили кусты кофе. За этим же следят и надсмотрщики. Когда она видит, что кусту грозит опасность, она начинает кричать. Ее крик не умолкает, и от этого в ушах рабочих стоит непрерывный звон. Девочка лет семнадцати с трудом тянет тяжелую разлапистую ветвь. Ветвь неосторожно задевает куст.

— Что ты делаешь? — кричит Ниламма. — Как ты, лентяйка, работаешь? За что я плачу тебе деньги? Чтобы ты портила кусты?

Девушка опускает ветвь. В ее глазах выражение беспомощности и незащитности. Эти глаза подхлестывают Ниламму.

— Да тащи, что ты стоишь? — голос ее срывается и переходит в хрип.

Но у девушки, видимо, не хватает для этого сил. Она упирается босыми ногами в скользкую землю, ее острые худые плечи напрягаются, и ветвь начинает медленно сползать с куста.

— Скорей! — подгоняет ее Ниламма. — Я вычту у тебя из зарплаты, если ты мне покалечишь куст! Бездельница! Лентяйка! Ты хочешь меня обмануть? Да тебе много и трех рупий, которые я тебе плачу!

Этой девочке, измотанной тяжелым трудом, много трех рупий потому, что ее сверстнице, праздно Преме, мало ее трехсот тысяч. Потому что ее Преме нужен белый «роллс-ройс». Им здесь всем, обливающимся потом и мокнущим под холодным дождем, много трех рупий потому, что Ченгаппам мало трех миллионов. Мало. И надо больше, больше!

Выиграв очередное «сражение» и закрепив выигрыш, она отправляется в имение отдохнуть и пообедать. Но гром «сражения» еще звучит в ее ушах, еще победно горят ее глаза. И она еще продолжает кричать. На каждого, кто попадется ей в этот миг на глаза

в обширном дворе с английским газоном. Слуги в этот момент прячутся, Ченгаппа запирается в зале с баром и, полагаясь на крепкий замок, открывает новую бутылку, дети расхватывают автомобили и мчатся по Кургу в разных направлениях. Но постепенно боевые трубы стихают, наступает мирная передышка, слуги и домочадцы покидают свои убежища. Ченгаппа бьет неверной рукой в обеденный гонг. И он звучит как отбой боевой тревоги. За столом она сидит безучастная и задумчивая. В ней происходит та внутренняя напряженная работа, которая обеспечит ей завтра новую победу...

Однажды в такой час во дворе появилась сухая старушка с живыми добрыми глазами. Я видела, как она сошла с проходящего автобуса. Это была мать Ниламмы. Старушка пробыла у Ченгаппов только один день. Внуки не удостоили ее вниманием, а мистер Ченгаппа даже не воспользовался ее присутствием, чтобы открыть новую бутылку. И только старый слуга обращался со старушкой трогательно и как-то очень бережно. Она посидела со всеми за столом, потом почитала журналы в большом зале и уселась в кресле около теннисного корта. Когда все разошлись по своим делам, она, зорко оглядев окрестности, сделала мне таинственный знак рукой. Я подошла.

— Ты здесь давно? — понизив голос, спросила она.

— Несколько дней.

Старушка бросила на меня сочувствующий взгляд и о чем-то надолго задумалась.

— Тебе здесь нравится? — вспомнила она наконец обо мне.

— Не очень, — ответила я осторожно. Старушка метнула в мою сторону пронизательный взгляд и улыбнулась.

— Слушай, — доверительно начала она. — Мне, например, здесь совсем не нравится. Все здесь не правится. Зачем им все это? И хотят еще больше. Все нервные, куда-то бегут. Даже с дочерью нельзя поговорить. На плантации была? — спросила она неожиданно.

— Была.

— Значит, все видела?

— Видела.

— Значит, все видела... — задумчиво повторила старушка. — Все, все видела. Я тоже это видела. — И, покачивая головой, сказала: — А ведь моя дочь была умной и доброй девочкой и подавала большие надежды. Как ты думаешь, почему так получилось?

Я стала что-то говорить, но старушка, видимо, уже не слушала. Тени каких-то мыслей пробежали по ее морщинистому лбу, а сухой рот был сжат упрямо и горестно.

...Иногда вечером Ниламма снова идет на плантацию. Она направляется прямо в сушильню. Там, на бетонных площадках, лежат бледноватые зерна кофе. Главный результат и главные трофеи ее побед. Она любовно и бережно перебирает рукой зерна, как будто что не зерна, а драгоценные камни. В такие вечера она не кричит. Потом отходит к костру, садится около него и думает. В такие моменты хозяйских раздумий смолкают голоса рабочих в сушильне, люди двигаются осторожно и стараются не шуметь. Она сидит у костра и час, и два, не в силах оторваться то ли от игры огня, то ли от своих мыслей. Пламя то поднимается, то сникает. Оно мечется из стороны в сторону, и его блики скользят по резким чертам ее лица. Лица стареющей и несчастливой женщины.

Потомки рабов

Плантации, плантации... Крупные и мелкие. Доходные и убыточные. Плантации, требующие ухода и присмотра. Плантации, требующие тяжелого труда тысяч рабочих рук...

Сельскохозяйственные рабочие, или кули, стекаются на плантации Курга из разных мест: из Кералы, из Майсура, из Тамилнаду. Они — поденщики. Им платят две-три рупии в день за многие часы утомительной работы. Они живут в неудобных и густонаселенных бараках, построенных для них крупными плантаторами. В бараке не всегда разрешают поселить семью. За барак надо платить. Там, где нет бараков, кули ютятся в наспех сделанных глинобитных хижинах. Такие хижины разбросаны в Курге повсюду. Бараки и хижины — неотделимая принадлежность плантаций, и их обитатели, бедно одетые люди с натруженными руками, — тоже неотъемлемая принадлежность этих плантаций. У них своя жизнь, совсем не похожая на жизнь их хозяев. Так же как не похожи их поселки на обычные кургские деревни. Поселки, где стоят хижины плантационных кули, выглядят как чужеродные островки на кургской земле. У таких поселков нет связи с этой землей, и поэтому они производят впечатление чего-то временного и преходящего. Кули приходят в Кург, потом его покидают, отбывая в родные места. И лишь немногие из них задерживаются там надолго. По вечерам поселки светятся тусклыми огоньками керосиновых ламп. Огоньки быстро гаснут, так как обитатели глинобитных хижин ложатся рано спать. На рассвете им надо быть уже на ногах и поспеть вовремя на плантацию. Если вы попадёте в такой поселок после девяти часов вечера, вы никого не встретите на его пустынных кривых улочках. В лучшем случае вы сможете наткнуться на завернутого в рваное одеяло человека, спящего прямо на земле. На того, кому еще не нашлось места даже в убогой хижине.

Все эти поселки пришлых кули своим временным неустроенным бытом, своей безликостью, своей непричастностью к земле, на которой они стоят, похожи друг на друга и повторяют друг друга. Они так и не приобрели своей окраски, своей отличающей их от других специфики. Мир наживы обесцветил их обитателей и их жизнь, навязав им удобный этому миру утилитарный и убогий стандарт.

Неожиданно среди этого удручающего однообразия я наткнулась на нечто такое, что заставило меня взглянуть по-иному на кули Курга. Те, о которых и хочу рассказать, тоже были кули и тоже работали на плантации. Они тоже жили в глинобитных хижинах, но в том, как эти хижины стояли, был какой-то свой традиционный порядок. И сами они выглядели и держались иначе, чем остальные.

Все произошло совершенно случайно. Был ясный декабрьский вечер, и в небе вошла голубая луна. Ее мягкий свет заливал рисовые поля, соседнюю плантацию и дальние склоны лесистых гор. Стояла та удивительная тишина, когда день со своими заботами уже отошел, а таинственная жизнь ночи еще не наступила. И вдруг раздался отчетливый и ритмичный бой барабана. Он возник так неожиданно и так «ниоткуда», что мне показалось, будто чьи-то невидимые руки бьют в туго натянутый голубой диск луны. Я остановилась и прислушалась. Но местность была пустынной, никто не появился на дороге, а барабан звучал все громче и призывней. Через какое-то время я поняла, что звук идет со стороны придорожной рощи. Той рощи, которая сливалась в призрачном лунном свете с лесистым склоном стоявшей неподалеку горы и от этого делалась незаметной. Я направилась к роще и увидела огоньки между деревьями. Тянуло дымом, Через несколько шагов я наткнулась на глинобитную, крытую рисовой соломой хижину. Но в хижине никого не оказалось. Барабан бил где-то совсем близко, и вдруг в просветах между деревьями вспыхнуло и поднялось пламя. Раздалось пение. Я не слышала слов песни, но в ней, как и в барабанном бое, было что-то призывное и праздничное. Я наткнулась еще на несколько хижин и поняла, что попала то ли в деревню, то ли в поселок кули. На вытоптанной площадке между хижинами горел костер. Вокруг костра под барабан и песню двигались люди. Они танцевали. Их танец был плавный и размеренный, непохожий на резкие воинственные танцы кургов. Я остановилась под деревом, стараясь остаться незамеченной. Песня

была такой же плавной и размеренной, как и танец. Танцоры, освещенные огнем и луной, мягко взмахивали руками и, чуть сгибаясь в талии, осторожно и легко переступали с пятки на носок. Они плыли свободно и естественно. Что-то неуловимо знакомое было в движениях и облике этих людей. И я вспомнила освещенные луной джунгли и индийское племя панья, исполняющее свой ночной танец. Но одежда на этих танцорах была другая. Шорты и поношенные рубашки на мужчинах и простые темные сари на женщинах. В то же время они напоминали виденных мною панья. Темнокожие, с широкими носами и толстыми губами. У многих были кудрявые пышные волосы. И я определила: австралоиды. Так антропологи называли древнейший слой населения Индии. Слой, который уже исчезает, но все еще сохраняется в племенах Южной Индии.

В это время облезлая собачонка подошла к дереву и возмущенно уставилась на меня.

— Уходи, — сказала я ей шепотом.

Но она явно не хотела этого делать. Она лаяла и не отходила от меня. Она специально привлекала ко мне внимание. Она сообщала о своей неожиданной находке. Барабан замолчал, и согнутый старик с густыми кудрями седых волос направился к собаке. Сначала он не заметил меня, а потом остановился и стал пристально рассматривать.

— Здравствуйте, — сказала я.

Старик ничего не ответил, но потом растянул в улыбке беззубый рот.

— Я тебя знаю, — сказал он.

— Откуда? — удивилась я.

— Видел тебя на плантации вместе с хозяйкой. Будешь нашим гостем? — неуверенно спросил он.

— Буду, — подтвердила я.

Так я вошла в новый для меня и самый древний мир Курга. Деревня, в которую я попала лунным вечером, принадлежала людям, называвшим себя иерава. Они были плантационными кули, а называли себя так потому, что когда-то принадлежали к большому и древнему племени иерава. Племя исчезло, но осталось его имя и эти люди. Люди и имена. И не только иерава. В Курге были курумба, мале-кудия, холея, палея, калпа. Маленькие, темнокожие, толстогубые древние аборигены этих мест. Представители бывших лесных племен, еще не утративших

полностью всего того, что у них пытались отнять за многие века. С незапамятных времен они населяли леса Курга и соседнего Малабара. Одни были охотниками и собирателями, другие занимались подсечным земледелием. У них была своя родовая система и законы рода были священны для них. Роды имели своих прародительниц, и их таинственную силу чтили в каждой женщине-матери. Поэтому матерям принадлежало последнее и решающее слово в племени.

Они долбили деревянной мотыгой лесную землю, уходили с луком и стрелами охотиться и приносили из леса мед, коренья и дикие ягоды. Они строили хижины из бамбука и при помощи того же бамбука добывали огонь, который грел их холодными зимними ночами. Такими же ночами они пели и танцевали у Большого огня и били в барабаны, на которые натягивали шкуры убитых ими животных. Они знали много песен и еще больше сочиняли. В них они воспевали красоту своей земли и торжественность лунных ночей, животворную силу солнца и благодатную прозрачность текущей воды. В них они пели о своей любви, о мужестве и отваге.

Когда они умирали, родственники закапывали тела умерших в плодородную землю, а жрецы читали над ними заклинания. Живые верили, что души умерших взмахивали черными вороньими крыльями и уносились в лес, превращаясь в духов. В духов злых и добрых, как и сами люди.

Они поклонялись родовым и племенным богиням: Мариамме, Куттадамме, Карингали, Чамунди. Им они приносили в жертву животных, которых приручили и которыми дорожили: коз, свиней, петухов. В честь этих богинь они сооружали лесные святилища и ставили высокие гранитные камни. Они поклонялись духам леса и гор, рек и скал. Духам ушедших в другой мир предков. По праздникам они беседовали с богами и духами. Но не сами, а через пророков и оракулов. С помощью тех, в кого, они считали, вселяются эти высшие и невидимые существа. Пророки в такие моменты становились отрешенными и недоступными, как эти существа. В них пробуждались необъяснимые силы, и они освобождали их с помощью тайных благовоний и волшебных танцев, чары которых действовали и на богов, и на людей. Первых они заставляли «говорить», а последних впадать в благоговейное молчание.

Души этих людей были просты и безыскусственны. Они умели слушать, как растут деревья, о чем шумит камыш в речных заводях. Они знали язык птиц и считали сильных зверей своими родственниками. Они почитали солнце и луну, умели улавливать призрачный свет звезд и разгадывать его воздействие на людей. В те времена у них не было ни богатых, ни бедных. А были только сильные и слабые, знающие и незнающие. Они подчинялись своим вождям и жрецам и шли защищать свое племя, если нападал враг. Иногда они нападали сами, если для этого было основание. Сколько все это продолжалось, сказать трудно. Легенды остались в далеком прошлом, похожем на ранний сон. Настоящее сохранило только их обрывки, которые нельзя соединить воедино, как из обгоревших головешек нельзя воссоздать ствол, легший в огонь костра. Того костра, который называется Временем.

Когда появились в этих лесах и горах светлокожие пришельцы? Тоже трудно сказать. Может быть, сотни, а может быть, тысячи лет назад. Костер Времени сжег память о первых из них. Возможно, было время, когда те и другие жили рядом, не мешая друг другу. Два разных мира, две разные расы. Но земля у тех и других была одна и та же. Двух разных земель в Курге не было. Это и решило многое, что произошло потом. Пришельцы называли себя чужим именем «кодава». Сначала земли хватало на всех. Но у кодава происходили какие-то странные перемены. И перемены эти требовали все больше земли. Земельный спор решился в пользу сильных. В пользу тех, у кого были мечи, быстроногие кони и дома, похожие на крепости. Темнокожих людей, что жили издавна на этой земле, оттеснили сначала в горы, туда, где было холодно и необжито. Кодава отнимали землю не только у лесных племен, но они воевали из-за этой земли друг с другом. У некоторых из них ее стало так много, что они сами были не в состоянии ее обработать. Им нужны были люди, которые бы сделали это за них. Но в Курге были только они, темнокожие аборигены и эти воинственные собиратели земель. Третьего никого не было. И это решило судьбу лесных племен. Их стали захватывать и превращать в рабов. В рабов, которые должны были обрабатывать поля кургов.

В литературе такой процесс называется «домашним рабством». Но название не меняет существа. Раб есть раб. Иерава, курумба, холея и

им подобных прикрепили к хозяевам, и они без разрешения не могли от них уйти. Кроме еды, они ничего не получали.

Рабов покупали и продавали. В XVII веке пара рабов в Курге стоила 42 рупии. В середине XIX века христианский миссионер Мёглинг писал, что холея и иерава «продаются и покупаются по цене ниже цены скота». Без разрешения хозяина раб ничего не мог сделать. Даже жениться. Для этого хозяин должен был купить ему жену по своему вкусу и усмотрению. По цене не более 13 рупий. Как правило, хозяин это делал. Ибо будущие дети — это будущие рабы. Вложенный в брачное предприятие капитал приносил доход. Престиж самостоятельного курга измерялся не только количеством земли, но и количеством рабов, которыми он владел. Наибольшее число рабов было у кургских раджей. Рабы были разные. Одни были прикреплены к земле и не продавались отдельно от этой земли. Но если продавалась земля, то рабы вместе с ней отходили к новому хозяину. Вторая категория принадлежала дому и семье. Этих можно было продавать отдельно.

К середине XIX века в Курге практически уже не сохранилось свободных лесных племен. Они были превращены в рабов. Остались только названия этих племен да обычаи, которые сохранили эти рабы какими-то усилиями.

Две культуры долгое время существовали рядом. Сначала в свободном состоянии, а потом на положении хозяина и раба. Но и это положение предполагало их тесный контакт, потому что и те и другие были немногочисленны и потому что территория, на которой все это происходило, была мала. Две расы существовали рядом. Светлокожие европеоиды и темнокожие австралоиды. Одни земледельцы, другие в основном охотники и собиратели. Какая-то разница в уровнях их культур была. Но эта разница касалась в основном материальной стороны, духовные же миры их чем-то напоминали один другой. И поэтому ни один из них не подавил другой. Они взаимовлияли и взаимопроникали. Эти процессы формировали и шлифовали духовный мир тех и других. Хозяева присоединили богов своих рабов к своему пантеону, их духов — к своим духам. В какой-то мере это делалось сознательно: материальное господство должно быть освящено духовным. Кургские жрецы пришли в лесные святилища и объявили их своими. Они стали воздвигать в честь лесных богинь привычный

им вертикальный камень. Они делали то, что позже сделают брамины, проникшие в кургские храмы. Те и другие совершали это во имя «идеологического господства». Светлокожие жрецы научились «дьявольским» танцам и «разговорам с богами». Возможно, что-то подобное они уже делали и до этого.

С другой стороны, рабы и их жрецы принимали участие в празднествах кургов, видели, как те поклонялись реке Кавери, входили в тонкости кургского ритуала. Со временем возникло то общее в верованиях и мировоззрении хозяев и рабов, что крайне усложнило духовный мир Кургга в целом, населило его множеством разнообразных богов и духов и затруднило представление об изначальной религии и мировоззрении хозяев и рабов. Так покоренные темнокожие аборигены внесли свой вклад в духовный багаж светлокожих покорителей, значительно расширив и обогатив его.

Официально рабство в Курге продолжалось до конца XIX века, то есть до того момента, когда английские завоеватели стали закладывать там первые кофейные плантации. Рабство стало невыгодным новым хозяевам и новым отношениям, которые пришли на смену старым. Англичан больше устраивал труд батраков и сельскохозяйственных рабочих. «Освобожденные» постепенно становились ими. Но только постепенно. Рабство в его пережиточной форме продержалось в Курге еще долго, вплоть до нашего века, а в некоторых местах и до недавних дней. Все, что пронеслось над маленькой горной страной, а затем и утвердилось в ней, сначала разрушило племенную и родовую организацию ее коренных обитателей, вырвало их из привычного образа жизни, затем бросило в рабство, а потом в бараки и хижины плантационных кули. Но как ни удивительно, до сих пор иерава и курумба, мале-кудия и холея, палея и калпа сохраняют своеобразие духовного мира, который отличает их от пришлых плантационных кули. И поэтому после тяжелого рабочего дня еще звучат их песни, их барабаны выбивают танцевальный ритм, а в лесах продолжают жить их боги и духи. Ну, а в остальном они не отличаются от других.

Каждое утро, в дождь и в жару они, потомки бывших рабов, как и их предки много лет назад, тянутся вереницами на поля и плантации Кургга. Они покорно идут работать на хозяев, потомков тех, кто когда-то поработил их. У них пока нет другого выхода. Их уделом остается бесконечный день, заполненный тяжелым трудом, жалкие три рупии и

грязные каморки в тесных, перенаселенных бараках. Они идут, опустив головы, стараясь избежать ястребиного взгляда плантатора или его надсмотрщика. Мужчины, женщины, старики, дети. Одно рабство сменилось другим. Тем, которое щедро предоставило в их распоряжение свободное капиталистическое предпринимательство в Курге. Но считают ли они, что ни им, ни их детям не вырваться из крепких многолетних пут этого рабства? Конечно, нет. Поэтому они вступают в профсоюзы, не опускают глаз перед всемогущим хозяином, их голоса, требующие человеческих условий, звучат в дружном хоре забастовщиков. Их дети начинают получать образование. И в детях их будущее. Не такое близкое, как хотелось бы, но тем не менее будущее. У них было прошлое, у них должно быть и будущее. Некоторые из них уже понимают, что оно зависит от них самих, а не от тех, кто дает им работу, разъезжает на автомобилях, проводит праздные вечера в английских клубах.

Предков надо кормить

Что бы вы сказали, если бы в один прекрасный день получили приглашение следующего содержания: «Миссис и мистер Бопайя просят разделить с ними компанию и оказать им честь своим присутствием на церемонии кормления духов предков. Церемония состоится 7 июня 1970 года в доме предков окки Батанда, Кадиятур, Кург». Вы бы, наверное, решили, что вас разыгрывают или мистифицируют. Признаюсь, что такая мысль пришла мне в голову, когда меркарский почтальон вручил мне конверт с вышепротитированным приглашением. Я держала в руках плотный квадрат глянцевитой бумаги и перечитывала текст приглашения, отпечатанный в типографии Меркары. Но от того, что я сделала это уже несколько раз, текст приглашения не менялся. «На церемонии кормления духов предков...» — по-прежнему упрямо оставалось в нем. Но я вспомнила, что нахожусь не где-либо, а в Курге, и, значит, все это вполне серьезно — и это приглашение, и типографские буквы, и слова о духах предков, которых необходимо покормить. Я без колебаний приняла приглашение, о чем по телефону и известила миссис и мистера Бопайю (правда, с духами их предков таким путем я связаться не могла, и поэтому им оставалось смириться с неожиданностью моего появления в их доме).

За время своего пребывания в Курге я уже привыкла к духам предков и даже как-то привязалась к ним. В наших отношениях появилось что-то родственное. Привыкла я к ним быстро и безболезненно. Мой предыдущий опыт помог мне в этом. Ведь до этого я имела немало дел со всевозможными духами, пророками, оракулами, волшебниками и даже богинями. С одной из них, проживающей в племени гадаба в Ориссе, я даже находилась какое-то время в конфликте. Потом конфликт был разрешен в мою пользу. И я этим очень гордилась. Приглашение на глянцевой бумаге предоставляло мне возможность обогатить мой прошлый

«потусторонний опыт» еще одним важным приобретением — участием в благотворительной кампании, направленной на поддержание брэнного существования духов кургских предков.

И вот в одно прекрасное, но дождливое утро автомобиль мистера Бопайи остановился под моими окнами. Мы отправились в путь в деревню Кадиятур, которая находилась в 120 милях от Меркары. В этой деревне и был расположен дом предков окки Батанды. Той окки, члены которой помнили до сих пор своего первого предка. Предок назывался Айяппа и появился на свет при довольно трагических обстоятельствах.

Еще в XVIII веке правитель Майсура Типу Султан предпринял ряд набегов на Кург. Курги сопротивлялись мусульманскому завоевателю, и многие из них погибли в этой неравной борьбе. Солдаты Типу по его приказу вырезали и уничтожали семьи тех, кто дрался против него. Так погибла мятежная окка Батанда. Из нескольких сот человек случайно уцелела только одна женщина. Женщина была беременна. Укрываясь в лесу от преследователей, она и родила там сына, которого назвала в честь бога охоты Айяппой. Она считала, что этот бог в отличие от людей предоставил ей убежище и сохранил жизнь ее сына.

Мать с ребенком на руках долго скиталась по лесам Курга. И только тогда, когда армия Типу Султана покинула ее родные места, она вышла к людям. Мальчик вырос и превратился в сильного мужчину-воина. Он заново отстроил сожженный врагами дом предков и привел туда молодую жену. Так окка Батанда благодаря Айяппе обрела вторую жизнь. И поэтому Айяппа занял самое почетное место среди духов более поздних предков. Когда я узнала обо всем этом, то не пожалела, что приняла приглашение. Познакомиться с таким прекрасным и мужественным духом, как Айяппа, было лестно.

Мы приехали, когда вся окка была уже в сборе. Курги сидели на деревянных скамьях в центральном зале. Мужчины в ожидании церемонии читали газеты и журналы. Женщины готовили еду предкам. Они делали это на глиняном очаге, расположенном в зале напротив канникомбре — комнаты духов предков. Синий дым плыл по залу и оседал копотью на деревянных колоннах, поддерживающих крышу. Сверху, через отверстие в крыше, капал дождь и наполнял водой «колодец» — тотти. Подвешенная на медных цепях горела священная масляная лампа, зажженная в честь предков. Только эта лампа да

неверный свет дождливого дня, проникавший через отверстие в крыше, освещали зал. Поэтому в нем было сумрачно, но для чтения газет света хватало. Большинство читавших газеты были в хороших европейских костюмах и только несколько из них постарше были одеты в кургские купья.

Мистер Соманна и мистер Апанна, оба адвокаты и плантаторы, кончив чтение, обсуждали последние политические новости. Гости продолжали прибывать. Они входили в зал, сгибались перед старшими, касаясь кончиками пальцев их ступней. Женщины хлопотали около двух больших медных чанов, стоявших на очаге. Там варился рис и тушилось карри из мяса дикого кабана. По залу плыли соблазнительные запахи, и тихо разговаривавшие люди время от времени бросали взгляды на медные чаны. Я ничего не могла сказать о духах предков, но живые явно хотели есть. Я вышла на веранду. Там перед входом висели оленьи рога и рога диких буйволов. На мощеном дворе прогуливались длинные черные свиньи и время от времени вступали в сражение с бродившими поблизости собаками.

Наконец наступил торжественный момент. Мужчины отложили свои газеты и разложили на скамьях зала банановые листья и листья хлебного дерева. Под священной лампой поставили блюдо с дымящимся рисом и карри. В чашечки, сделанные из листьев хлебного дерева, налили коньяк.

— Почему коньяк? — спросила я мистера Соманну.

— Но мы же должны оказать уважение нашим предкам, — ответил он. — Не поить же их арракой или тодди. Эти напитки только для кули.

Мне сразу все стало ясно. Духи предков плантаторов пьют коньяк, для духов предков кули достаточно мутной арраки. У духов предков все обстояло так же, как и у живых.

Второе блюдо с дымящимся рисом и коньяк поставили в комнату, где обитали все духи предков. Кормление началось. Старший в окке, а им был мистер Апанна, сделал знак всем. Мужчины выстроились перед священной лампой с одной стороны, женщины — с другой. Мистер Апанна оказался ближе всех к священной лампе. Он сложил руки в пранаме и, не отрывая глаз от огонька лампы, глуховатым голосом начал:

Мандалинад, Налакнад,
Кыгаднад, Маренад!
По обычаю кургов,
Мы собрались вместе.
Вместе мы молимся
Нашим предкам.
Вместе мы кормим их.
Если мы сделали
Что-то неправильно,
Пусть предки простят нас.
Благословите, предки,
Нашу окку,
Благословите, предки,
Наших дочерей, которых
Мы отдали замуж.
Охраните нас и их.
Сегодня мы все
Вас приветствуем.

— Вас приветствуем! — отозвались остальные. После этих слов в доме воцарилась тишина. Теперь было слышно, как во дворе началась очередная баталия между черными свиньями и собаками.

— Да уймите же вы их! — рассердился Апанна. — Сколько можно это терпеть?

— Кого? — раздался вдруг голос. — Кого унять? Предков? Но они ведут себя тихо. Тихо, тихо. Совсем тихо.

На пороге стоял мистер Мутанна. Он появился, видимо, только что и опоздал на общую молитву. Но это, судя по веселому выражению его лица, нисколько его не огорчило. Он стоял в дверном проеме, но проем почему-то в этот раз оказался для него узким, и мистер Мутанна пробивал плечом то правый его угол, то левый.

— Тихо, тихо, — повторил он и хихикнул.

— Я тебе покажу предков! — взорвался пришедший в себя Апанна. — Я тебе покажу «тихо»!

Мутанна, наконец, оторвался от двери и, протягивая в родственном приветствии руки, устремился к Апанне. Вокруг засмеялись.

— Позор! — крикнул Апанна. — Такого еще не было.

— Н-не позор, — наставительно сказал Мутанна, подняв палец. — Н-не позор. А ром. Очень хороший ром в честь наших предков. Наших далеких и любимых предков. Ведь они жили... Да-да, жили... Тысячу лет назад. А Айяппа и т-того больше, две тысячи. Вот!

Мутанну оттеснили к одной из комнат, втолкнули в нее и закрыли дверь.

Апанна, успокоившись, взял блюдо, поданное ему женщинами, и направился к выходу. Все остальные последовали за ним.

Дождь усилился, и процессия шла под зонтиками. Ведомые Апанной, мы приблизились к полю предков, где все сняли обувь. Мы вступили в священные пределы. Шлепая босыми ногами по размытой почве, славные потомки Айяппы, врачи и адвокаты, плантаторы и чиновники направились к каймаде, которая стояла в центре поля предков. Рядом находилась могила главного предка — Айяппы. Над алтарем-каймадой, похожим на ступенчатую пирамидку, был сооружен деревянный павильон с длинными скамьями. Вся окка разместилась на этих скамьях. В алтаре горела масляная лампа, и перед этой лампой Апанна поставил блюдо с едой, бутылку коньяку, бутылку рома и пустой стакан. Духи предков могли начинать пир с обильным возлиянием. Показывая свою прямую причастность к этому пиру, мужчины по очереди проходили перед лампой, протягивая ладони к ее огню. И снова Апанна прочел перед алтарем ту молитву, которую он читал в доме. Только теперь она начиналась словами: «Мы собрались в каймаде». Вся окка, вытянувшись в цепочку, в торжественном молчании трижды обошла алтарь. Правда, Апанна вел себя несколько нервно и время от времени поглядывал на тропинку, идущую через поле к дому. Он боялся, что на ней может возникнуть фигура пьяного и поэтому мятежного Мутанны. Но этого не случилось. Члены окки побросали на алтарь зерна риса и вновь чинно расселись на скамьях вокруг алтаря. Они сидели молча, время от времени бросая выразительные взгляды на бутылки, стоявшие у алтаря. Наконец Апанна сделал знак, и потомки отобрали у предков коньяк и ром и выпили за здоровье их духов. Предкам досталось всего три блюда с рисом, одобренным душистым карри. Зато потомки себя в еде не ограничивали. Они быстро управились с содержимым двух медных чанов. В этом, видимо, и заключается разница между предком и потомком, между здоровым телом и... духом.

Потом, когда я получала приглашения на глянцевой бумаге, я не удивлялась. Я знала, как надо кормить духов предков, особенно, если они из Кургa.

Двенадцать кусков золота

На землю спустились сумерки. Они окутали сиреневой дымком дорогу, рисовое поле, примыкавшее к ней, тропинку через поле и лес, темневший за свежей зеленью поля. Сиреневые блики легли вокруг и придали всему что-то неустойчивое, почти прозрачное. Затем сиреневый цвет стал быстро меркнуть и наступила темнота. Неожиданно в этой темноте, в стороне рисового поля возник огонек. Он двигался, рассеивая небольшой участок темноты вокруг себя. Он явно приближался к дороге, и я остановилась, ожидая, что будет дальше. Очертания огонька сначала были неясными, но потом я поняла, что это факел. Кто-то шел с факелом через поле. Кто — я еще не знала. Я боялась, что факел исчезнет, не достигнув дороги, и я так и не узнаю, зачем его несли. Но ничего подобного не случилось.

Факел все приближался, и через некоторое время я увидела, что его нес мальчик. За мальчиком из темноты вынырнула фигура мужчины в белой купье с длинными рукавами. Купья была перетянута красным кушаком — челе. За кушаком поблескивали традиционные кургские ножи пичекатти и одикатти. Следом за мужчиной в белой купье появилось еще несколько человек. Но они были в обычных черных одеждах. Они, тихо переговариваясь, ступили на дорогу, на которой стояла я. Во всей этой группе с факелом было что-то праздничное и торжественное. Они пересекли дорогу и направились к дальнему лесу, за которым, я знала, стояло несколько деревенских домиков. Огонек факела еще долго блуждал между дорогой и лесом, но, наконец, исчез и больше не появлялся. Так первый раз я увидела часть кургской свадьбы. Простой крестьянской свадьбы, без шумихи и помпы, без музыкантов и автомобилей. Мужчина в белой купье был женихом, которого сопровождали друзья и родственники в дом его невесты. Белая купья и факел, которым мальчик освещал дорогу, были единственными предметами, указывавшими на торжественность совершаемого.

Свадьбы, свадьбы... Они — неотъемлемая часть июньского дождливого сезона в Курге. Они очень разные: от скромной крестьянской до пышной плантаторской. Но они и очень одинаковые. Одинаковые по строгому старинному ритуалу и по тому содержанию, которое курги в него вкладывают. Я видела и те и другие. Но никогда в свадебном ритуале не было отступления от традиции, не было вольного ее толкования.

На кургскую свадьбу я попала на третий день после моего приезда в эту интересную и гостеприимную страну. Свадьба имела свои сложности. Она длилась два дня и происходила сразу в двух домах. Оба дома были богаты и знамениты. Невеста, Рену Кариappa, принадлежала окке Мадапанда, а жених Нанайя был из окки Натоланда. Дома их предков находились неподалеку от Меркары. Короче говоря, у жениха и невесты было все, чтобы свадьба прошла на высшем уровне кургской традиции. Главная свадебная церемония должна была состояться в доме невесты. Но накануне в том и другом доме проходили не менее важные ритуалы.

Так случилось, что я оказалась гостем сначала в окке Натоланда, которой принадлежал добротный каменный дом на окраине Меркары. Окка была очень пестрая по своему составу, но большинство ее семей были зажиточными. В ней были плантаторы и адвокаты, офицеры и бизнесмены, учителя и чиновники, мелкие лавочники и крестьяне. Когда я появилась, то все они сидели на деревянных скамьях в центральном зале. Отдельно мужчины, отдельно женщины. В зале горела священная лампа. В ее свете я могла разглядеть этот старинный традиционный Кург, так неожиданно представший моему взору. Мужчины в черных купья с ножами-кинжалами за расшитыми золотом красными поясами, женщины в сари, повязанными на кургский манер, в блузках со стоячими воротниками и длинными рукавами. В первый момент мне показалось, что я на Кавказе. Потом это впечатление долго не проходило.

Нанайя сидел в своей комнате, отделенный от всех родственников и гостей. Это был высокий юноша с тонкими чертами лица, одетый в белую свадебную купью.

Перед домом играл оркестр. Звуки барабанов и длинных медных труб доносились сюда со двора. Сидевшие в центральном зале были молчаливо-торжественны, и это как-то не вязалось с веселой

свадебной музыкой. По знаку старшего Нанайя вышел в центральный зал и стал, повернувшись лицом к священной лампе. Таким образом он извещал предков о том, что женится. После того, как предки были извещены, Нанайя обошел по очереди старших родственников и коснулся трижды ладонями ступней ног каждого. Родственники дали жениху свое благословение. В конце церемонии мать Нанайи, высокая худая женщина, надела на шею сына золотую цепочку. Теперь Нанайя был почти готов, чтобы отправиться в дом к невесте. Я говорю «почти», потому что это была только церемония «карикмурипа». А завтра ему предстоял еще один ритуал, который назывался «мухурта», что буквально значит «подарки».

Когда церемония кончилась, родственники и гости оживились. Предстоял свадебный пир. Пир начали женщины, а мужчины терпеливо и вежливо ждали своей очереди. За длинным пиршественным столом главной была мать Нанайи. Она всем распоряжалась и она дала команду начинать пир. Из медных котлов на разложенные на столе банановые листья клали рис и поливали его восхитительно пахнущим карри из кабаньего мяса.

Этот пир для меня чуть не кончился трагически. Дело в том, что сначала я была приглашена за стол к женщинам. А потом — к мужчинам. Мужчин очень интересовала проблема происхождения кургов и они очень хотели знать, откуда они сами. Поэтому у меня в один вечер было два пира. Мне казалось, что до третьего, завтрашнего, я уже не доживу. К своему удивлению, на следующий день я еще могла передвигаться. Однако в этот день возникли затруднения иного порядка. Главная церемония должна была происходить в обоих домах одновременно. Мне предстояло сделать выбор. И я выбрала дом невесты.

Окка Мадапанда оказалась более многочисленной, чем Натоланда. Уже с утра во дворе дома собралось человек двести, не меньше. На одних были дорогие шерстяные купья и сверкающие золотой каймой белые тюрбаны, на других — простые купья и красные традиционные косынки. Я поняла, что члены этой окки такие же разные, как и предыдущей. Одни приезжали на своих автомобилях, другие приходили пешком. Но в конечном счете все они были кургами, и тот, кто был одет попроще и не имел автомобиля, держал себя с той же независимостью и достоинством, как и другие. Тут же во дворе играл

свадебный оркестр. Барабан, флейта и медные изогнутые трубы. Музыканты, легко одетые, мерзли и время от времени грелись у разложенного тут же костра. Над окрестными горами стояли темные дождевые тучи и дул пронзительный холодный ветер. Гости все прибывали, и отец невесты, дородный мистер Кариappa, встречал каждого из них. Многие сразу проходили в дом, стараясь укрыться от пронизывающего ветра. И как ни странно, центральный зал дома вместил всех.

Здесь все было уже готово для церемонии. Перед священной лампой стоял трехногий стул, рядом лежал раскрытый чемодан, предназначенный для подарков. Появились четыре курга с медными барабанчиками, похожими по форме на песочные часы, и затянули свадебную песню. Я не привожу ее здесь, потому что в песне в поэтической форме описана та церемония, о которой я расскажу в прозе. Церемония началась с появления невесты. Впереди невесты шли девочки со светильниками, позади ее — старшая женщина. Невеста, тоненькая, сама похожая на девочку, смущенно оглядывала всех присутствующих и, видимо, очень робела. На ней было свадебное красное сари, золотые украшения, на голову наброшен красный платок. Невеста села на трехногий стул, а рядом с ней расположился самый лучший и самый уважаемый для нее человек — дядя, брат ее матери. Дядя покрутил черные как смоль усы и обвел победным взглядом присутствующих. Все были на месте, можно было начинать. Около невесты поставили блюдо с зернами риса и серебряный чайничек с молоком. Миссис Кариappa, подвижная и очень моложавая, первой подошла к дочери и надела на ее запястья черные стеклянные браслеты, символ замужества. Благословив дочь, она стала рядом с братом. Теперь настала очередь женщин — ближайших родственников. Подходя к невесте, они снимали обувь и, зачерпнув горсть риса из блюда, сыпали его на голову, плечи и колени Рену. Потом поили невесту молоком из серебряного чайника. Они клали перед ней подарки: вещи, украшения, конверты с деньгами. Перед каждой из них Рену сгибалась и касалась ладонями их ступней. Остальные женщины, уже не близкие родственницы, образовали длинную очередь, в которой царили молчание и порядок. Они сыпали рис только на голову невесте, но подарки клали тоже. Чемодан постепенно наполнялся. Его унесли и

принесли другой, пустой. Первый раз в своей жизни я видела, какую ощутительную пользу могут принести родственники...

После женщин настал час для мужчин. Первым в этой мужской очереди был сам мистер Кариappa. Он выполнил все с присущей ему солидностью и серьезностью. В таком же состоянии духа находились и остальные. От этого церемония выглядела торжественной и впечатляющей. Молчаливая очередь воинов в черных одеждах, с оружием, выстроившихся, чтобы оказать свое уважение и почтение девочке в красном сари, которая сегодня покидала свой дом предков и свою окку. Каждый выполнял старательно и аккуратно свой ритуальный долг. Но за этим ритуалом стояло нечто большее. Сейчас они все представляли единую большую семью, единый клан. Свадебная церемония вернула их к этому уже утраченному единству и они, видимо, чувствовали и понимали это. Они шли один за другим бесконечной чередой, и никто из них не позволил себе ни засмеяться, ни пошутить. Рисовые зерна сыпались на голову невесты, скатывались по ее плечам и устилали пол около ее ног. Последним к невесте подошел ее дядя — «лучший человек».

Церемония кончилась и начался пир. Пир и ожидание жениха. Мне же в тот день повезло. Появился запыхавшийся мистер Соманна и сообщил, что церемония в доме жениха только начинается и я могу успеть кое-что увидеть. И действительно, я видела, как мать Нанайи надела на сына расшитый золотом кушак — челе, как подала ему блюдо с рисовыми зернами, на котором лежало оружие — пичекатти и одикатти. И то, что оружие лежало на рисовых зернах, тоже было символичным. Этот символ напоминал о немирных временах старинного Курга, о необходимости этим оружием защищать свою землю и то, что на этой земле растет. Традиция продолжалась, хотя и утратила свою прежнюю суть. Потом Нанайе вручили жениховский жезл, с которым он должен был отправиться в дом невесты. Процессия жениха достигла дома мистера Кариappa уже после захода солнца. Она возвестила о себе боем барабанов и хриплыми звуками медных труб. Процессия выглядела внушительно. Впереди шли женщины, которые несли на головах корзины с подарками невесте. Подарки были традиционными: рис, бананы, кокосы, листья бетеля. За женщинами шел сам Нанайя с жезлом. Над ним держали белый зонтик. Затем следовали бесчисленные члены окки Натоланда. Процессия

остановилась перед домом Кариаппы, там, где в землю были врыты пять стволов банановых деревьев. Но дом невесты безмолвствовал, никто не вышел навстречу гостям. Казалось, что этот каменный, похожий на крепость дом, затаился и приготовился к осаде. Окка Натоланда, выстроившись перед банановыми стволами и образовав боевое каре, была полна решимости начать эту осаду. Теперь били только барабаны, как будто возвещали тем, кто был в осажденном доме, о готовящемся на них наступлении. Но вот в барабанный бой ворвался тревожный звук боевых труб. Он шел со стороны осажденного дома. «Противник» принял вызов.

И под эти звуки из дома вышли два человека. Отец невесты и «лучший человек». Они пересекли двор твердой, негнущейся походкой воинов и приблизились к осаждающим. Они остановились перед процессией, замкнутые и отчужденные, как парламентарии. Мужчины окки Натоланда, перестроив свои боевые порядки, оттеснили женщин и молчаливо следили за прибывшими.

Замолкли боевые трубы и прекратился барабанный бой. Казалось, что «противники» внимательно изучают друг друга. Блеснуло широкое лезвие одикатти в руках Нанайи, и он стремительно ринулся вперед. «Вжих!», еще раз «вжих». Забили победно барабаны. Тяжелый нож вошел в мякоть банановых стволов. Стволы оседали, как люди, теряя свои головы-верхушки. Нанайя пробивался через них, как воин с мечом через строй врагов. Только один удар полагался на каждого «врага». Только одним ударом нужно было перерубить его. Второй стал бы позором Нанайи, его окки и, конечно, его предков. Но Нанайя не посрамил ни тех, ни других. Окка Натоланда издала торжествующий крик. «Осаждающие» устремились в дом, который выбросил белый флаг свадебной дорожки. И первым на нее вступил Нанайя. Он шел по ней, а родственники невесты бросали в него рисовые зерна.

Потом снова воцарилась тишина, ибо появилась главная женщина, перед которой «победитель» склонил голову и коснулся ладонями ее ступней. Это была мать невесты. От нее теперь зависело принять «победителя» или нет. Но главная женщина была добра и великодушна. Она ввела Нанайю в центральный зал, где горела священная лампа клана Мадапанда и где в заветной комнате обитали духи его предков. Обоих, Нанайю и Рену, усадили под этой лампой и

вновь к ним выстроилась очередь благословляющих и одаряющих родственников. Наконец наступил час самой главной церемонии. Называется она «самбанда кадупо». Эта церемония посвящает невесту в члены окки жениха. Родственники Нанайи выстроились около невесты, а родственники Рену — около жениха. Два человека вышли чуть вперед. Это были друзья окки Мадапанда и Натоланда. Их «арува». Оба арува оказались противоположностью один другого. Арува окки жениха был долговязый, длинноносый, с висячими усами, чем-то похожий на черногорца. Арува Мадапанды небольшого роста, коренастый. Его закрученные усы победно торчали кверху. Между этими двумя и начался тот известный и строго установленный диалог, который одинаково звучит на каждой кургской свадьбе. Диалог был частью свадебного спектакля, я не могу удержаться, чтобы не привести его во всех подробностях.

Эта часть очерка будет напоминать отрывок из пьесы, но в нем будет всего два действующих лица. Арува окки невесты — мистер Девайя и арува окки жениха — мистер Белиаппа. Итак, начнем.

Девайя: Стоят ли в своем ряду люди обоих надов, люди дома, родственники и друзья семьи?

Белиаппа: Да. Они стоят.

Девайя: Дадите ли вы нашему ребенку, Рену из окки Мадапанда, которую мы выдаем замуж за вашего ребенка, Нанайю из окки Натоланда, членство в окке жениха? Дадите ли вы ей право на землю окки Натоланда, на десять участков пастбищ, на хлев, на десять пар быков, на дом, на сад, на десять дойных коров, на бамбуковые сосуды для молока, на загон для скота, на рисовое поле, на удобрения, на земли, на которые посягают соседи, на топоры, мечи и ножи, на рис в зернохранилище, на меру для риса, на медное блюдо, стоящее у стены, на священную лампу, на запас соли в кухонной кладовой, на спрятанные драгоценности, на нитки и иголки, короче, на каждую вещь, хранящуюся в доме?

Белиаппа: Мы даем это право.

Девайя: В дом жениха наши слуги понесут на головах вещи и ценности нашего ребенка стоимостью в тысячу биранов^[2] и деньги в сундуке на сумму в 500 биранов. Если это будет утеряно, кто из друзей окки ответит за эту потерю?

Белиаппа: Я.

Девайя: Из какой ты окки?
(Белиаппа называет).

Девайя: Кто ты — маннарува^[3] или поннарува^[4]?

Белиаппа: Я маннарува окки Натоланда.

Девайя: Тогда возьми эти двенадцать кусков золота.

Белиаппа: Я взял. Если ваше невинное дитя, которое выходит замуж за нашего юношу, будет жаловаться в доме мужа на то, что сваренный рис слишком горяч, что карри слишком остро, на то, что ее свекор слишком груб, а свекровь слишком скупа, на то, что муж не выполняет своих супружеских обязанностей и она не хочет с ним жить, или она будет жаловаться на то, что семья мужа бедна, и отправится в свою семью и там останется, кто возьмет на себя ответственность дать ей правильный совет и вернет ее нам, дав слуг для сопровождения и факелы, чтобы освещать дорогу?

Девайя: Я.

Белиаппа: Кто ты? (Девайя повторяет имя своей окки).

Белиаппа: Ты — маннарува или поннарува?

Девайя: Я — маннарува.

Белиаппа: Тогда возьми деньги за свидетельство (дает ему мелкую монету).

Девайя: Если наше дитя пострадает от непредвиденных обстоятельств или потеряет мужа, кто будет семейным другом, отвечающим за ее отъезд в родительский дом со слугами и факелами для дороги?

Белиаппа: Я.

Девайя: Вот возьми деньги за свидетельство (дает ему мелкую монету).

Девайя и Белиаппа вытирают потные лбы. Они очень старались, и все сказали правильно. Я тоже очень старалась и записала все слово в слово. Ибо этот свадебный диалог двух арува, вне всякого сомнения, является интереснейшим устным историческим источником, в котором нашли свое отражение экономические и социальные процессы, происходившие в Курге на протяжении веков. Этот источник требует тщательного анализа.

Перед тем, как вновь вернуться к жениху и невесте, я хочу обратить ваше внимание на «двенадцать кусков золота», о которых говорили Девайя и Белиаппа. Двенадцать кусков золота —

символическая мера приданого или собственности, которые приносит невеста в дом жениха. Семье жениха отдается только одиннадцать кусков. Двенадцатый остается в распоряжении невесты и несет в себе ее женскую самостоятельность и свободу. Он дает ей право в любой момент вернуться в дом своей матери. Вот что означает двенадцать кусков золота.

Когда вопрос с этим «золотом» был решен, и Рену стала полноправным членом окки Натоланда, принесли сундук с ее приданым и выставили вещи на всеобщее обозрение. Вновь начался ритуал благословения. В конце его Нанайя подошел к Рену, и та коснулась ладонями его ступней. Он поднял ее и они обменялись цветочными гирляндами. С этого момента Рену стала миссис Нанайя. Муж взял ее за руку и направился к выходу. Но в это время группа молодых парней преградила им дорогу. Они были настроены воинственно, крутили усы, сверкали глазами и хватались за ножи. Они не хотели отдавать Рену Нанайе. Они были ее двоюродными братьями. Когда-то двоюродные братья вели себя более агрессивно и не всегда уход молодой четы из дома невесты кончался благополучно. В те давние времена существовали брачные отношения между двоюродными братьями и сестрами. В память этого кузены Рену и устроили свалку перед дверью. Нанайе пришлось заплатить выкуп. Под музыку и барабанный бой Нанайя повел Рену в свой дом, который отныне стал ее домом. В доме предков окки Натоланда ее снова будут благословлять, осыпать рисом, рассматривать ее приданое. Ее первая ночь пройдет в доме мужа, но вторую оба они проведут в доме ее матери. Это еще одна дань прошлому. Тому прошлому, когда все решали матери, а мужья жили в семьях своих жен или посещали их там.

Свадьбы бывают разные и не только по богатству и весомости предъявленных «двенадцати кусков золота», но и по существу ритуала и церемоний.

Свадьба Рену и Нанайи была обычной. Они только начинали свою жизнь. Они были молоды, и то, что у них происходило, называлось «канни мангала» — «первый брак». Но кургская традиция вмещает всю сложность конфликтов, всю неожиданность человеческих отношений. Поэтому «кании мангала» — не единственная форма брака. Есть «кудавали мангала» — женитьба на вдове или разведенной. Ни

вдовство, ни развод в Курге не обрекают женщину на дальнейшее безбрачие. Разведенная может выйти замуж через год, вдова — через полгода. Но замужеству той и другой предшествует церемония разрыва с оккой бывшего мужа и освобождение от членства в ней. Однако дети по-прежнему принадлежат семье бывшего мужа. Это удерживает многих женщин от разводов, а вдов — от вторичного замужества. Но тем не менее такие браки совершаются. Музыки и песен на таких свадьбах нет. Иногда мужчину посвящают в члены окки жены. Это делается тогда, когда в семье нет мужских наследников. И такой брак называется «окка париджи». Привилегией мужчин является брак-церемония — «балемангала». Когда мужчина женится на банановом дереве. Не удивляйтесь, пожалуйста. Так поступают не сумасшедшие, а вполне нормальные мужчины. Это самый хитрый брак, брак-обман. Представьте себе мужчину, у которого одна за другой по разным причинам умирают жены. И доходит до того, что ни одна девушка или женщина не соглашается выходить за него замуж. Ибо ясно, что над этим человеком тяготеет злой рок, а умирать никому не хочется. Тогда на выручку и приходит хитроумная «балемангала». Злой рок надо провести за нос и разорвать эту цепь бесконечных смертей. Брачная церемония совершается по всем правилам. Играет музыка, банановое дерево становится полноправным членом окки потерпевшего, за него дают «двенадцать кусков золота». Короче говоря, происходит все как у людей. Злой рок «накидывается» на очередную жену, а она — дерево. И рок в недоумении отступает и прекращает свои козни. После этого можно вводить в дом настоящую невесту.

Свадьбы, свадьбы... Разные по пышности, разные по ритуалу. Они делают суровый дождливый сезон в Курге легким и веселым; Свадьбы идут без жрецов и браминов, без молитв богам. И только огонь священной лампы, «духи предков» да «двенадцать кусков золота» скрепляют союз мужчины и женщины.

Когда дают имя

Этот небольшой очерк — о девочке Пувамме. Очень маленькой девочке, которая к моменту описываемых событий, прожила на свете всего двенадцать дней. «Пув» — значит «цветок». Так называли ее в тот день. Мутамма родила Цветок в доме своей матери. Таков кургский обычай. Очень древний обычай — воспоминание о тех временах, когда замужняя женщина не уходила из дома своей матери и рожала там детей, которые принадлежали роду ее матери. Теперь дети принадлежат семье их отца, но память о прошлом хранит обычай. Поэтому, где бы ни жила женщина, она все равно уйдет рожать в дом своей матери. Ибо для семьи мужа она считается «нечистой». Когда говорят «нечистая», мы представляем себе очень неприглядную личность. Но на самом деле это не так. «Нечистота» матери имеет свою разумную основу. Она начинается за два месяца до рождения ребенка и длится два месяца спустя после его появления. В чем же разумность этой ритуальной «нечистоты» кургской женщины? В том, что многое для нее табу. Табу — собственный муж. Она не может к нему прикасаться в эти четыре месяца. За этим табу стоит длительный человеческий опыт. Опыт, который сохраняет здоровье матери. Кухонная утварь и очаг для нее тоже табу. Значит, на все это время женщина освобождается от домашних дел. Ей не разрешают готовить еду, передвигать тяжелые горшки и чаны, не позволяют носить топливо для очага и разжигать его огонь, гнуться над низкой кладкой очага. Ей запрещают приближаться к колодцу, к его массивным ведрям. Рисовое поле для нее — табу, корова, которую надо доить, тоже табу. Короче говоря, вся тяжелая работа, связанная с усилием или неудобным положением, — для нее табу. Табу в течение четырех месяцев. А чтобы она не нарушила этого табу, ее и объявляют «нечистой» и «осквернительницей», если она вдруг ухватится за кухонный горшок или, хуже того, вытянет из колодца тяжелое, наполненное водой ведро. Тогда семье придется пройти через ритуал

«очищения», довольно длительную и не очень приятную церемонию. Поэтому «нечистая» женщина должна заботиться о строгом выполнении обычая, чтобы не причинить неприятностей своим близким. В этом и состоит высокая мудрость закона «нечистоты». Эта мудрость приносит Кургу здоровых и сильных детей. Эта мудрость восстанавливает силы матери и позволяет ей рожать детей вплоть до позднего возраста.

Когда Мутамма родила дочь в доме своей матери, немедленно была послана телеграмма мистеру Чиннаппе в Меркару. Мистер Чиннаппа, муж Мутаммы и чиновник коллেকтората, взял ружье и произвел несколько выстрелов на пороге своего городского дома. Выстрелы насмерть перепугали его миролюбивых соседей. Соседи не были кургами. Правда, мистер Чиннаппа предпочел бы сына, наследника. Но он обрадовался и девочке, поэтому самозабвенно палил из ружья в центре города Меркары, нарушив в какой-то мере устоявшийся обычай.

Он привез Мутамму из дома ее предков домой на третий день после рождения дочери. Мутамма вошла с ребенком в свою комнату в городском доме, и комната немедленно стала «нечистой», превратилась в табу для мистера Чиннаппа и любого мужчины на следующие два месяца.

Девочка росла, и надо было подумать об имени для нее. И городские родственники Чиннаппы отправились к астрологу. Ибо найти ребенку имя в Курге дело не простое. Нельзя давать имени живого родственника, иначе возникает путаница. Астролог взял список имен живых и мертвых родственников, разложил таблицы созвездий, сделал ряд наблюдений за ночным небом и «вычислил» имя. Пувамма, или Цветок. Девочка-цветок. Это понравилось всем, и имя было принято. Оставалось только дать его ребенку. Но «дать» это тоже не просто. Вот как это выглядело. Девочка лежала в колыбели и еще не называлась Цветком. Она была просто Девочкой, которая прожила на свете всего-навсего двенадцать дней. Вокруг Девочки сидели женщины в нарядных сари и чисто умытые дети. Мужчин не было, ибо им не полагается при этом присутствовать. Плетеная колыбель Девочки была украшена цветами. Девочка смотрела на них круглыми черными глазами, и они ей казались большими цветными пятнами.

Две бабушки Девочки, седые и строгие, подошли к колыбели и склонились, над ней, как добрые феи. Злых фей среди присутствующих не было. Их не пустили на этот праздник. Бабушка, мать отца, вынула Девочку из колыбели и положила себе на колени. Она намочила руку в воде, которая стояла в медной чашке, и провела этой рукой по лбу Девочки. Девочка завертела головой от неожиданности, но не заплакала. То же самое сделала другая бабушка, которая была матерью Девочкиной мамы. Потом обе бабушки взяли черные нитки и завязали их на руках и ногах Девочки. И Девочка опять не заплакала. На таком празднике плакать не полагается. Она внимательно смотрела, что делают обе бабушки. Эти добрые феи повязали Девочке черные нитки, чтобы они защитили ее от злых духов и злых фей. Только после этого Девочку можно было поместить под медной священной лампой, зажженной в честь ее предков. Обе бабушки тоже стали под священной лампой и, известили ушедших предков о том, что в доме появилась Девочка, но имя ее обещали сообщить несколько позже.

Посреди светлой, освещенной лучами солнца комнаты стояла жаровня. Угли в жаровне, покрытые красновато-золотистой пленкой, потрескивали, и от них поднимался, голубоватый дымок, Бабушка, мать отца Девочки, посыпала на угли волшебный порошок, который назывался «самбрани». Порошок вспыхнул, желтовато-синим пламенем, и по комнате поплыл ароматный дым. Дым волшебного «самбрани» отогнал злых духов не только от колыбели Девочки, но заставил чихать и тех из них, которые заглядывали в окна комнаты или всовывали свои лихоимские головы в ее дверь.

Когда со злыми духами было покончено, бабушка, или попросту добрая фея, взяла ожерелье из черных и белых бисеринок и на всякий случай подержала его над волшебным дымом. Потом она надела ожерелье на шею Девочке, потому что уже приближался самый важный момент. Человек, у которого есть имя, должен обязательно носить такое ожерелье. Но обе добрые феи были чем-то недовольны. Они тихо посовещались между собой, сдвинув вместе седые головы. Результат совещания не замедлил проявить себя. Бабушки-феи подержали Девочку над волшебным дымом. Девочка чихнула и задргала ножками. Бабушек это очень обрадовало, но держать над дымом Девочку они больше не стали. Они решили ее покормить. Еда

была тоже волшебная. Ее принесли в серебряном сосуде и вместо ложки ее брали золотой монетой. И хотя это был рис с молоком, но от серебра и золота он превратился в самую вкусную еду на свете. Но Девочка сразу этого не поняла и отказалась глотать. Зато ее пять двоюродных братьев и сестер, у которых уже были имена, не заставили себя ждать и с удовольствием съели этот рис с молоком и совершенно случайно не проглотили при этом золотую монету. Снова бабушки посовещались и взяли большой острый кургский нож. У пятерых двоюродных братьев и сестер, старшему из коих было шесть лет, от ужаса округлились глаза. А самый маленький из них заплакал тонко и жалобно. Но Девочка была спокойна. Она понимала, что добрые феи ей плохого сделать не могут. Бабушки протянули нож к огню и закоптили его над священной лампой. Самый маленький перестал плакать и с интересом уставился на бабушек. Бабушки коснулись сухими пальцами копоты на ноже и провели ими по лбу Девочки; отныне Девочка становилась причастной огню священной лампы. Нож положили на стол, и только что плакавший двоюродный брат Девочки завороченно устремился к нему. И не успел никто даже оглянуться, как он схватил нож и копотью, нанес, на свое заплаканное лицо боевую раскраску, более подобающую индейцу-ирокезу, нежели юному кургу. За это он был немедленно и с позором выдворен из светлой комнаты и помещен в ванную для церемонии очищения, и омовения. Когда он вернулся, в пеленку вместо Девочки уже завернули камень. Вынули Девочку из колыбели и положили туда камень. И так сделали трижды. Бабушки сказали, что камень символизирует долголетие, которое теперь даруют Девочке. Но одна женщина из далекой страны, присутствовавшая на церемонии, до сих пор подозревает, что бабушки сказали ей не все. Она думает, что камень клали, чтобы обмануть тех же неумных злых духов. Только злой дух нацелится на Девочку, а там камень в пеленке. Злой дух щелкнет зубами от досады и удалится ни с чем. Феям тоже надо быть хитрыми, если они хотят оставаться добрыми. После того как обманули злых духов, можно было назвать имя Девочки.

— Пувамма! — сказала одна из бабушек. Обе они трижды повторили это новое имя — Цветок. И все женщины тоже захотели повторить это прекрасное имя. Поэтому каждая из них подошла к колыбели, покачала ее и сказала: «Вставай, Пувамма, есть рис и

молоко!» Девочка этого еще не могла сделать. Но это было неважно. Главное, что она перестала в тот день быть просто Девочкой, а стала Пуваммой — Цветком.

А что же Мутамма? Она присутствовала на этом празднике, стояла рядом с дочерью и была, может быть, самой важной и самой доброй феей для Пуваммы.

Через полтора месяца после описанных событий наступил день, когда Мутамма перестала быть «нечистой». Но для этого она прошла церемонию «очищения». Церемония эта называется «ганга пуджа» — «молитва в честь воды». В этот день Мутамма совершила ритуальное омовение и оделась, как невеста. На ней было красное сари, а ее черные браслеты замужней женщины были сняты. В гости в дом ее матери пришли знакомые женщины. Они повели Мутамму к колодцу и перед ней несли блюдо с кокосовыми орехами, бетелем и орехами арековой пальмы. Когда Мутамма подошла к колодцу, она разбила кокосовый орех и бросила его вместе с листьями бетеля и орехами арековой пальмы в колодец. Потом она наполнила ведро колодезной водой, подняла его и трижды напилась. Налила воду в два медных горшочка, поставила их на голову и отправилась в дом. Там она вошла в кухню и поставила на пол горшки с водой. Эту воду она впервые за четыре месяца принесла самостоятельно на кухню. Из кухни она вышла в центральный зал, где ее ждали родственники и друзья. Мутамма подошла к священной лампе и сообщила духам предков о том, что теперь она «чистая», может заниматься домашними делами, носить воду из колодца и снова быть женой своему мужу. Мистер Чиннаппа на радостях напился и впал в боевое расположение духа. Он хотел по такому случаю выстрелить из ружья, но дед мистера Чиннаппы, старый, рассудительный кург, сердито отчитал его.

— Я думал, — сказал дед, — что мой внук мужчина. А он, видите ли, решил палить по такому поводу из ружья. Мне стыдно за него!

Когда дед очень сердился, он называл виновника своего гнева в третьем лице.

Мистер Чиннаппа понял, что дела его плохи и больше не требовал ружья. Через некоторое время он заснул мертвым и счастливым сном в комнате, где обитали духи предков. Пувамма тоже принимала участие в этом празднике и была вторым лицом по важности, после матери. Все желали Пувамме здоровья и процветания и дарили ей деньги и

подарки. Одна женщина, присутствовавшая на празднике, подарила ей расписную матрешку. Матрешку сделали в далекой стране. Об этой стране Пувамма узнает, когда вырастет...

Выстрелы на рассвете

Солнце еще не поднялось, когда Аппанна подходил к своей деревне. В лесу стояла предрассветная мгла, а на траве и листьях деревьев лежала обильная роса. Был охотничий сезон, и Аппанна отправился два дня назад в лес вместе с другими жителями деревни. Но там он отбился от своих, проблуждал почти целые сутки и ничего не смог добыть. Поэтому он возвращался домой налегке и не в самом радостном расположении духа. Он уже миновал опушку, когда какое-то беспричинное беспокойство охватило его. Он попытался отогнать его от себя, но это ему не удавалось. Со стороны реки на поле и окрестности наплывали полосы утреннего тумана. От этого тумана воздух был сырым и промозглым. Бежавший впереди Аппанны пес неожиданно остановился, как будто к чему-то прислушиваясь. Потом поднял голову и завыл. «Что это он?» — подумал Аппанна. И как бы в ответ на его немой вопрос раздался два выстрела со стороны деревни. Аппанна замер, еще до конца не веря в неотвратимость случившегося. В какой-то момент ему показалось, что выстрелы ему просто померещились. Может быть, оттого, что в последнее время он часто думал о них, ждал их и боялся их. Но вот в предрассветной мгле прозвучали еще два выстрела подряд, потом с интервалом еще раз и еще. Теперь у Аппанны не оставалось сомнения в их реальности. «Дед. Это дед», — пронеслась пронзительная мысль. И юноша, не разбирая дороги, ринулся к деревне. Звук выстрелов стоял в его ушах, и каждый из них нес боль и печаль. И эта боль мешала Аппанне бежать и затрудняла его дыхание. Он бежал, но какая-то надежда еще теплилась в его громко стучавшем сердце. Он уже приблизился к дому, когда увидел, что несколько соседей поднимаются по ступенькам. Надежда исчезла, оставив после себя щемящую пустоту отери. «Все. Все кончено, — пронеслось в голове. — Не успел.

Дед лежал на циновке в центральном зале, неподвижный и вытянувшийся.

— Дед! Дед! — закричал Аппанна. — Как же это так?

Тяжелая и сильная рука отца легла ему на плечо.

— Успокойся, — сказал отец. — Ты же мужчина и должен быть мужественным перед лицом смерти.

— Но я же не успел, — хрипло выдавил из себя Аппанна.

— Это может случиться с каждым из нас. Мы сделали все, как нужно. Теперь иди, соверши омовение и надень траурную одежду. Соседи уже собираются. Надеюсь, траурные выстрелы слышали все.

Дед был уже приготовлен к тому далекому пути, который ему предстоял. В последний момент перед его смертью над ним разбили кокосовый орех и напоили его кокосовым молоком. Отец вложил в остывающий рот деда золотую монету: деньги на дорогу. Аппанна знал, что золотую монету кладут не каждому. Холостяку ее не положат. Человеку с плохой репутацией — тоже. Горький плод заменит им монету в дальнем пути.

Мать Аппанны и остальные женщины в доме надели белые траурные сари и распустили волосы. Солнце уже, взошло, когда, появились музыканты. Грустно запели флейты, и печально и тревожно забили барабаны. А соседи и родственники все шли и шли к дому умершего. Они останавливались на дорожке, ведущей к дому, и клали на нее на банановых листьях вареный рис и куски кокосового ореха. Это была пища для духа деда. Каждый, оставивший еду, зажигал около нее фитилек в плошке с маслом и трижды говорил: „О, дедушка, ты умер“. Потом тут же на дорожке женщины начинали плакать, а мужчины по два раза стреляли из ружья. Церемония эта называлась „кулу беппо“, что значит „приношение пищи умершему“. Гости и родственники входили в дом, приближались к деду, касались его груди тыльной стороной руки, а потом прижимали ее к своей груди. И каждый из них выражал деду свое горе по поводу его ухода. Они обращались к нему, как к живому, и говорили слова сожаления и печали.

Тело деда завернули в белую ткань, положили ему на лицо бронзовое блюдо и зажгли рядом с ним масляную лампу.

Аппанна очень устал в этот день от своего горя и горя других, от плача женщин, от выстрелов. Он толком не спал две предыдущие ночи, и ему еще предстояли две таких же. Этот трудный день был длинным и никак не кончался. Но, наконец, наступила ночь. Все жившие в доме

Аппанны и те, кто пришел разделить с его семьей ее горе, уселись вокруг деда. В центральном зале было холодно и сумрачно. Сидевших освещала только лампа, висевшая рядом с комнатой духов предков, и светильник около умершего. Огонек священной лампы отражался в большом бронзовом блюде. И временами Аппанне казалось, что блюдо опускается и поднимается и что дед начинает шевелить головой.

От усталости и слез веки Аппанны стали тяжелыми, а в глазах появились жалящие песчинки. Он уже плохо различал и сидящих, и лежавшего на циновке деда. Временами он впадал в какое-то забытие. Тогда он встряхивал головой, стараясь прийти в себя. Уйти он не мог. Он был уже взрослым и поэтому должен был разделить со всеми горечь этой ночи. Ночи, которая называлась „чау оливо“ — „бодрствование“.

Потом наступила такая же вторая ночь. Для деда она была последней в доме предков. Когда-нибудь, думал Аппанна, он снова вернется сюда, но только духом, чтобы занять свое место в канникомбре.

Четверо мужчин до рассвета пели печальные и длинные погребальные песни. Это были даже не песни, а певучие, под глухой стук барабана, рассказы о деде и той жизни, которую он прожил. Эти песни-рассказы были очень подробными, и Аппанна жадно их слушал. Он очень любил деда и гордился его мудростью и спокойной мужественностью.

Эта ночь прошла очень быстро, и Аппанне не хотелось, чтобы наступило утро. Но оно наступило и не было добрым. Деда вынесли во двор и начали готовить к последнему пути. Бабушка в белой вдовьей одежде первой полила его водой. Потом деда обмыли и натерли маслом. Горшки, в которых была вода для омовения, поставили вверх дном. На деда надели белую купью, положили на лоб золотую монету и вставили в его сложенные руки зеркало. Рот покрыли красной тканью. Дед лежал торжественный и красивый, но какой-то отчужденный. Над ним плыл синий дым камфоры, кусочки которой бросали время от времени в жаровню с раскаленными углями. Аппанна знал, что этот резко пахнущий дым отгоняет злых духов, которые могут украсть дух деда или доставить ему много неприятностей. В полдень принесли носилки, покрытые белой тканью,

и положили на них умершего. Четверо мужчин подняли носилки. Мужчины были с непокрытыми головами и босиком. Таков обычай.

Глухо и печально забили барабаны, заплакала флейта. Начался погребальный танец, молчаливый и страшный. Носилки плыли на руках мужчин рядом с танцующими. И несшие носилки, и танцоры трижды сделали круг вокруг дома. Того дома, где так долго жил дед, куда привел он свою молодую жену, где звучали голоса его детей, а потом родились его внуки. Появились двое мужчин с факелами. Пламя металось в половинках кокосовых орехов и плыло на уровне носилок. Рисовые зерна и мелкие монеты полетели в небо. Оттуда они падали на людей, огонь и носилки.

Аппанне хотелось, чтобы этот танец длился бесконечно, ибо когда он кончится, деда унесут. Только танец мог задержать его здесь. Но задержки не произошло. Процессия двинулась со двора. Вслед за носилками шли две женщины с распущенными волосами. Одна из них несла еду для духа умершего, другая жаровню с огнем из кухонного очага. От этого огня загорятся манговые дрова кремационного костра. Опять бил барабан, музыканты дули в изогнутые медные трубы. Плакали женщины с распущенными волосами. Молча и печально шли мужчины. И хотя дорога к „тутангала“ — месту кремации была короткой, но Аппанне она показалась бесконечной.

Тутангала принадлежала окке Аппанны и была расположена недалеко от дома его предков. К ней примыкала „кекала“ — место, где не сжигали, а хоронили. Хоронили женщин, а мужчин сжигали. В тутангала на расчищенной площадке уже был сложен костер из дров священного манго. Носилки с телом деда трижды обнесли вокруг костра, а потом положили его у костра головой на юг. Бабушка поставила себе на голову горшок с водой. Горшок был дырявый. Вода тонкой струйкой текла по лицу бабушки, и было неясно, где слезы, а где вода. Бабушка прошла свой первый скорбный круг около деда. Вслед за бабушкой двигался отец Аппанны. Он был старшим сыном деда. Отец нес на голове кокосовый орех. За отцом шел муж тетки Аппанны и нес „кинди“ — маленький бронзовый горшочек. У всех троих на пальцах были кольца из священной травы — „куша“. Они трижды обошли тело и остановились. Бабушка стала в головах деда, отец — у ног, а муж тетки — сбоку. Бабушка сняла горшок с головы и ударила им о носилки. Во все стороны полетели черепки. Аппанна не

ожидал от бабушки такого сильного удара. То, что сделала бабушка, называлось „кода куккуво“. Горшок символизировал связь умершего с живыми родственникамм. Теперь бабушка своими руками разбила эту связь. Отец разбил кокосовый орех, а муж тетки вылил воду из „кинди“. Тело деда больше не принадлежало живым. Только его дух, который еще томился, заключенный в этой мертвой оболочке, вновь вернется к этим живым.

Бабушка начала снимать черные стеклянные браслеты со своих высохших рук. Эти браслеты надели на нее давно, когда бабушка выходила замуж за деда. Тонкие, хрупкие браслеты падали на землю и разбивались. Осколки их бережно подобрали и вложили в остывшие и холодные руки деда. Туда же положили и остальные бабушкины украшения. Потом украшения заберут, но бабушка их больше не наденет. А осколки черных брачных браслетов положат на костер вместе с телом деда.

Родственники стали бросать на деда зерна риса, и Аппанна понял, что наступают последние минуты... С деда сняли белую купью и завернули его в кусок ткани. В таком одеянии его посадили на костер. Отец поджег от жаровни, где пылал огонь из кухонного очага, ветку мангового дерева и бросил ее в костер. То же самое стали делать остальные родственники и соседи. Огонь быстро охватил сухие дрова и стал подбираться к телу. Вот загорелась ткань, и жирный черный дым поднялся к небу. Огонь охватил тело и, уничтожая его, освобождал дух умершего. Этому духу предусмотрительно оставили еду на банановых листьях. Ведь дух с самого первого момента — Аппанна это знал хорошо — должен ощутить заботу своей семьи. Теперь все покидали место кремации, а дух деда на какое-то время еще должен был оставаться в тутангала. Последний уходящий разбросал по дороге камни и колючки: это для того, чтобы дух умершего не последовал сразу за уходящими родственниками. Ему надо было дожидаться, пока все необходимое будет сделано. Тот, кто разбросал камни и колючки, так и объяснил все это духу.

Когда Аппанна вернулся домой, он совершил омовение и переоделся. Ту одежду, в которой, он был на похоронах, выстирали и повесили сушиться на солнце. На следующий день пепел деда опустили в реку. А место, где был костер, разровняли, полили и посеяли на нем рис. Через некоторое время зерна проросли, и это было

добрым знаком, — дух остался доволен, и членам семьи не грозили неприятности.

Одиннадцать дней после кремации вся семья Аппанны считалась „нечистой“ и соблюдала траур. Никто не ходил на праздники, на охоту и не участвовал в сборищах. Мужчины в течение этих дней не брились, а женщины не носили украшений. Они не ели меда, мяса, рыбы, яиц и грибов. Они не пили молока и не жевали бетель. Их пища в эти дни была проста и груба. Они не садились на скамьи в доме и спали на полу па циновках.

В первый день после кремации деда арува дома мистер Бопайя привел в дом астролога, сухого, сгорбленного старика с длинной седой бородой. Старик разложил на веранде свои таблицы, ракушки и камешки. Он долго перекладывал их и шептал над ними какие-то заклинания. Наконец он добился благоприятного их расположения. Таким же благоприятным было и расположение звезд. Астролог сказал, что в доме надо провести пуджу против вредного действия Гулики-демона и ее звезды. Той звезды, которую еще никому не удалось увидеть. После пуджи из дому изгнали всех злых духов, если таковые просочились туда, когда все были у погребального костра. Для того чтобы паче чаяния не появились новые, вход в дом оплели колючим выюном „мундрата“. Всем известно, что злые духи колючек не любят.

На третий день вся семья отправилась на берег реки, и Аппанна вместе с остальными бросал в воду рис. Он бросал зерна старательно и следил за тем, как они медленно опускаются в темную глубину, туда, где водилась рыба. Зерна были предназначены рыбам. Аппанна слышал, что духи, даже если они представляют таких мудрых и уважаемых людей, как его дед могут вести себя своенравно. Некоторые, например, поселяются в рыбах. И поэтому рыб на всякий случай надо накормить. Эта церемония называлась „нирбели“.

На четвертый-день наступила церемония „каребели“. В этот раз оставили еду на банановых листьях для лесных зверей. Листья положили на опушке леса. Ибо дух может нечаянно поселиться и в звере. На седьмой день около дома соорудили деревянную платформу на трех столбах. Бабушка положила вареный рис па платформу, хлопнула в ладони и крикнула: „Ка, ка, ка!“ И сейчас же две крупные вороны прилетели на платформу и стали жадно клевать рис (ведь духи

могут поселиться и в воронах). Вороны таинственные и странные птицы, непостижимым образом связанные с духами умерших. Дед говорил об этом Аппанне, когда Аппанна был еще мальчиком. Накормить ворону все равно что накормить дух. И наконец настал одиннадцатый день. Очень торжественный день. День „очищения“ и поминовения. С утра Аппанна, как и все остальные, совершил „очистительное“ омовение и надел белую чистую одежду. И от этого его печаль стала светлой и легкой. Он вошел в центральный зал и увидел, что пол застлан циновкой, а на циновке лежат банановые листья. Все уселись вокруг циновки, и отец Аппанны, который был главным в этой церемонии, разложил на листьях рис и карри. Но никто не прикоснулся к еде. Тогда отец обрызгал все вокруг водой, которую принес дядя из священной реки Кавери. Но опять никто не стал есть. Отец обвел всех взглядом, как будто проверял, все ли готовы к тому важному и значительному, что должно произойти. И сделал знак рукой. Все поднялись и забрали с собой еду на банановых листьях. Они вышли во двор и положили принесенное с собой на платформу. Каждый член семьи сделал индивидуальное подношение духу деда. Этим самым они приглашали его пожаловать в дом. Но дух еще об этом не знал, и его надо было известить. Для этой миссии арува, мистер Бопайя должен был выбрать двух человек. Аппанна даже не надеялся, что могут выбрать его. Он видел, как мистер Бопайя подошел к его дяде и дядя кивнул головой. Все следили за арувой: кто будет следующим, к кому он подойдет? Следующим оказался Аппанна.

— Ты пойдешь, — сказал ему мистер Бопайя.

И Аппанна, так же как и дядя, молчаливо кивнул головой. Они отправились в тутангала втроем, прихватив священную воду, еду, четыре банановых листа и бутылку коньяку. Деду при жизни очень нравился этот напиток. И конечно, коньяк сразу напомнит деду о его родном доме, даже если за одиннадцать дней дед успел о нем забыть. Они обрызгали священной водой место, где лежало тело деда перед кремацией и оставили там лист с едой. Затем они сделали то же с местом, где был костер, но положили там три листа с едой и налили коньяк в три чаши, сделанные из тех же листьев. Рядом положили кусочки терпкого ореха арековой пальмы. Дед мог приступать к пиршеству.

Они не стали ему мешать. Они только сообщили ему, что дом вновь стал „чистым“ и духи предков с нетерпением ожидают его около священной лампы в канникомбре. Когда они вернулись, с руки отца Аппанны сняли траурную серебряную цепь. Траур кончился, платформу разобрали, и все запреты, которые соблюдали в доме Аппанны, теперь потеряли силу.

Вечером был пир с обильным угощением и возлиянием. Пришли приглашенные из других деревень и соседи. И наконец появились музыканты. Но теперь музыка звучала не так печально, как в ту горестную ночь. Певцы затянули песню, но она была не похожа на песни той ночи. Это была песня-воспоминание, песня-размышление о случившемся. Она уговаривала людей принять это случившееся и несла им утешение. Четыре родственника Аппанны пели:

Подобно словам в одной фразе,
Подобно кольцам в цепи,
Подобно ниткам в ткани,
Подобно узорам в разноцветном ковре,
Подобно отражениям в зеркале,
Подобно лучам света в алмазе,
Подобно звездам в небе,
Подобно цветам в саду,
Мы дети одной семьи.
Из всех нас мы четверо
Были выбраны петь,
Когда мы стали думать,
О чем петь,
Мы решили, что весь мир
И золотая земля Курга
Заслуживают быть воспетыми.
Но на земле Курга
Живет очень большая семья.
И мы слышали в ее доме
Бой медного барабана.
Но ведь там не было
Ни праздника, ни свадьбы.
Почему же раздавался этот звук?
Послушай, мой друг,
Это поминальная
Одиннадцатого дня.
Посмотри, родственники, соседи
И друзья собрались здесь.
Мы четверо должны пропеть
Славу ушедшей душе.
Слушай, друг, одиннадцатый день траура
Подошел к концу.
В этот одиннадцатый день
В доме кормят всех;
Родственников и друзей,
Соседей и браминов,
Все тридцать пять каст деревни.

Ушедшая душа жила достойно
И процветала.
Подобно птице, она покинула
Свое гнездо.
Жена и дети оплакивали
Невозвратимую потерю.
Но друзья и родственники
Сказали им мудрые слова.
Послушайте, дети!
Не плачьте над мертвым.
Когда падает небо,
Ваши слабые ладони
Не остановят его падения.
Когда земля разверзается,
Ваши слабые ноги
Не удержат ее.
Когда бог хочет,
Мы должны принять волю его.
В мире этом есть
Рождение и смерть,
Они предназначены всем,
И не только нашей семье.
Сегодня траур кончился.
Во имя мертвого
Мы будем есть и пить.
Кончается песня и
Певцы опускают барабаны.

Но барабаны еще долго звучали на этом пиру. Усталость и напряжение постепенно покидали тело Аппанны. От выпитого коньяка слегка кружилась голова. Он снова ощущал себя сильным и освобожденным от горя. „Рождение и смерть — они предназначены всем“, — всплывали в голове слова песни. „Всем, — думал Аппанна. — Всем. И ничего в этом страшного нет“. Он ощущал локти сидящих рядом, ловил слова их разговора, он чувствовал всех этих людей как нечто единое, неотъемлемой частью которого был он сам. И от этого волна тепла и уверенности захлестывала Аппанну и делала его добрым и великодушным. Он поднялся, прошел в свою комнату и

вытянулся на кровати. Постель показалась ему очень мягкой. Глаза Аппанны начали слипаться. В какой-то момент ему показалось, что он слышит покашливание и побряхтывание деда. Так дед делал, когда укладывался спать. „Устраивается, — догадался Аппанна. — Устраивается в канникомбре“. Сон уже путал его мысли и менял все, что окружало Аппанну. Канникомбре разрослась до размеров центрального зала, и он увидел сидящих вокруг циновки пирующих мужчин в черных купья. Он не знал их лиц, и только один был ему знаком — дед. Он понял, что это духи предков. Они сидели локоть к локтю, как его большая семья. Они и были его семьей. Семьей, с которой Аппанну неразрывно теперь связал дух его деда. Ударил барабан, и один из них, опоясанный мечом, поднялся и сказал:

— Теперь мы будем танцевать.

Но канникомбре вдруг стала сужаться, а предки превратились в плоские тени, И среди этих теней он уже не мог найти деда...

— Аппанна! Аппанна!

Он поднял голову. Яркий солнечный свет заливал комнату.

— Аппанна! — снова позвали его.

Он выглянул в окно и увидел своего приятеля из соседнего дома.

— Крепко же ты спишь! — засмеялся приятель. — Мы идем на охоту. Пойдешь?

— Подождите меня, — стряхивая сон, заторопился Аппанна. — Я сейчас соберусь.

Он вышел на веранду. На ступеньках стоял дядя.

— Надо ехать в Меркару сегодня, — сказал дядя. — За одиннадцать дней у меня в конторе накопилось, ох, сколько дел.

Два двоюродных брата Аппанны, оба офицеры, старательно приводили в порядок свою форму. Им завтра надлежало быть в полку, и они не хотели опаздывать. Муж тетки, школьный учитель, разложил тетрадки, которые он должен был проверить до своего отъезда. Аппанна свистнул псу и тот, помахивая хвостом-обрубком, радостно устремился к хозяину.

Аппанна шел по лесу, и лучи солнца, пробиваясь сквозь кроны деревьев, ложились веселыми зайчиками на тропинку. Пес, бежавший впереди, вдруг остановился, как вкопанный, и замер.

— Так, — прошептал. Аппанна. — Что-то сейчас будет.

В стороне глухо прозвучал выстрел. Охотничий выстрел, возвещающий о добыче.

Над Кургом ясное небо

К октябрю в Курге прекращаются дожди. Солнце щедро обрушивает свой свет на промокшую и иззябшую землю. Под его лучами краски этой маленькой страны становятся яркими и свежими. Горные хребты приобретают все оттенки синего и голубого, долины вызывающе зелены, а густые леса сочно темнеют под безоблачным ясным небом. Солнце медленно совершает свой путь, проходя созвездия Зодиака. В конце октября оно входит в созвездие Скорпиона. И тогда краски Кургана начинают меняться. Земля долго впитывала золото солнечных лучей и поэтому сама становится золотой. Зелень плодородных долин постепенно исчезает, и на смену ей приходит солнечный цвет созревших рисовых полей. Мандариновые деревья гнутся под тяжестью оранжевых плодов, а на кофейных кустах вспыхивают красные гроздья поспевающих чудодейственных ягод. В мрачноватом однообразии лесов появляются веселые золотые пряди желтеющих деревьев. Воздух становится каким-то хрупким и прозрачным, как первые льдинки на голубой реке поздней осенью. И в этой хрупкости и прозрачности дышится легко и свободно. Над Кургом ясное небо и еще какая-то странная, удивительная тишина. Кажется, что все замерло, приготовившись к чему-то важному и торжественному. На деле так оно и есть. Земля и солнце приготовились отдать людям плоды своего таинственного союза. Но взять плоды просто так нельзя. Это было бы крайней неблагодарностью к этой щедрой земле и этому яростному солнцу. Это было бы несправедливо, считают курги, по отношению к богам. Брать такие дары надо весело и празднично. Поэтому люди и земля ждут. Ждут тихо и терпеливо.

Солнце медленно совершает свой путь и входит в созвездие Скорпиона. Горит «красная звезда Рохини». Когда солнце подойдет к ней, а луна наберет свою силу, страна кургов взорвется блистательным праздником. Самым главным и важным. Праздником первых плодов,

праздником нового риса. Он называется «хутри». День праздника уже вычислен астрологами. Они сделали это в месяц Льва. Ибо, говорят курги, созвездие Льва самое солнечное из всех созвездий, и все расчеты, касающиеся солнца, должны быть сделаны в этом месяце. Только в месяц Льва можно определить, когда точно солнце приблизится к красной звезде Рохини. Пока все ждут, и над Кургом стоит тишина ясных дней, а в его лесах, на полянах, происходит таинственная работа.

По ночам поляны заливают голубоватый свет набирающей силу луны. И тогда на них приходят те, которым суждено стать украшением наступающего праздника. Но украшением просто так стать нельзя. Над ним надо работать. Упорно и долго. Мужчины в черных купья незаметно, как тени, покидают ночами свои деревни и исчезают в заповедных лесах. На полянах в такие моменты горят костры и бьют барабаны. Мужчины танцуют. Но это еще не настоящие танцы, а только репетиции. Репетиции долгие и упорные. Репетиции с наказанием для нерадивых и штрафами для неявившихся. Танцы на празднике хутри — дело общественной значимости. Каждая деревня должна показать на что способны ее мужчины. И поэтому по ночам горят костры на полянах и глухо бьют барабаны.

На репетиции не должно быть посторонних. Репетиция сама по себе таинство в заповедном лесу. Оно должно быть скрыто от глаз праздных людей. Его не должно видеть солнце: ибо для него и в честь него этот великолепный праздничный сюрприз — кургские танцы. В знак человеческой благодарности и признательности.

Солнце — строгий ценитель. Поэтому все должно быть сделано хорошо. Мужчины в черных купья упорно работают по ночам.

Сколько веков этому празднику? Трудно сказать. Может быть, столько, сколько полям Курга. Может быть, немного меньше. Говорят, что праздник пришел в Кург из Малабара. Вот что об этом рассказывают и поют сами курги.

...Когда-то очень давно в Курге не было такого праздника. Каждый год созревал рис, люди выходили на поля и начинали срезать колосья. Эта работа не отличалась ничем от другой. Но люди чувствовали, что когда срезают первые колосья — это очень значительно. Однако не могли выразить этой значительности. Тогда они обратились к богу Иггутаппе, который покровительствовал всем, кто обрабатывал земли.

А бог Иггутаппа, если вы помните, прибыл в Кург из Малабара, и там у него оставались родственники. Люди сказали Иггутаппе:

— Мы каждый год срезаем первые колосья риса, но делаем это скучно и обыденно, как в любой другое день сбора урожая. Но ведь этот первый колос — плод земли и солнца. И это очень важно. Нам кажется, что просто так срезать первый колос нельзя. Придумай что-нибудь.

Иггутаппа согласился с людьми, но сам придумать ничего не смог. От размышлений у него разболелась голова. Но в это время пришло письмо от бога с Малабара — Бендруколаппы. Бендруколаппа был братом Иггутаппы.

«Дорогой брат! — писал Бендруколаппа. — Я по тебе очень соскучился. Приезжай ко мне в гости. Правда, автобусы еще к нам не ходят, но ты ведь бог и сумеешь добраться. Приезжай. Очень тебя об этом прошу. Твой брат и бог Бендруколаппа».

Иггутаппа прочел письмо и задумался. Конечно, люди от него не отстанут со своим первым колосом. А он им ничего сказать не может. Поэтому самое лучшее на время уехать. За это время люди могут забыть о своей просьбе или он сам что-нибудь придумает. И тогда боги будут целы и люди сыты. И он отправился к брату. Брат очень обрадовался Иггутаппе. Он его щедро угощал и возил по своим владениям.

— Завтра, — сказал он в один прекрасный день Иггутаппе, — будет праздник. Очень красивый и очень веселый.

И Иггутаппа решил посмотреть на этот праздник. Праздник действительно был красивый, с разноцветным фейерверком, с музыкой и танцами. Иггутаппа очень веселился на нем, а потом задумался и спросил брата:

— Послушай, а по какому поводу люди твоей страны решили устроить этот праздник? И как он называется?

— Праздник называется «онам», — ответил брат. — А устраиваем мы его тогда, когда люди начинают собирать новый урожай.

— Постой, постой! — обрадовался Иггутаппа. — И срезают первый колос?

— Конечно, — подтвердил брат. — И срезают первый колос.

— Ну, теперь я знаю, что сказать людям на золотой земле Кург, — сказал Иггутаппа. — Я им скажу, чтобы они тоже устроили такой

праздник.

Но Иггутаппа так веселился во время онама, что толком и не заметил, что же делали люди. И тогда оба брата-бога сели за работу. Они подробно обсудили все ритуалы и церемонии, танцы и песни. Иггутаппа назвал этот праздник по-кургски «хутри», что значило «новый рис». Довольный, он отправился к себе в Кург и сообщил эту новость людям. Курги страшно порадовались. Им все понравилось в этом празднике. И песни, и танцы, и ночные огоньки, и то, что можно стрелять из ружья. Потому что пострелять из ружья для кургов самое первое дело. С тех пор они и начали так делать. И срезание первого колоса перестало быть скучным занятием.

* * *

Я не могла пропустить такой нужный и такой веселый праздник, как хутри. Но, как вы уже поняли, Кург в наши дни был несколько иной, чем в те времена, когда бог Иггутаппа ездил в гости к брату на Малабар. И поэтому передо мной встал важный вопрос: где праздновать хутри? В «верхнем» Курге, у плантаторов, или в «нижнем», у крестьян. Как ни странно, я решила этот вопрос в пользу «верхнего» Курга. Для этого у меня были свои основания — потомки древних аборигенов Курга, которые теперь являлись плантационными рабочими, участвовали в празднике в «верхнем» Курге. Потому что плантаторы были их хозяевами. Мне захотелось посмотреть на этот странный праздничный союз и лишний раз убедиться в кое-каких своих предположениях. Лучшим местом для этого в «верхнем» Курге было имение Ченгаппов. И я отправилась туда.

Солнце достигло звезды «Рохини» только 12 декабря. А до этого в Курге все были заняты. Каждый своим делом. Мужчины ходили на охоту, поэтому я почти каждый день ела нежное и вкусное мясо дикого кабана. Женщины подбеливали и подкрашивали дома. Чистили алтари предков и подметали храмы. Горшечники разносили новые горшки, плетенщики плели новые корзины и циновки. Весь Кург готовился к торжеству. К празднику должно быть все новым и чистым. Все ждали, когда наступит день. И он наступил. С утра о его приходе возвестили цветы. Ими были украшены рамы и двери домов, они свисали гирляндами с арок установленных на тропинках и дорогах от дома к

полю. По дорогам, ведущим от деревни к деревне, шли барабанщики. Они били в барабаны и кричали:

— Собирайтесь все! Собирайтесь все! В поле созрел первый колос! Не забывайте предков! Не забывайте предков!

Ниламма Ченгаппа тоже была своего рода «барабанщиком». Она объезжала на джипе свою плантацию, останавливалась около работающих и кричала:

— Каждый день я зову вас на работу! Сегодня я зову вас на праздник! Приходите!

Рабочие реагировали по-разному. Одни хмуро отходили, другие смущенно улыбались, третьи пытались отвечать на хозяйские шутки. Ниламма была сегодня щедрой и выдала детям рабочих по рупии на конфеты.

— Вечером, — сказала она гордо, — я накормлю всех своих рабочих и слуг. Так делал каждый хозяин в Курге во время хутри испокон веков.

Испокон веков делалось в этот день в Курге все. И даже мистер Ченгаппа вдруг превратился в важную и значительную фигуру. «Фигура» эта имела сегодня ритуальный характер. Во-первых, она была старшим мужчиной, во-вторых, должна была срезать первый колос. По вышеозначенной причине «фигура» имела тенденцию выйти из повиновения у своей жены. Ниламма смотрела на это сквозь пальцы (между прочим, пальцы не мешали видеть ей многое).

Кровь воинственных предков откровенно заговорила в мистере Ченгаппе, когда он, не таясь, вошел в бар и открыл новую бутылку. Неожиданно возникшей на пороге Ниламме он спокойно объяснил:

— Сегодня все должно быть новое. Бутылка тоже.

— Если ты надерешься... — грозно начала Ниламма.

— Кто здесь хозяин? Ты, женщина, или я? — спросил он, потрясая бутылкой. И «ритуальное сияние» разлилось по его опухшей физиономии. Ниламма отступила. Ритуальная фигура была неприкосновенной, даже если эта «фигура» не очень твердо держится на ногах. Когда другой нет, согласишься и на такую. Ощущая свою временную свободу и безнаказанность, «фигура» долго ходила по двору в купальном халате, не желая надевать белую ритуальную купью. Ниламма сначала грозила ему всеми предками. Предки не произвели впечатления на мистера Ченгаппу. Тогда Ниламма

появилась с ружьем. Ченгаппа струхнул не на шутку и, быстро подобрав полы халата, юркнул в дверь своей спальни. Впопыхах он не заметил, что Ниламма держала ружье за ствол, а из такого положения не стреляют. Просто Ниламма держала это ружье под рукой, чтобы «ритуальная фигура», паче чаяния, его не забыла в самый ответственный момент.

Следующее явление мистера Ченгаппы было впечатляющим и значительным. На нем была новая белая купья, тюрбан с золотой каймой. Из-за пояса выглядывала серебряная рукоять пичекатти. Младшее поколение Ченгаппов встретило отца приветственными возгласами. Но мистер Ченгаппа, как и подобает уважающему себя кургу, не обратил на это внимания. Он важно уселся в кресло и в ожидании предстоящих событий углубился в чтение газеты.

Солнце постепенно клонилось к западу, затем исчезло за лесистой горой. Над Кургом встала нежно-опаловая закатная заря. И на этой заре время от времени расцветали причудливые гроздья разноцветного фейерверка. Фейерверк поднимался все выше и по мере угасания зари становился все ярче. Но вот в небе появилась кроваво-красная гроздь и рассыпалась золотистыми искрами. И в ответ сразу где-то забили барабаны и раздались взрывы петард. Бой барабанов нарастал, и взрывы приближались. Казалось, что невидимая вражеская армия пошла на приступ Курга, штурмуя каждую его деревню одновременно. И когда вошла полная луна и заветная звезда «Рохини» мигнула ей красным глазом, вспыхнул, как на сторожевой башне, огромный костер во дворе имения. Такие же костры загорелись по всему Кургу; у каждого дома предков. И они послужили сигналом наступающей армии. Одно из ее соединений атаковало «крепость» Ченгаппов, сломило ее и ворвалось во двор, на английский газон. Мистер Ченгаппа немедленно ретировался в бар, чтобы отметить собственное «поражение». А «захватчики» под бой барабанов устремились к костру и закружились вокруг него. Их лица были вымазаны красной и желтой краской. Они гортанно запели, кружась вокруг костра, и ритмично прихлопывали ладонями темных рук. Огонь метался по их лицам, освещая их толстые губы и широкие носы.

Костер несколько раз взорвался петардами и рассыпался синими и зелеными искрами. Люди плясали вокруг костра и тянули руки к этим искрам, к метущемуся пламени и голубому диску луны. Достаточно

было одного взгляда, чтобы понять, кем были эти люди. Они пришли из барачков и из соседней деревни. Они пришли разделить праздник со своими хозяевами, как приходили сюда поколения их предков. Эта ночь для них самих была полна важного смысла. Они танцевали и радовались. И радость их была искренней. Ибо в эту ночь на празднике своих хозяев они были главными и, по-видимому, сознавали это. Без них не появилось бы это золотистое поле, не было бы первого колоса. Их руки славно потрудились для этого. И чтобы там ни было, именно их труд принес такие чудесные плоды. И от этого они становились гордыми и свободными в эту необычную ночь.

Их праздничный ритуал был прост. Это был ритуал радости и завершённого труда, свободно выливающийся в быстром танце, в песне и огненной пляске костра. Это был ритуал тех, кто тяжело работал и вдыхал пьянящий запах благодатной и щедрой, но не принадлежавшей им земли. Земля принадлежала хозяевам, и это усложняло их ритуал. В нем участвовали духи предков и боги. И они должны были подтвердить в эту лунную ночь право светлокожих пришельцев на землю.

Священная лампа, незыблемый устой подтверждения, уже горела в канникомбре плантаторского дома. Под ней зажгли медный светильник с ручкой. Его понесут на поле. Под лампой была расстелена новая циновка. На циновке стояла, корзина, куда положат первые срезанные колосья риса. Рядом, в другой корзине был рис старого урожая. На большом бронзовом блюде лежал вареный рис вместе с бананами. В бамбуковом сосуде мясо смешали с медом и воткнули в него серп, завернутый в листья священного манго. В глиняной жаровне потрескивали раскаленные угли. На углях тлели благовония. Дым благовоний должен был отгонять злых духов от духов предков мистера Ченгаппы, от богов, которым он молился, от плодов его земли и от него самого — владельца этой земли. Но перед тем, как свершить ритуал в этой комнате, где обитали духи предков, семья села за ужин. На стол положили бананы, кокосовые орехи, поставили блюдо мяса, смешанного с медом. В эту ночь можно было есть только то, что дает собственная земля.

После ужина мистер Ченгаппа, торжественный и странно преображенный, направился, сопровождаемый всем семейством, в канникомбре. Злые духи оттуда были уже изгнаны, и семейству

Ченгаппов ничего не грозило. Вслед за Ченгаппой внесли ружье и поставили его в углу. Ченгаппа подошел к священной лампе и задумчиво на нее посмотрел.

— О, предки! — сказал мистер Ченгаппа. — И ты бог Иггутаппа! Раз в год мы идем в поле, чтобы принести домой новый рис. Устраните все препятствия с нашего пути, пока мы несем в дом новый рис.

— Полидева, — сказала Ниламма, — «пусть растет больше».

— Полидева! Полидева! — подхватили дети.

Мистер Ченгаппа подбросил зерна риса вверх, а потом осыпал ими священную лампу. То же сделали и его сыновья. Према взяла медный светильник и направилась к выходу, за ней последовал мистер Ченгаппа с ружьём. Потом родственник Ченгаппы с корзинкой, на дне которой лежал серп. За ними двинулись остальные. Процессия появилась во дворе и была встречена громкими криками танцующих.

Забил барабан, и поплыл в ночном теплом воздухе огонек светильника в руках Премы. Я посмотрела туда, где простирались рисовые поля и находилась деревня. И там плыли такие же огоньки. В ту ночь они заполонили весь Кург. Они напоминали больших светляков, порхающих на дорогах, полях и в лесах.

Под грохот барабанов процессия направилась в ту сторону, где лежали двадцать акров рисового поля. Того поля, с которого начиналось богатство Ченгаппов. Но, дойдя до дороги, все остановились. Я увидела джип и трактор с прицепом и поняла, что традиционная кургская процессия сейчас получит современное оснащение. И не ошиблась. Ченгаппы сели в джип, а рабочие в прицеп трактора. Взревели моторы, и машины тронулись. Према включила приемник, раздались звуки американского джаза. На тракторном прицепе громко и протестующе били барабаны.

У тропинки, ведущей на заветное поле, машины пришлось оставить. На несколько минут все оказались в прошлом Курге. Впереди шла Према со светильником, за ней с ружьем и в белой купье Ченгаппа, затем все остальные. Громко забили барабаны и вскрикнули флейты. Приближался торжественный момент. Там, у дальнего леса, блуждали огоньки таких же светильников и глухо били барабаны.

На поле стояли два срубленных банановых дерева. Около них поставили светильник и блюдо с едой. Рядом с блюдом зажгли еще два светильника. Серп положили тут же. Мистер Ченгаппа разбил

кокосовый орех своим пичекатти и обрызгал его молоком светильники. А потом взял серп и ловко, незабытым крестьянским движением срезал несколько колосьев. Поднял вверх ружье и выстрелил. И как бы в ответ со стороны леса раздалось подряд несколько выстрелов. Хозяева Курга стреляли, извещая всех о том, что они срезали первый колос. Они предупреждали, что ружье защитит этот первый колос и последующие.

«Полидева! Полидева!» — закричали все вокруг, и снова забили замолкшие было барабаны. А Ченгаппа стоял, держа в одной руке серп, а в другой ружье. Как когда-то стоял его далекий предок, сжимавший в одной руке серп, а в другой меч. Кургский земледелец, воин и пахарь. Символ прошлого Курга, повторенный в настоящем. Предок, на мгновение возрожденный в потомке, возникший сейчас как видение ушедших времен.

Остальные несколько снопов срезал уже кто-то другой. Пучки колосьев передавали из рук в руки, и иерава и курумба, холея и калпа украшали этими колосьями свои кудлатые головы. И казалось, что эти головы вечают перья ярких тропических птиц. Те перья, которыми украшали себя их предки, когда они еще не знали ни кургов, ни рабства. И когда еще не было праздника под названием хутри. Как и тогда, они пели, плясали и били в барабан лунной ночью. Может быть, поэтому им больше не хотелось ехать на тракторе, и они, покинув грязный прицеп, самозабвенно плясали перед медленно двигавшимся джипом. Мертвенный свет фар освещал их темные, раскрашенные лица. Танец набирал темп, становился все беспорядочнее и был теперь похож на танец-забытье. Гремели барабаны, и синеватый дым взорванных петард поднимался к ослепительной луне. И темнокожие плясуны, опьяненные танцем, уже не видели хозяина, не думали о том, что колосья риса в их руках им не принадлежат, не замечали повелительных, властных глаз хозяйки. В них что-то просыпалось, чего они сами, казалось, еще не могли осмыслить. Их широкие ноздри раздувались, а толстые губы раздвигала улыбка. Внутри каждого из них что-то зрело, непостижимо и таинственно подготовленное чередой уплывших веков, когда их предки-рабы танцевали перед феодалом. Теперь они сами, неимущие кули, танцуют перед плантатором Ченгаппой. Но делали они это иначе, чем те, которых уже нет. Они танцевали «против». Да, именно так. «Против» звучали их барабаны.

«Против» призывно пела флейта. У них не было пока ничего другого, чтобы выразить это родившееся и растущее «против». Поэтому они его танцевали. Но радость, возникшая там, у хозяйского костра, не уходила. И, соединяясь с этим «против», она обретала новое качество. Крылатое качество освобожденности. Они танцевали, и красная звезда «Рохини» светила им.

— Они дотанцуются, — сказала миссис Ченгаппа, почувствовав что-то неладное. — Они у меня дотанцуются...

Дома миссис Ченгаппа по обычаю этого праздника омыла ноги мистера Ченгаппы перед входом в канникомбре. Но делала она это рассеяннo и хмурo и о чем-то все время думала. Мистер Ченгаппа выпил традиционное молоко, а принесенные колосья поместили под священной лампой.

— Полидева! Полидева! — вновь закричали все. Миссис Ченгаппа тоже кричала. Но в ее голосе не было ни праздничности, ни хозяйской уверенности. Она делала это почти автоматически. Мистер Ченгаппа скатал из рисовой муки, смешанной с наструганным кокосовым орехом, молоком и медом, шарики — «елакки путту». Шарики были липкими и напоминали замазку. Он бросал их в потолок, и когда очередной шарик прилипал к потолку, мистер Ченгаппа говорил:

— Это тебе, Аппанна!

— Это тебе, Чиннаппа!

— А это тебе, Мутамма!

Мистер Ченгаппа кормил предков, называя их по именам. Все шарики прилипли к потолку, и миссис Ченгаппа повеселела. Духи предков приняли подношение. Теперь они, дай бог им покой, защитят все, чем она владеет...

А на следующий день, с утра, по всему Кургу снова загремели барабаны. Но звук их был жестче и суше тех, которые били накануне. Начались танцы кургов. Они были совсем не похожи на те, которые я видела в имении Ченгаппов. Это были танцы другой расы и другого народа.

Лесная поляна находилась около деревни Балугод, неподалеку от Керальской дороги в Южном Курге. Посередине поляны лежал камень, который привезли с Малабара две тысячи лет назад. Кто привез, они не помнили. Может быть, сам бог Иггутаппа, говорили они. На поляне стояло огромное ветвистое священное дерево, а под деревом

находилась платформа, сложенная из грубо обработанных камней. На платформе сидели старейшины шести деревень, собравшихся на танцы на этой зеленой, освещенной щедрым солнцем поляне. Среди старейшин находился старый вождь этого округа деша-такка. Грудь деша-такки украшала гирлянда белых цветов. Гирлянда была его отличительным знаком, знаком уже исчезающего, но еще сохраняющегося уважения к старому вождю. Деша-такка сидел прямо и гордо. Он был немножко похож на короля из старинной сказки. Около платформы молчаливо замерли человек двести мужчин в черных купья с поблескивающими рукоятями пичекатти. Мужчины были босиком, ибо поляна считалась священной. Они опирались на длинные палки, и палки были похожи на мечи. Когда-то вместо палок и были мечи. Теперь мечей нет, остались лишь палки. Но это обстоятельство не меняло сути происходящего. Казалось, мужчины собрались в дальний и опасный поход и ждут только знака своего короля в белой цветочной гирлянде. Но впечатление разрушилось, когда я перевела взгляд на противоположную сторону поляны. Там сидели женщины. Их праздничные сари, повторяя все цвета радуги, радостно и торжественно пестрели на свежей зелени травы. Рядом с женщинами примостились дети. И я поняла, что если женщины и дети рядом, никакого похода не будет. А будет что-то другое.

Молчаливые мужчины, стоявшие перед платформой, ждали знака старого вождя. Вот деша-такка поднял тонкую морщинистую руку. И в ответ на ее слабый жест загревели четыре барабана. Сухо и жестко, как перед наступлением.

— Та-та-та-та-тра.

И снова:

— Та-та-та-та-тра.

И, подхватывая их такт, воинственно запела флейта. К древнему камню выскочил легконогий тонкий кург и взмахнул руками. Беспорядочная толпа мужчин обрела стройность и порядок и превратилась в огромный круг, сразу захвативший всю поляну. Круг был правильный и строгий.

— Та-та-та-та-тра, — били барабаны.

Легко и быстро, перескакивая с одной ноги на другую, танцоры поворачивались и, каждый раз заканчивая поворот, поднимали вверх палки-мечи. Столкнувшись, палки издавали сухой ритмичный звук.

— Та-та-та-та-тра, — как барабаны.

Круг стремительно вращался и несся, но строго сохранял свой рисунок. Это было искусство. Искусство без всяких скидок. Искусство почти профессиональное, за которым стояли ночи упорного труда. Гремели барабаны, щелкали, сталкиваясь, как мечи, бамбуковые палки. Их сухой звук наполнял поляну и нес и себе отголосок более грозного и давнего столкновения. Танцоры двигались резко, но грациозно. И это странное сочетание придавало самому танцу своеобразный полет. Носки босых ступней почти не касались травы священной поляны. И от этого танцоры становились похожими на больших черных птиц. Зловещих птиц забытых войн и походов. Их руки-крылья взмывали над поляной трепетно и стремительно и плыли мгновение над ней, как будто выискивая добычу. На их лицах лежала печать отрешенности, а их немигающие по-птичьи глаза пристально рассматривали то, что вставало над этим древним камнем, выплывало откуда-то из тумана ушедших веков, но было скрыто для остальных. И то, что они ощущали, рождало в них песню. Военственную и печальную песню. Песню неотвратимую, как завещанная предками память.

И снова поднял немощную руку старый вождь. Барабаны смолкли, круг распался, и воины стали мирными земледельцами. Но не надолго. Тревожная дробь барабана опять позвала их куда-то в прошлое. И они, теперь вооруженные плетеными щитами, напоминавшими те, другие щиты, попарно ринулись друг на друга. Но ни танцевальный ритм, ни грациозность, ни легкость им не изменили. В этом ритме они расходились и снова сходились. Щелкали, сталкиваясь, мечи-палки, плетеные щиты принимали на себя их удары. Танцоры приседали, стараясь прикрыть щитами ступни босых ног. Ибо побеждал тот, кто касался палкой ступни противника.

Те, кто наблюдали за ними, не обращали внимания ни на их легкость, ни на умение танцевать. Они следили за сражением воинов и искусством воина судили танец мужчин.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда старый вождь поднял руку, извещая этим о конце танцев.

— Теперь, — сказал он, поднимаясь с платформы, — будет пир. Все вы славно потрудились и заслужили его.

По лесу раскатилась веселая барабанная дробь, и все двинулись к дому старого вождя, который и приготовил для них этот пир.

Целую неделю после срезания первого колоса курги танцевали и пировали. Потом началась страда.

Когда я уезжала из Курга, над ним стояло все то же ясное небо. Но уже не было той тишины, которая встретила меня здесь в конце ноября...

Деша-такка — вождь

Вождь был стар и мудр. Он жил в своем доме предков в Южном Курге в деревне Беллумуде и принадлежал окке Матанда. И еще он был похож на Хемингуэя. У него были светлые глаза и окладистая хемингуэевская борода. Вождь был совершенно сед, и в его глазах светилась печаль большого человеческого опыта. Он был одним из восьми подобных ему в Курге и носил титул деша-такки. Титул говорил о том, что вождь-такка управляет целой странной — «деша».

— Легко ли быть вождем в Курге? — спросила я его.

— Не знаю, — через минуту ответил он. — Но если вы меня внимательно выслушаете, то сами решите — легко или трудно.

В тот же вечер он написал для меня короткий отчет о своей стране, который я уже цитировала несколько раз выше как образец точного мышления и емкого изложения. Я забыла сказать, что старый вождь не был анахронизмом в своей «деша», каковыми теперь являются бывшие индийские раджи или же бывшие королевские семьи в Европе. Вождь продолжал управлять, и его народ продолжал в нем нуждаться.

Но откуда в современном Курге вождь? — спросите вы. Всем известно, что Кург — это дистрикт штата Карнатака. А во главе дистрикта стоит правительственный чиновник — комиссар. И есть там еще более мелкие административные единицы — талуки. Но ими управляют тоже чиновники — талукдары. Можно говорить еще о старейшине деревни. Но писать о каком-то вожде, до сих пор управляющем целой страной, — просто смешно. И кто он вообще такой?

Объясняю. Во-первых, вы забываете, что имеете дело с Кургом. Особой страной, не похожей на другие. Страной, где еще живы древние традиции, начиная от духов предков и кончая деша-таккой. Во-вторых, я не утверждаю, что от деша-такки зависит выполнение того, что зависит от правительственного чиновника. Например, сбор налогов, постройка школ и больниц, надзор за соблюдением законов,

записанных в гражданском и уголовном кодексах республики. Ко всему этому деша-такка не имеет отношения. Но тем не менее он правит. И правит неплохо. Полиции и армии у него нет. Но у него есть высокий человеческий авторитет, ясная память о кургских традициях и глубокое знание характера и психологии своего народа. И поэтому, если случается что-то непредвиденное, идут сначала к деша-такке, а потом уже к талукдару, комиссару, в полицию или суд. Но сначала к деша-такке.

Так было не всегда. Когда-то, очень давно, когда в Кург еще не пришли раджи Лунной династии, поклонявшиеся богу Шиве, деша-такка являлись в своих странах полновластными правителями, от которых зависело многое. Например, жизнь или смерть их подданных, война или мир в их стране. Но что такое страна? Кург — это страна. Откуда же взялись восемь деша-такка и каждый со своей «деша» — страной?

Испокон веков над Кургом всходило солнце. Солнце поднималось на востоке и садилось на западе. И тогда курги, согласно движению солнца, разделили свою страну на две части — на Восточный Кург и на Западный. Восточный они называли Страной Восходящего Солнца, а Западный — Страной Заходящего Солнца. Так появились в Курге две Страны. Каждый день солнце совершало свой путь над Кургом, и курги продолжали за ним наблюдать. Они поклонялись солнцу и молились ему. Поэтому волей-неволей оно всегда находилось в поле их зрения. И не только солнце, но и тени, которые возникали с его появлением и пропадали с исчезновением. Появляясь и исчезая, эти солнечные тени всё время меняли свою длину. Курги очень наблюдательные люди, и они заметили, что в разное время в разных районах страны появляются одинаковые по длине тени. Они взяли эту длину за единицу и обнаружили, что в восточной половине Страны Восходящего Солнца эта длина тени существует до 10 часов утра, в западной ее половине — до 12 часов дня. В восточной половине Страны Заходящего Солнца такая тень появляется до 4 часов дня, а в Западной ее части — до 6 часов вечера. Так в Курге появилось четыре страны, четыре деша, разделенные солнечными тенями. Но деление на этом не кончилось. Священная Кавери пересекала Кург на южный и северный. Поскольку река протекала через каждую из четырех стран, то там образовались северная деша и южная деша. Так появилось

восемь стран. И в каждой из них самая могущественная и многочисленная окка выделила из своего состава по вождю — деша-такка. Это были восемь самых прославленных окк Курга — Каллангада, Болера, Эррера, Поррера, Матанда, Будуванда, Пандира, Параденда. Потом деша-такка для лучшего управления разделили свои страны на «нады». Каждый «над» включал определенное число деревень. Количество надов в Курге время от времени менялось. Англичане сделали двадцать восемь надов, а сейчас на карте современного Курга — одиннадцать надов. Нады на карте остались, а границ деша уже не существует, ибо это не административные единицы. Но каждый деша-такка прекрасно знает границы своих владений, и карта ему не нужна. Как не нужна карта вождю, похожему на Хемингуэя.

Каждая из восьми семей, откуда веками выходили признанные вожди, до сих пор пользуется почетом и уважением кургов. И каждый деша-такка помнит историю своей окки, как помнит ее тот, кто живет в деревне Белламуде в южной части Страны Восходящего Солнца. Он помнит ее основателя и тех, кто пришел в Страну Восходящего Солнца позже него. Среди них были разные люди. Герои и предатели, храбрые и трусливые, были те, кто верно служил английским господам, и те, кто боролся против них. Были бедные и богатые, неграмотные и образованные... И если изучать историю Курга по судьбам людей окки Матанды, то можно получить об этой истории очень правильное представление. И сам деша-такка — часть этой истории. Но уже позднего периода. Свой пост и титул он принял от отца в 1919 году. Вожди в Курге были наследственными, каковыми остаются и до сих пор. До этого будущий вождь учился в английской средней школе и окончил ее. Это не помешало ему стать вождем. Но надо сразу сказать, что теперешний деша-такка последний вождь из окки Матанды. Сын у него есть, и очень хороший сын. Но в нем-то и вся загвоздка. Сын учится в колледже в Бангалуре и о том, чтобы стать вождем, слышать не хочет. Он пишет деша-такке письма, полные сыновней привязанности, но от «престола» упорно отказывается. В пользу кого? — Кого угодно, — отвечает сын. «Мне этими древними штучками заниматься некогда. Разбирайтесь сами», — пишет он. «Но никто же тебя не заставляет этим заниматься сейчас, — отвечает отец. — Я, конечно, понимаю: тебе надо учиться и сдавать экзамены.

Но ведь потом это можно сделать?» «Потом! — возмущается сын. — Потом я буду инженером и построю в Меркаре большую электростанцию». Такова его перспектива. А страной пусть правит кто-нибудь другой, ну, например, его двоюродный брат.

Деша-такка, находясь в безвыходном положении, отправился, скрепя сердце, в Мадрас и нашел племянника в университетской лаборатории. Вождь изложил ему свое предложение и сказал, что его сын отказывается в пользу своего кузена. Племянник почтительно выслушал его.

— Ну, погоди! — неожиданно рассердился он. — Я покажу этому негодяю! Взял и подставил меня! Вот сделаю его английским королем, будет знать!

И деша-такка понял, что последняя его надежда рухнула.

— Как все быстро меняется, — говорит он, но в его голосе не слышно раздражения. — Молодежь совсем другая. Никто не хочет быть вождем. Мне ведь в их годы такая мысль и в голову бы не пришла — отказаться.

Деша-такка вступил на «престол» в очень смутное и трудное для его страны время. «Смута» началась в 1886 году и к моменту воцарения молодого вождя имела все тот же печальный результат: строгий запрет покойного вождя исполнять танцы во время хутри. Покойный вождь не был самодуром и всегда соблюдал кургские традиции. Но в конце XIX века в управляемой им стране сложилось такое положение, при котором продолжение данной традиции оказалось невозможным. А случилось вот что. В последней четверти XIX века, в году 1886-м, подданные страны съехались в Бепунад, чтобы отметить хутри танцами. Пока шли обычные танцы, все было хорошо. Но вот начался «парьякали» — танец-сражение, танец-соревнование, во время которого пользуются плетеными щитами. В этом танце показывали свое искусство два соседних нада. И один из танцоров нарушил правила игры и победил соперника обманным путем. Победенный воззвал к общественному мнению своего нада. Оно сложилось в его пользу. Так же, как мнение нада-соперника было в пользу победителя. Столкновение двух противоположных мнений привело к коллективной драке обоих надов. Курги дрались долго и самозабвенно. Женщины перевязывали им раны и укладывали оглушенных под священным деревом. Никто не слушал деша-такку.

Более того, его миссия миролюбца была «вознаграждена» огромным синяком, появившимся под левым глазом уважаемого вождя. Вождь, разгневанный, покинул поле битвы и удалился в дом своих предков. А битва не затихала целую неделю. На место павших бойцов вставляли новые. Битва разрасталась и охватила почти все нады управляемой страны. Уже дрались не только на священной поляне Бепунада, но и в других местах, куда докатилась весть о происшедших событиях.

Курги дрались всю неделю, которая была предназначена богом Иггутаппой для танцев. И даже если бы в какой-то момент курги и перестали драться, то танцевать им все равно было бы не с чем. Барабаны были надеты на головы противника и от этого перестали быть барабанами. Палки-мечи были поломаны о спины врагов, а плетеные щиты были измолочены кулаками наступавших и утратили свое первоначальное назначение. Ни бог Иггутаппа, ни духи предков, ни сам деша-такка не были в состоянии вывести воинственных кургов из охватившего их экстаза боя. Экстаз этот длился вплоть до первого дня жатвы. После этого наступило затишье, и курги занялись более мирными делами. Деша-такка прикладывал примочки к синяку и размышлял о том, что можно сделать для укрощения своих подданных. И придумал. На следующий год он отменил сборища и танцы во время хутри. Правда, можно было бы послушаться, но курги, хотя и драчливые, не пали так низко, чтобы нарушать собственные традиции. Какие же танцы без деша-такки и без пиров, которые он должен был устраивать для своих подданных? Но как только об этом заговаривали с вождем, у того почему-то начинал чесаться левый глаз. И чесался до самой его смерти. Поэтому до самой этой смерти деша-такка говорил твердое «нет» танцам во время хутри. И от того, что мужчины так долго не танцевали на этом празднике, они почти перестали быть кургами. Курги остальных стран над ними смеялись. Они приглашали их в гости и предлагали вместе с женщинами посмотреть кургские танцы, чтобы они не забыли, как это делается. Пострадавшая сторона гордо отказывалась, но горечь и уныние скапливались в ней. Когда наступал очередной хутри, печаль и запоздалое раскаяние царили в стране. Вот в таком состоянии и принял «подопечную территорию» деша-такка, похожий на Хемингуэя.

Молодой вождь был смел и мудр. Левый глаз у него не чесался. И он ввел первое новшество в своей стране. Возобновил танцы во время

хутри. Перед этим он принял ряд делегаций от различных надов, и делегаты клялись больше не драться. Молодой деша-такка поверил своему народу и не ошибся. Конечно, небольших драк избежать не удалось. Курги оставались кургами. Но эти незначительные драки не потрясали основ страны и не превращались во всеобщую «смуту», как в 1886 году. Персона деша-такки оставалась неприкосновенной. Все помнили, как бывает плохо, когда у царственного вождя чешется какой-нибудь глаз.

В тот год, когда я познакомилась с деша-таккой, Бепунад отмечал пятидесятилетний золотой юбилей возобновления танцев во время хутри. Все славил мудрость и смелость старого вождя, вернувшего людям радость праздника. Некоторые даже сравнивали его с богом Иггутаппой, придумавшим хутри.

Пятьдесят лет правления деша-такки были наполнены разнообразными и полезными делами во благо подданных управляемой страны. Дела были обычные и необычные. К обычным относилось поддержание мира в стране, присутствие на танцах хутри, наложение штрафов на тех, кто отлынивал от этих танцев. И не только от танцев. Штрафовались и те, кто манкировал другими общественными обязанностями. За этим деша-такка следил строго. Праздничные пиры тоже были на ответственности вождя — не только моральной, но и материальной. И поэтому часть земель вождя пошла на уплату долгов, которые он делал, чтобы накормить и напоить во время главного праздника минимум пятьсот человек. В результате земля катастрофически уменьшалась и дошла к нашим дням до очень скромных размеров — тридцати акров. Несколько сот лет назад любой деша-такка имел возможность восстанавливать понесенные потери. Он объявлял войну соседней стране и, победив ее, привозил богатую военную добычу. Но теперь этого сделать нельзя. Иначе сам комиссар дистрикта Кург отправит его в Меркарскую тюрьму. Да, власть вождя теперь обходится дорого. А доходов никаких.

К необычным делам относятся споры, которые деша-такка, опираясь на свой богатый человеческий опыт, должен разрешать. Там, где нормальный суд оказывается бессильным, на сцене появляется старый нождь. Споры возникают все время. Они очень разные и зачастую неожиданные. Курги в этой стране оказались страшными спорщиками. Они перестали ходить на войну, перестали повергать

страну в состояние драк и смут, но не перестали спорить. В этом и заключается секрет столь продолжительной необходимости вождя в этой и других странах. И деша-такка не может пожаловаться на то, что дни, недели и месяцы его жизни протекают однообразно и серо. Иногда даже по ночам деша-такка не скучает. Вот в одну из таких ночей и раздался тревожный стук в дверь дома вождя. Стук был нетерпеливый и почти панический. Деша-такка, хорошо зная своих подданных, медлить не стал. На пороге стояла миссис Девайя. На ее плечи был накинут шерстяной шарф, а грязные туфли и забрызганный подол сари свидетельствовали о том, что миссис Девайя бежала, не разбирая дороги, по мокрой и размытой дождями земле.

— Он сейчас убьет его! — закричала она.

И, конечно, вождь не стал спрашивать: кто убьет, кого убьет и где убьет. Спрашивать об этом в Курге, значит попусту терять время. Поэтому деша-такка быстро оделся и побежал вместе с миссис Девайей по грязной и темной дороге. Бежать пришлось недолго, ибо события развивались совсем недалеко, в том месте, где поле Девайи примыкало к полю Сомайи. Оба они были родственниками и принадлежали к одной и той же окке. Поэтому и земли их находились рядом.

Но то, что увидел деша-такка, и отдаленно не напоминало родственных отношений. Девайя стоял с ружьем на перевес, а Сомайя размахивал старинным мечом. Однако что-то еще удерживало того и другого от решительных действий. Тем не менее эти действия могли начаться в любую минуту. Запыхавшийся от быстрого бега деша-такка подскочил к Девайе и ухватился за ствол его ружья. Сомайя, увидев неожиданно появившегося вождя, опустил меч и с удивлением воззрился на старика.

— Вы что?! — закричал деша-такка. — Вы что! Хотите драться?

Миссис Девайя всхлипнула где-то рядом в темноте. Ситуация явно осложнялась, и оба воина смущенно засопели. Гнев проходил, и Сомайя теперь с изумлением глядел на меч, который непостижимым образом оказался в его руке. Деша-такка пошел в наступление.

— Молчите? — насмешливо сказал он. — А все-таки, может быть, подеретесь? Давайте, давайте! Не стесняйтесь. А я уж потом по долгу службы пригляжу за обеими вдовами, и за миссис Девайей, и за миссис

Сомайей. Итак, начинайте! Возьми свое ружье, Девайя. А ты, Сомайя, не прячь меч за спину. Итак, раз, два, три — начали!

Соперники засопели еще усиленной, а Сомайя, стыдливо отводя глаза, положил меч на землю.

— Теперь рассказывайте, что произошло, — строго сказал вождь.

Перебивая друг друга, противники изложили следующее. Их поля находятся рядом, но межи между ними нет. Решено было провести межу. Девайя взял лопату и прорыл между полями канаву. Но Сомайю почему-то это не устроило. И он передвинул свою изгородь вверх по склону и отрезал самовольно от поля Девайи полосу в три фута шириной и в сто ярдов длиной. Девайя как будто почувствовал что-то неладное, отправился на поле и обнаружил самоуправство Сомйи. Он привел Сомайю на поле и потребовал от него ответа. Сомайя желаемого ответа не дал и настаивал на том, что полоса его. Девайя придерживался противоположного мнения. Оба мнения оказались настолько непримиримыми, что разгневанные спорщики бросились в свои дома за оружием. Им казалось, что именно оружие может решить их спор. Девайя ворвался в дом и схватил ружье. Вот тут-то миссис Девайя и сообразила, что надо сделать. И она опередила мужа. Поэтому, когда прибежал деша-такка, военные действия на поле еще были в самом начале.

— Значит, Девайя, — спросил вождь, — ты считаешь, что это твоя земля?

— Да, — твердо ответствовал Девайя.

— А ты, Сомайя, настаиваешь на том, что она твоя?

— Да, — последовал ответ.

— Ну вот что, — сказал, подумав, деша-такка. — Раз вы оба такие умные, что никто из вас не может толком доказать своей правоты, пусть эта спорная полоса будет общей.

— Как так? — не поняли соперники.

— А вот так, — объяснил вождь. — Полоса будет дорожкой между полями, и вы оба будете ею пользоваться. Согласны? И никому не будет обидно.

Девайя и Сомайя нашли, что это решение мудрое, и согласились. Кровавое пролитие было предотвращено. И все было бы совсем хорошо, если бы не странное поведение миссис Девайи. Хладнокровно перенеся ночной бег и страшное видение меча, поднятого над головой

мужа, она, когда все уже было улажено, тихо охнула и упала в обморок на ставшей общей дорожке. Девайя и Сомайя, изумленные этим оборотом, подняли ее и привели в чувство. Но старый вождь не удивился. Он хорошо знал, что быть женой курга — дело нелегкое и далеко не безопасное.

Во всех спорах, которые приходится разбирать деша-такке, он соблюдает два твердых принципа — справедливость и гласность. Гласность предполагает солидные свидетельские показания, устанавливающие вину. Вина эта может быть разная. Вина отдельного человека, вина целой семьи, а иногда и всей деревни. Каждая вина требует своего особого подхода, своего наказания или великодушного прощения.

Несколько лет назад провинилась целая деревня. Деревня называлась Кодунур. Ничем особым среди других она не выделялась. Разве только тем, что место, где она располагалась, было глухим, и десятки миль горных лесов отделяли ее от других деревень. Но, несмотря на это, мужчины и женщины Кодунура исправно посещали танцы во время хутри. И хотя им для этого нужно было совершить долгий путь, кодунурцы никогда не нарушали установленных традиций. Но в 1968 году случилось нечто необъяснимое. Деревня полностью не явилась на танцы. Деша-такка даже задержал их начало, так как надеялся, что кодунурцы вот-вот появятся. Но они так и не появились. И танцы состоялись без них.

Тех, кто не приходит на танцы без уважительной причины, вождь штрафует. Но оштрафовать целую деревню — такого еще не бывало. И потом надо выяснить причину неявки. Деша-такка послал в Кодунур своего разведчика. Но разведчик вернулся ни с чем. Он только смог рассказать вождю о несколько странном поведении жителей деревни. Кодунурцы оказали разведчику, по его словам, «преувеличенное гостеприимство», но от разговоров о хутри и танцах твердо уклонялись. Все, как один, при упоминании их отводили глаза в сторону и не отвечали на вопросы. Более того, вся деревня проявила в эти три дня, пока там находился разведчик, необоснованно повышенный интерес к проблемам международной политики. Кодунурцы могли только говорить и думать о ней. И в этих разговорах они проявили себя, опять-таки по словам разведчика, «экспертами высокого класса». «Эксперты» сообщили разведчику уйму

интереснейших сведений. И многие из этих сведений, как установил сам разведчик, еще не успели попасть на страницы газет и даже не прозвучали по радио. Но кодунурцам они почему-то были известны. Разведчик вернулся обратно, прекрасно подкованный по части международного положения, но в полном неведении о событиях местного значения. Вождь внимательно выслушал его.

— Послушай, — быстро прекратил он его восторги, касавшиеся «экспертов», — они просто тебе заговаривали зубы. — А почему заговаривали? — продолжал он. — Да потому, что вся деревня совершила какой-то проступок. Совершила дружно и одновременно. Но вот какой, — ты и не узнал.

Разведчик счел за благо ретироваться и не показывался целый месяц на глаза вождю.

Но даже в Курге тайное, наконец, становится явным. К вождю пришел человек, но он не был кодунурцем. И человек сказал, что он случайно оказался во время хутри в Кодунуре и все видел.

— Что же ты видел? — строго спросил деша-такка.

— Я видел, — сказал человек, — как кодунурцы совершили церемонию «поуду» на день раньше.

— Но они, видимо, ошиблись, — заметил деша-такка.

— Может быть, и ошиблись, но это не меняет дела, — ответил человек.

«А ты ябеда и шпион», — подумал старый вождь, но вслух ничего не сказал. Теперь он знал, почему кодунурцы не пришли танцевать. Они ошиблись, испугались и никому не сказали о своей ошибке. Но человека, который сообщил ему об этом, деша-такка все равно перестал уважать. Он надеялся, что со временем кодунурцы открыто признаются в своей ошибке. Может быть, так и случилось бы, если бы не неприязнь, которую испытывал деша-такка к «ябеде и шпиону».

На следующий год кодунурцы дружно появились на танцах. Но на их лицах лежала печать какой-то странной отрешенности. Они держались отдельной молчаливой группой и не смотрели людям в глаза. Вождь сразу понял, что странная отрешенность кодунурцев не что иное, как искреннее раскаяние в содеянном. «Ну что же, попробуем», — решил деша-такка.

Когда все уселись на священной поляне в ожидании танцев, он немного помедлил, а потом спросил:

— Кто-нибудь совершил поуду в прошлом году на день раньше?

Все молчали. А лица кодунурцев стали еще отрешеннее. Казалось, они все дружно выбыли из суеты и шума этого бренного мира.

«Конечно, — подумал вождь, — плохо, что они не признаются. А с другой стороны, почему они должны признаваться? Но если я их спрашиваю, то все-таки надо признаться». Ход мыслей деша-такки был явно противоречивым. Но кодунурцы и не думали помогать вождю навести в них надлежащий порядок.

— Хорошо, — сказал деша-такка. — Мистер Кариappa, вы — старейшина деревни. Вы можете мне сказать, почему в прошлом году мы не видели на танцах ни одного кодунурца? У вас что, была эпидемия?

Мистер Кариappa поднялся и публично отверг наличие эпидемии.

— Мы, — сказал старейшина, — в тот день перессорились. И даже передрались. И мы боялись, что будем продолжать драться и здесь, — и опустил глаза.

«Конечно, — подумал деша-такка, — он врет. Но ведь людям иногда бывает очень трудно признаться в ошибке. Особенно прошлой».

— Значит, — обратился он к старейшине, — вы боялись, что из-за вас случится то, что произошло в 1886 году?

— Да, да! — загалдели вдруг вернувшиеся в суету сего мира кодунурцы. — Мы боялись, что вы снова запретите танцы хутри.

Но тут поднялся тот человек, «ябеда и шпион», и снова повторил свои обвинения против кодунурцев. Кодунурцы сникли. А деша-такка неожиданно рассердился. Но так и не понял — то ли на себя, то ли на «шпиона», то ли на упрямых кодунурцев.

— Одного свидетеля недостаточно, — сказал он. — Кто еще знает, что кодунурцы ошиблись в прошлом году?

Но никто не знал, кроме них самих.

— Свидетельство не действительно, — вынес приговор вождь.

— Что же нам теперь будет? — робко спросил мистер Кариappa.

— Ничего! Танцуйте! — и злорадно посмотрел на «ябеду и шпиона».

Так деревня Кодунур, благодаря мудрости и великодушию вождя, избежала наказания и даже штрафа.

Проходят праздники, наступают будни. Но у вождя не убавляется работы. Он разрешает споры между деревнями, между соседями, между родственниками, между женами и мужьями. Те споры, с которыми в суд не пойдешь.

Я зашла к старому вождю перед моим отъездом из Кургa.

— Кажется, у меня сегодня спокойный день, — сказал он. — И мы проведем его в приятной беседе.

Но в это время в деревенскую тишину вторглись какие-то посторонние звуки. Они неотвратимо приближались, и уже можно было различить слова.

— Иди! Иди! Это ты дома такой смелый!

На дороге, ведущей к дому деша-такки, показались двое. Мужчина и женщина. Мужчина покорно, но несколько замедленно, шел впереди. А женщина толкала его кулаками в спину и кричала свое: «Иди! Иди!»

— Кажется, у меня сегодня спокойный день... — повторил деша-такка, задумчиво глядя на приближавшуюся пару и теребя свою хемингуэевскую бороду.

Вот теперь посудите сами: легко ли быть в Курге пождем?

Зернышки на ладони

Я держу на ладони горсть обгоревших рисовых зерен. Эти зерна посадили и собрали пятьсот лет назад. Пятьсот лет назад они горели вместе с домом предков, который принадлежал окке Аджикуттира и стоял в деревне Чикамундур. Горсть зерен, закопченные стены зернохранилища и разрушенный фундамент дома предков — все, что уцелело от той страшной ночи 1470 года. От страшной, но памятной. Пожалуй, история, которую я сейчас собираюсь рассказать, не является ни выдающейся, ни особенно интересной для Курга тех дней. Возможно, она была самой обычной и не оказала никакого влияния на ход общей истории Курга. Там случались вещи и поинтересней. Но она необычна особой сохранностью памяти о ней. Памяти, живущей в этих обгоревших зернах, волнующей до сих пор членов окки Аджикуттира, обитающих в Курге в 70-х годах XX века.

Как вы поняли, история произошла очень давно. Кургом еще не правили раджи Лунной династии, пришедшие из Майсура. Весь Кург в те времена был разбит на множество владений, враждовавших между собой. И многие семьи тоже враждовали между собой. Аджикуттира враждовала с оккой Мукаттира. Но в год 1470-й наступил сезон охоты. А в этот сезон для коллективной охоты объединялись вместе многие семьи, даже те, которые были врагами. Получилось так, что мужчины окк Аджикуттира, Мукаттира и Маченгада отправились совместно в лес. Они хотели убить тигра. Ибо убийство тигра с давних времен в Курге приравнивалось к героическому подвигу. В честь того, кто это сделал, совершалась особая церемония. Деревни всего нада собирались на священной лесной поляне. Жители нада должны были знать о содеянном. Перед появлением на поляне герой совершал ритуальное омовение и надевал белую купью, как на свадьбу. Его сопровождали музыканты. Они били в барабаны и играли на флейтах. Родственники шли вместе с виновником торжества. А он был впереди всех и нес копье или меч, которыми он убил тигра. Все, кто собирались

на священной поляне, осыпали героя рисом, дарили ему подарки, оказывали ему всяческое внимание и пели в его честь хвалебные песни.

Славный трофей, сильный тигр
Висит на бамбуковых стволах.
Рядом сидит победивший его.
Слава герою-победителю!
Слава матери, его родившей!
Лицо героя повернуто на восток,
Туда, где восходит солнце.
Пусть подойдет первой
Гордая мать героя.
Пусть первая бросит рис,
Пусть первая напоит его молоком,
Пусть первая подарит ему
Золотую монету предков.
Пусть сын коснется ступней ее,
Пусть примет ее благословение.
Пусть остальные — друзья и враги,
Родственники и соседи —
Последуют примеру матери героя.

В его честь они танцевали на священной поляне. На пиру герой сидел на самом почетном месте под священной лампой, зажженной в честь предков. И титул героя оставался за ним всю жизнь. Каждый мужчина из трех семей, отправившихся на охоту, мечтал убить тигра и стать героем.

Им повезло. Они выследили тигра и шли три дня по его пятам. Тигр, почуяв неладное, петлял по густым лесам, забираясь на крутые склоны, стараясь оторваться от преследователей. Охотники были измотаны, но каждый из них ревниво наблюдал за другими.

Ибо каждому хотелось, чтобы его копье, а не другого, чтобы его меч, а не другого, принес смерть сильному и хищному зверю. Каждый хотел быть героем. Никто не желал делить славу с другими. На четвертый день следы тигра привели их к горной реке. У реки следы обрывались. Охотники поняли, что хищник пересек поток.

— Надо продолжать преследование, — сказали мужчины окки Мукаттира.

Окка Маченгада с ними согласилась. Но охотники из окки Аджикуттиры молчали. За рекой начинались их владения. И густой лес, который стоял у реки, принадлежал им.

— Почему вы молчите? — спросили их.

— Мы упустили тигра, — неохотно ответили они. — Наши леса такие густые и так много в них скал, что преследование продолжать бесполезно.

— Мы не согласны с вами! — закричали мужчины из окки Мукаттиры. — Вы всегда были трусами, а не охотниками! С вами ни одна порядочная окка не дружит!

Мужчины Аджикуттиры схватились за копья. Их было больше, чем тех, кто их оскорбил. Потому что их окка была самая многочисленная в наде и имела шестьсот человек. Перевес был явно на стороне Аджикуттиры, и остальные не стали с нею связываться. Мужчины Аджикуттиры перешли реку и остановились на том берегу.

— Это наши владения! — кричали они оттуда. — Каждого, кто перейдет реку, мы убьем!

— Но тигра выследили мы все вместе! — отвечали им. — Тигр вам не принадлежит! Он общий!

Однако охотники Аджикуттиры не обращали внимания на эти доводы. Они выставили у реки дозорных, а сами углубились в свои владения. Через неделю весь над облетела новость: Аджикуттира выследила тигра и один из них его убил. Героя будут чествовать на священной поляне послезавтра.

И тогда окка Мукаттира и окка Маченгада собрали совет. Совет был бурный и продолжительный. На совете было высказано много мнений и внесено немало предложений. Иногда эти мнения и предложения отрицали друг друга. Но это было уже неважно. Все сходились в одном: церемонии чествования допустить нельзя. Аджикуттира завладела тигром бесчестно. Он равным образом принадлежал всем трем семьям. Но помешать церемонии — значит нарушить традицию, установленную предками. Этого никогда не простят. Можно, конечно, убить виновника торжества. Но ведь все мужчины окки Аджикуттира ответственны за случившееся. Одна

жизнь — слишком незначительная плата за содеянное. И тогда поднялся старейшина Мукаттиры.

— Я думаю, что за этот поступок должна понести наказание вся семья, включая женщин и детей. Женщины — за то, что они живут с такими мужьями. Дети — за то, что из них потом вырастут такие же бесчестные обманщики. Мы пойдем войной на Аджикуттиру. И если нас поддержит Маченгада, то мы перебьем этих трусов и лжецов.

Но старейшина кое-что преувеличил и в этом преувеличении был не прав. Гнев стал его советчиком, поэтому старейшина легко отступил от истины. Все знали, что мужчины Аджикуттиры — не трусы. Они были храбрыми воинами и искусными охотниками. Иначе бы они не убили тигра.

Поднялся старейшина Маченгады. Его окка не враждовала с Аджикуттирой. Его окка была просто обижена на Аджикуттару из-за тигра.

— Мы не можем идти войной на Аджикуттиру, — сказал он. — У нас для этого нет сил. Каждый из вас видел их дом предков. Это настоящая крепость, которая выдержит долгую осаду. Мужчины этой окки — хорошие воины. Они перебьют нас. Но я согласен, что мы должны предпринять что-то против них. Ночь и внезапность — на нашей стороне. Напасть можно тайно. Я против открытой войны с Аджикуттирой. Собравшиеся внимательно выслушали обоих старейшин. Они сочли совет второго из них более мудрым. Совет решил: мужчины Маченгады и Мукаттиры в ночь накануне церемонии нападут тайно на дом предков Аджикуттиры и сожгут его. Так «провинившаяся» окка была приговорена к смерти через сожжение. За привилегию убить тигра и за титул героя окка должна была заплатить высокую цену жизнями шестисот ее членов. По тем временам цена была нормальной, и в том, что жизни людей определяли ее полновесность, не было ничего необычного.

Решение держалось в строгой тайне. За разглашение ее тоже была назначена цена — жизнь разгласившего. Именно поэтому, наверное, никто так и не узнал о смертном приговоре целой окке. Естественно, не узнали об этом и сами приговоренные.

После захода солнца вся многочисленная семья отправилась на покой, не подозревая о том, что завтра восхода она не увидит и что долгожданная церемония так никогда и не состоится. И только

маленький Ачунанпа, который капризничал с самого вечера и заставлял няньку выходить с ним во двор, избежит этой страшной участи.

К монументальному, как крепость, дому Аджикуттиры вело три прорубленных в горном склоне траншеи. Поэтому враги и подкрались к дому тремя отрядами. Это произошло после полуночи, когда на темном небе стоял холодный и сверкающий, как взмах меча, народившийся месяц. Враги, легкие и бесплотные, как тени, окружили обреченный дом. Но дом молчал, и в его окнах не светилося ни единого огонька. Где-то залаяла собака. Ей отозвалась другая.

— Уймите псов, — приказал кто-то.

Через мгновение короткий, но истошный собачий визг возвестил о выполнении приказа. Неожиданно в доме открылась дверь, и на пороге показалась женщина. Она держала в одной руке глиняный масляный светильник, другая легла успокоительным жестом на голову хнычущего малыша. Не заподозрив ничего, женщина с малышом направилась куда-то в глубь двора.

— Пора начинать, — сказал тот же голос. — А то как бы вся семейка не отправилась на ночную прогулку. От них всего можно ожидать.

— Она оставила открытой дверь, — заметил другой.

— Она хорошо предупредила нас, отозвался третий. — Дверь надо запереть снаружи. Чем-нибудь припереть, чтобы никто не выскочил.

Со двора доносились хныканье малыша и голос уговаривающей его женщины.

Несколько человек бесшумно внесли на веранду дома массивное бревно. Они осторожно уперли один его конец в толстые двери, другой — в крепкую ограду веранды.

В доме было по-прежнему тихо. Многочисленная семья спала и не подозревала, что принесенное врагами бревно в этот момент уже перестало быть обычным стволом дерева, а превратилось в неизбежность, странным образом соединившую их жизни с неотвратимостью приближающейся смерти. И сам этот ствол и был их смертью и их приговором.

— Факелы, — раздался тихий, но повелительный голос.

Во всех трех траншеях почти одновременно вспыхнули смолистые дымящие огни. Их пламя кровавого оттенка вырвало из темноты

безмолвный дом, похожий на крепость, и застывшую в немом испуге фигуру женщины, прижимавшей к себе малыша. Малыш уже не хныкал, а расширенными глазами смотрел на это странно движущееся в ночи кровавое пламя. Женщина, казалось, потеряла способность к движению. Ее фигура напоминала в этот момент каменное изваяние. Но это был только момент. Очень короткий. Потом невидимый и стремительный вихрь подхватил обоих, и они безмолвно растворились в темноте за зернохранилищем. Факелы в стреляющем полете устремились к соломенной крыше крепости. Кровавые ручейки их пламени поползли по соломе. Быстро разрастаясь и сливаясь, они превратились в бушующее море огня. Огонь поднялся к темному небу и стал на дыбы над домом предков Аджикуттиры, как расвирепевший желтый тигр. По гигантскому телу огненного тигра плыли черные полосы жирного дыма. В одном из окон дома затрепетал маленький и беспомощный огонек, потом послышались шум и глухие удары в запертую дверь.

— Всем уходить! — раздался повелительный голос.

Черные фигуры врагов, как тени, бесшумно скользнули в темноту, слились с ней и стали невидимыми. Они оставили за собой треск и неистовство пламени и душераздирающие крики людей.

Женщину с малышом они настигли на лесной дороге совсем недалеко от горящего дома. Она несла дрожащего и плачущего мальчика на руках и поэтому не могла идти быстро. Страх и усталость сковывали ее шаг. Их она заметила поздно, сделала отчаянную попытку уйти в сторону, в заросли высоких кустов, но ее схватили.

— Отвечай, кто ты? — повелительно спросили ее.

— Я нянька, — ответила женщина и заплакала.

— Значит, этот щенок — один из Аджикуттиры? — И сильные руки протянулись к мальчику.

— Нет! Нет! — закричала женщина, загораживая собой мальчика. — Это мой сын! Мой собственный сын! Это твоя мать? — твердый палец больно ткнул мальчика под ребро.

Мальчик почему-то перестал плакать и согласно кивнул головой.

— Ишь ты! Он не из пугливых! — засмеялись в темноте.

— А ты, женщина, не лжешь? — в вопросе прозвучала снисходительная подозрительность.

— Нет, нет, я не лгу, — заторопилась женщина. — Это мой сын. Мой единственный сын. Отпустите меня!

— Что вы в конце концов привязались к женщине, да еще ночью, — рассердился кто-то. — Отпустите ее.

— Оставьте ее! — раздалось повелительное. Женщина быстро нырнула в темноту. Она шла всю ночь, держа путь к Майсуру, где жили ее родственники. Единственный уцелевший член окки Аджикуттиры подремывал у нее на руках. Через двадцать лет он вернется в Кург и даст начало новой окке Аджикуттира. Птица-феникс прошумит над ним своими вещими крыльями. Ибо он совершит чудо воскресения из пепла от века, предназначенного ей.

Всю ночь пылал огонь в месте обиталища Аджикуттиры. Багровое мнящееся зарево стояло над лесом, где мужчины окки убили тигра, погубившего всю семью. Перед рассветом поднялся сильный ветер, и пламя с догорающего дома предков перебросилось на зернохранилище, служебные помещения и алтарь предков. Когда горело зернохранилище, дым, вырывающийся из него, был черен и горек, как сама бедственная ночь лета 1470 года. Ночь, которая прервала существование окки Аджикуттиры на целое поколение. Рисовое поле, где когда-то были собраны зерна, сгоревшие пятьсот лет назад, расположено все в том же месте. На поле стоит гранитный квадрат алтаря. Если вы захотите узнать, как выглядел Ачунаппа, сходите к этому алтарю. Там вы увидите каменную стелу, на которой высечен барельеф. Он сделан несколько грубовато но все существенное передает. На барельефе — воин со щитом и копьем. Лицо воина мужественно и властно. Но в нем есть какая-то странность, которая не вяжется ни с мужественностью, ни с властностью. На лице воина навсегда остались глаза того мальчика, которого уносила в памятную ночь по лесной дороге нянька. Они как будто освещены чем-то изнутри. Потому что вот уже несколько веков в этих мальчишеских глазах воина бьется и не гаснет страшный огонь горящего дома предков.

Ачунаппа построил новый дом, похожий на крепость, рядом со сгоревшим. Он ничего не тронул из того, что было на его месте: остатки фундамента, толстый слой пепла и уцелевшая каменная лестница, ведущая к этому фундаменту. Так все и сохраняется до сих пор — мемориал окки Аджикуттира, ставшей пеплом. А рядом —

полуразрушенное зернохранилище. И в нем, как в храме, день и ночь горит над обуглившимися черными зернами медный светильник. Он горит уже несколько веков и будет гореть до тех пор, пока останется в живых хоть один человек Аджикуттиры.

Я держу на ладони обгоревшие зерна. Зерна, которые будут здесь хранить, пока существует дом предков Аджикуттиры. Ибо эти зерна заключают в себе живую память о случившемся. В камне память становится мертвой. В зерне, даже обугленном, она продолжает жить и жечь. Я держу эти зерна, и мне начинает казаться, что сама история Курга напоминает эти живые зерна, обожженные в костре Времени...

«...На третий раз я не вернулся»

Неподалеку от Меркары, чуть в стороне от дороги, у самого леса, стоит каменная плита. «Дважды я ходил на мусульман во имя раджи, — высечено на ней, — но на третий раз я не вернулся». Плита эта — памятный камень, один из тех, которые воздвигали в Курге и честь воина, погибшего вдалеке от дома. «...На третий раз я не вернулся». Ни имени, ни даты, ни места гибели. Просто и ясно — «не вернулся». Откуда не вернулся? С горного перевала на границе, который он оборонял вместе с другими от «вторгнувшейся в Кург армии мусульманского правителя? Или с того сражения, когда горстка кургов пыталась своей кровью спасти жизни обманутых вождей? А может быть, из того страшного плена, которому он предпочел смерть? Но камень молчит... Две фразы — это все, что он может сказать потомкам. Только две фразы. Это так мало, но и так много. Так мало слов и так много человеческих судеб и событий за ними...

Немногословность бывает очень емкой. Эту емкость порождает драматизм происшедшего и боль памяти о нем. Поэтому я смело могу назвать эту плиту „памятным камнем одного из наиболее драматических периодов история Кургa. Того периода, когда курги воевали с сильными мусульманскими владыками соседнего могущественного государства Майсур.

Это только драматическая страница. Трагическую страницу Кургa открыли те, кто впоследствии сжег и разграбил павшую столицу мусульманских правителей — Серингапатнам. Об этом придется сказать позже. А сейчас — о мусульманах из Майсура. И не только о них, но и о раджах из Кургa, начало династии которых положил уже упоминавшийся в этой книге проповедник из того же Майсура.

Раджей называли майсурскими лингаятами, или приверженцами бога Шивы. Проходили десятилетия и даже века, и раджи превращались в настоящих кургов. Они женились на кургских женщинах, и в жилах их детей текла кровь воинственных и

простодушных людей. Постепенно эта кровь вытеснила остальную, так же как духи предков и „дьявольские“ танцы вытеснили воспоминания об иных верованиях и боге Шине. Раджи постепенно забывали язык каннара, ибо их родным языком становился кодагу. Их дети, родившиеся в Курге, никогда не видели Майсура и не испытывали к этой стране, лежащей за горами, ни ностальгических чувств, ни чувств сыновней привязанности. Раджи, правившие Кургом с XVII века, были очень властолюбивыми. Их семьи дрались между собой за престол, время от времени претенденты убивали любимых родственников и даже детей, делили Кург и воевали с могущественными и непокорными кургскими кланами, каждый из которых в любой момент мог поставить на престол своего раджу. Иногда власть раджи становилась действительно прочной, и вожди кланов склоняли перед ней свои упрямые головы. Но это случалось редко. Чаще раджа бывал на положении „первого среди равных“ и играл роль крупнейшего феодала этой горной страны. Феодалы помельче и победней подчинялись ему неохотно, перечили ему и ссорились с ним, как со своими соседями. Кург раздирала феодальная усобица, и мужчины чаще брались за меч, чем за серп.

Курги привыкли к постоянным войнам и набегам и не мыслили себе жизнь без них. Они легко объявляли войну кому угодно, быстро собирались на нее и устремлялись на врага в предвкушении богатой добычи. Если они так поступали со своими, то с чужими затеять войну им ничего не стоило. И они затевали, Правда, сейчас трудно сказать, кто первый совершил набег: Кург на Майсур или Майсур на Кург. Фактом остается лишь то, что к моменту воцарения в Майсуре в 1763 году мусульманского владыки Хайдара Али отношения между обеими странами были напряженными, если не сказать враждебными. Фактом остается то, что силы обоих противников были несоизмеримы,

Хайдар Али и его сын и преемник Типу Султан, прославили свои имена мужественным сопротивлением английским завоевателям. Но не нужно забывать и того, что они были феодалами, вели завоевательные войны и пытались расширить свои территории за счет более слабых соседей. Находившаяся рядом маленькая горная страна привлекала их внимание, и они были не прочь присоединить ее к своим владениям. Курги не собирались присоединять к себе Майсур, им это было не под силу. Но, будучи кургами, они не останавливались

перед набегами на владения могущественного соседа и пощипывали их, не углубляясь далеко в эти владения. С границ Майсура они гнали скот, везли награбленные сокровища, приводили пленных. Вряд ли эти набеги послужили причиной ответных рейдов конницы Хайдара Али в Кург. Он предпринимал их из других соображений. Ему хотелось узнать, что собой представляют курги и сколько нужно потратить времени, чтобы их „присоединить“. Он вел разведку набегами. Вот тогда курги и начали объединяться в отряды, которые, скрываясь в лесах и уходя под защиту горных перевалов, оказывали существенное сопротивление армии Хайдара Али. Многие из них уходили и больше не возвращались. И только плиты памятных камней напоминали людям о не пришедших домой.

Правление двух кургских раджей Мудду и Муддайи, сидевших на престоле четыре года — с 1766 по 1770 год, может считаться началом серьезных столкновений с армией Хайдара Али. Мудду и Муддайя были кузенами, и правили страной дружно и согласно. Хотя их было двое, они не стали делить Кург, потому что он был достаточно поделен и без них. Кузены, начавшие борьбу против Хайдара Али, умерли почти одновременно — в один год. Четыре года Кург не имел раджи, потому что претендентов оказалось слишком много, и ни один не хотел уступать другому. В борьбу за престол включились крупнейшие окки Курга. Борьба изматывала их и обессиливала, но никому из них не дала существенного перевеса. И тогда во имя власти в Курге совершилось первое большое предательство. Лингараджа, брат Мудду, обратился за помощью к Хайдару Али. Рейды в Кург сделали правителя Майсура крайне осторожным. Но теперь сама судьба посылала ему прекрасные возможности. От не совсем удачных рейдов можно было перейти к вмешательству во внутренние дела Курга. И вмешательству почти „законному“. Ведь Лингараджа был членом кургской Королевской семьи. А в Курге необходимо было навести порядок. У Хайдара Али хватило на это сил.

В 1774 году Лингараджа Первый был посажен на кургский престол. Курги роптали и косились на эмиссаров Хайдара Али. Они обвиняли Лингараджу в предательстве, но не знали еще размеров последствий этого предательства. Пока Лингараджа правил Кургом, Хайдар Али не очень беспокоил страну. Все, что ему нужно было, он делал руками кургского раджи, который забыл о достоинстве и

независимости Курга. Он преданно смотрел в глаза могущественного соседа и пользовался его помощью, справляясь с неугодными и непокорными соотечественниками. Как личность Лиигараджа был незначителен. У него были мелкие черты лица, глаза всегда глядевшие куда-то в сторону. Он не прославил свое имя яркими делами. Он был скучен и неинтересен как человек. Он был сер и пасмурен, как кургский осенний дождь. И так же как дождь, шелестящий по увядающим листьям, он шелестел словами, а мысли, заключенные в этих словах, расплывались и стекали, как мутные струйки дождевой воды. Эти мысли всегда были неясными и неопределенными. И конечно, незначительными, как незначителен был сам раджа. Значительным было только его предательство. Он умер в 1780 году при очень странных обстоятельствах. Но никто не стал выяснять эти обстоятельства, ни курги, ни сам патрон Хайдар Али. У последнего не было даже для этого времени. Хайдар Али спешил. Не успел рассеяться дым от погребального костра раджи, как он ввел армию в Кург. Она пробилась к Меркаре и заняла форт. Меркарский форт был самой большой крепостью в Курге, и владение им означало господство над горной страной. В Меркаре Хайдар Али оставил сильный гарнизон и своего губернатора. Губернатор немедленно обложил кургов высоким поземельным налогом. Отряды армии Хайдара Али скакали из конца в конец Курга и забирали то, что считали принадлежащим их правителю.

Хайдару Али нужны были деньги. Много денег. Он вел изнурительные войны против английской армии, стараясь отстоять независимость Майсура. В 1780 году он начал вторую войну против них. Во имя этой независимости он подавлял независимость других. В этом состояла драматическая противоречивость происходящего. И эта противоречивость давала англичанам большие преимущества. Хайдар Али считал завоевание Курга оконченным делом. Но все-таки он чувствовал себя там беспокойно. Поэтому в одну из ночей у дворца покойного раджи появился отряд всадников...

Свет факелов освещал лица прибывших. Ехавший впереди офицер спешился и в сопровождении двух солдат молча вошел во дворец. Солдаты оттолкнули слуг, пытавшихся загородить вход. Все трое прошли в правое крыло, где размещались покои двух мальчиков-принцев, сыновей раджи. Старшему из них — Вирарадже было

шестнадцать лет. Появление солдат с факелами разбудило принцев. Старший, почувствовав опасность, загородил собой младшего.

— Собирайтесь, — приказал офицер.

— Куда? — спросил испуганный Вирааджа.

— Не твое дело! — ответил офицер. — По высочайшему повелению султана Майсура. Собирайтесь живее!

Две оседланные лошади ждали их у ворот дворца. Принцев везли всю ночь, а потом еще день. В конце дня, когда горы Курга остались позади, на равнине показалось приземистое здание незнакомой крепости.

— Что это? — спросил Вирааджа офицера.

— Перияпатна, — ответил он. — В этой крепости будете жить.

— Долго? — поинтересовался младший.

— Может быть, всю жизнь.

Их поселили в этой крепости. Через некоторое время они узнали, что являются заложниками Хайдара Али. Стража, находившаяся в крепости, была слишком многочисленной для двух кургских мальчиков.

Кажется, Хайдар Али сделал все, чтобы обезопасить себя в Курге. Оба наследника престола находились в заточении в далекой крепости. А по Кургу ползли слухи, что их обратили в ислам, и они уже потеряны для собственной страны. В Меркаре стоял сильный гарнизон, и отряды майсурской конницы быстро подавляли вспышки недовольства.

Губернатор правил Кургом властной рукой, и дань с завоеванных земель регулярно поступала в казну правителя. Хайдар Али не беспокоился за Кург даже тогда, когда умирал. Его сын и преемник Типу Султан, умный и энергичный, тоже поначалу не беспокоился. Беспокоились курги. Они не привыкли подчиняться военной силе, кому бы она ни принадлежала. Независимые и свободолюбивые, они не желали покорно расставаться с тем, что взрастили на своих полях. В многочисленных кланах, затаившихся в домах предков, зрело недовольство. Священные лесные поляны перестали быть местом действия кургских церемоний. На них собирались старейшины семей и деревень. Они разрабатывали планы нападения на вражеский гарнизон. По Кургу скакали гонцы от одного нада к другому, от деша к деша, от Страны Восходящего Солнца к Стране Заходящего Солнца.

Они пробирались по глухим тропинкам через горы и леса. Они несли вести. Тревожные и призывные. Мужчины точили копья и чистили мечи. В кузницах ковали лошадей. Женщины копили съестные припасы. Возле домов предков появлялись новые, глубоко прорытые траншеи. Кург забыл на время об усобицах и стал готовиться к большой войне. Может быть, самой большой за время его истории.

День и ночь скакали по дорогам Курга гонцы, И двери каждого дома были открыты им днем и ночью. Гонцы везли приказы вождей. Восемь деша-такка договаривались о совместных действиях. И договорились. Может быть, впервые за всю историю Курга. И наступила ночь конца 1782 года. По всему Кургу зажглись костры. Но это были не веселые огни хутри. Это был сигнальный огонь. Призыв к началу. По всему Кургу тревожно забили барабаны. Но они звали не танцевать. Они несли весть о выступлении. Стража в Меркаре с крепости видела эти огни и слышала доносившийся издали бой барабанов. Но солдаты решили, что начался праздник хутри. Когда они поняли свою ошибку, было уже поздно. Кургские кони ворвались в крепость, кургские мечи начали свое дело. К утру все было кончено. Гарнизон был полностью перебит.

...На узкой улице Серингапатнама под гонцом пала третья лошадь. Он с трудом освободил ногу из стремени и пешком добрался до дворца Типу Султана. Стража долго не хотела пускать пропыленного, в изорванной одежде человека. Офицер, выслушавший его сбивчивые объяснения, наконец, дал разрешение. Гонец упал на пороге тронного зала.

— Кург! — прокричал он. — Кург!

— Что Кург? — недовольно нахмурился Типу Султан, выпятив полную нижнюю губу.

— Кург восстал. — Последние силы покидали гонца. — Гарнизон перебит. Уничтожен полностью. — И замолк.

— Уберите! — приказал Типу Султан, показывая на тело, распростертое на узорчатом полу.

Наутро из Серингапатнама выступила армия и запыхалась в направлении синих гор мятежного Курга. Но там армию уже ждали. У перевалов были засады. Дороги были перерезаны. Легкие конные отряды кургов бесстрашно устремились на передовые части армии Типу Султана. Армия двигалась по враждебной ей территории и несла

большие потери. До Меркары она не дошла. Ее основательно потрепанные части, с трудом ориентируясь в лесных завалах и лабиринте каменных скал, еще долго с боями пробивались к спасительной майсурской границе. И долго еще в Курге горели костры и били барабаны, возвещавшие победу.

Там, где сила терпит поражение, действуют хитростью. Типу Султан был умен и коварен. В достижении своей цели он не останавливался ни перед чем. И хотя в то время он уже стал знаменем антианглийской борьбы, но на этом знамени, как и на солнце, были свои пятна... Типу Султан знал, какую роль играют в Курге восемь вождей. Устранить их — значит обезоружить кургов, хотя бы на время. А это время может принести ему выигрыш. Но просто так голыми руками вождей не возьмешь. Нужна ловушка. Еще от отца Типу знал, что курги славятся своей военной честностью, прямолинейностью и простодушием.

Правитель Майсура просил вождей Кургга прибыть на переговоры с ним в местечко Бхагамандала недалеко от майсурской границы. Это будет удобно и вождям, и ему, побежденному владыке. Переговоры будут носить мирный характер, поэтому брать оружия не надо. Типу Султан готов выслушать условия вождей, предъявить свои и обсудить те и другие во благо обеих договаривающихся сторон. Так сказал и написал Типу Султан. И ему поверили. Поверили и курги, и их вожди. Не поверили только несколько человек. Не более десяти. Они добровольно вызвались сопровождать вождей к месту переговоров. Они же отказались оставить оружие дома, как это сделали доверчивые вожди. Но это оружие не спасло ни вождей Кургга, ни их добровольную охрану. Все они были уже обречены, как только копыта их лошадей ступили на дорогу, ведущую к Бхагамандале. Они прибыли в назначенное им время, ибо привыкли держать данное слово. Но, подъезжая к дому, где должны были проходить переговоры, они почувствовали что-то неладное. Еще не веря в то, что может случиться, они продолжали приближаться. Около дома они не заметили ни паланкина майсурского правителя, ни людей его свиты, оживления, которое обычно царит, когда блистательный правитель Майсура приезжает куда-нибудь. Он поняли, что Типу Султана нет, но надеялись, что он появится — не сегодня, так завтра. Дом молчаливо смотрел на них пустыми проемами окон, и в этом было что-то

тревожное. Несколько солдат, видимо, мусульман, прогуливались около дома. Они о чем-то говорили и пересмеивались, но не обращали внимания на прибывших. Неожиданно из-за кустов, окружавших дом, блеснуло дуло французского мушкета. Они поняли, что попали в ловушку, но поняли это слишком поздно.

— Нас предали! — крикнул самый старый вождь.

Их добровольная стража была перебита в несколько минут. Стражей было слишком мало для такого боя. А их самих со связанными за спиной руками погнали куда-то солдаты. Так восемь кургских вождей попали в плен к Типу Султану. Из плена вожди, обманутые и преданные „договаривающейся стороной“, не вернулись. Там, в жаркой долине Майсура, одни из них умерли от горя и позора плена, другие не перенесли насильственного обращения в ислам. Мятежный и непокорный Кург был обезглавлен. Вот тогда-то Типу Султан и начал его „успокаивать“. Майсурская армия вторглась в Кург, и Типу Султан сам командовал ею. Потерявшие организацию и руководство курги сопротивлялись отчаянно, но безуспешно. Типу Султан начал расправу с мятежными кланами. Запылали дома предков, посевы риса гибли под копытами вражеских лошадей, в безнадежных схватках умирали лучшие воины Курга. Победители не щадили ни стариков, ни женщин, ни детей. Разрушения и пожары оставались за спиной вторгнувшихся отрядов. И до сих пор, как безмолвные свидетели тех страшных времен, стоят поросшие лесами и кустарником развалины бывших родовых гнезд, руины деревень и даже маленьких городков. До сих пор они напоминают об отваге независимых горцев и жестокости их покорителей. Понимая, что удержать Кург в повиновении — дело трудное, Типу Султан разделил маленькую мятежную страну на округа. Во главе каждого округа поставил правителя. Гарнизоны четырех крепостей — Меркары, Фрейзерпета, Бхагамандала, Беппунада держали кургов в повиновении. Солдатам был отдан приказ стрелять без предупреждения. Чем больше кургов будет убито, тем лучше.

Мусульмане-правители захватывали поля кургов, а самих их превращали в рабов. Привыкшие повелевать, независимые горцы вынуждены были повиноваться. Типу Султан „хотел уничтожить кургов полностью, — пишет в своей книге кургский историк и

этнограф Ганапати, — и создать в Курге мусульманское княжество“. Думаю, что Ганапати прав. Все шло к этому.

Через три года курги снова восстали. Они бесстрашно атаковали все четыре крепости. Они не думали о том, чем это может кончиться. Они отстаивали свою честь и независимость, свои дома предков и поля. Они защищали своих жен и детей. Они не рассчитывали и не хитрили. Они шли на врага и гибли в схватках с ним. Но восстание было обречено на неудачу. Вновь в Курте появились армии Типу Султана. Одну из них кургам удалось разбить. Но другая все-таки занялась искоренением мятежников.

„Возьмите всех кургов в плен, — приказал разгневанный Типу, — и пригоните в мою столицу. Ибо пока на этой земле останется хоть один из них, Кург будет сопротивляться. Я сделаю из кургов добрых мусульман. Пусть забудут о своих раджах. Теперь я падишах Курга“.

Говорят, в плен взяли пять тысяч — значительную часть населения. Всех взять не удалось. Курги сами сжигали свои дома и уходили в леса и горы. Над Куртом полыхало зарево пожарищ. И в его багровых отсветах шли через страну пять тысяч пленников — мужчины, женщины, старики, дети. Они покидали свою страну и шли туда, на чужбину, в жаркую долину, где не было ни гор, ни лесов, ни прозрачных рек. Они тянулись бесконечной вереницей, подгоняемые солдатами армии Типу Султана. И Кург провожал их в скорбном молчании. Он ничем не мог помочь тем, кто был его частью и его жизнью. Они уходили все дальше и дальше, туда, к майсурской границе.

Растянувшись на многие мили, они шли по размытым дождями лесным тропам, спотыкались о камни горных перевалов. Мужчины несли на себе ослабевших от усталости и голода стариков. Женщины гнулись под тяжестью детей, у которых были изранены ноги. Многие остались там же, на этих горных и лесных тропках. Не все дошли до, майсурской границы. Им не разрешали хоронить мертвых, не разрешали брать заболевших. Стаи черных ворон, собравшиеся со всего Курга, были единственными, кто провожал это бесконечно трагическое шествие пленников майсурского правителя и невольных изгнанников собственной земли. Вороны кружили над ними, ожидая своей добычи. А пленникам казалось, что это духи их предков провожают их в изгнание. Они протягивали черным птицам

оставшиеся куски пищи. Они в последний раз кормили духов предков, отдавая им все, что у них было. Воронье карканье, как погребальная песня, провожала их еще живых, а птичьи траурные крылья бедой шумели над ними...

Только несколько сот изгнанников вернутся потом той же дорогой. Это произойдет спустя четырнадцать лет, когда столица падишаха — последний оплот антианглийского сопротивления — падет под мечом чужеземного завоевателя. Того завоевателя, который сделает с Кургом то, что не удалось гордому Типу Султану. И вольно или невольно завоевателю в этом помогут сами курги и их честолубивые раджи.

Никогда над Кургом не стояла такая тишина, как после этого трагического исхода. Но в этой тишине и молчании продолжал жить и действовать неукротимый кургский дух.

...Темной безлунной ночью 22-го дня Маргашира, что соответствует декабрю 1788 года, Вирааджа, наследник кургского раджи бежал из крепости Перияпатна, где он провел в заточении восемь лет. Принца сопровождал небольшой конный отряд кургов, который и перебил стражу. К рассвету отряд перешел границу Курга, но двинулся не к центру страны, а устремился в обход — на юг, туда, где высился горный хребет Брахмагири. В горах принцу было приготовлено убежище, которое стало почти на год тайной столицей Курга. Узнав о бегстве Вирааджи, падишах пришел в ярость. „Немедленно разыскать и доставить ко мне“, — полетел в Кург высочайший приказ. Типу Султан понимал, что с бегством Вирааджи обезглавленный и обескровленный Кург получил „голову“. Трудно сказать какую, но все-таки голову. Голову необходимо было „изъять из обращения“. Шпионы майсурских правителей наводнили Кург. Но никаких утешительных известий от них не поступало. Вирааджа как в воду канул. Весь Кург был наполнен слухами, один фантастичней другого. Но один из них был упорен и потому, видимо, правдив: раджа вернулся в Кург. Шпионам правителя это ничего не давало: место пребывания молодого раджи по-прежнему было неизвестно. Так оно оставалось неизвестным до момента, когда сведения о нем уже потеряли свой смысл. Курги не выдали своего раджу, потому что после потери старых вождей раджа стал для них знаменем, вокруг которого объединились уцелевшие. И это знамя противостояло мусульманскому падишаху.

1789 год начался для майсурских наместников несчастливо. Участились нападения на их отряды. Собственные солдаты роптали. Привыкшие к жаркому климату долин, они с трудом переносили холод дождливых сезонов Курга. Им не нравились горы, а разреженный воздух плохо действовал на их здоровье. Многие из них были давно оторваны от родных мест и годами не видели родственников. Дисциплина в отрядах падала. Отряды враждовали друг с другом из-за добычи. Правители округов ссорились между собой из-за того же и не желали друг другу помогать. Они грабили кургов и утаивали награбленное даже от падишаха. Правители были недовольны падишахом. Они чувствовали себя беспокойно в этой мятежной стране, а падишах не желал присылать новых подкреплений. Он готовился к третьей войне против англичан, и каждое соединение у него было на счету. И когда стало известно о том, что отряд одного из правителей наголову разбит кургами, остальные не поспешили на помощь. Они приготовились к обороне и выжидали. Потом настала очередь каждого из них, и результат был тем же самым. Кургские отряды, сражавшиеся во имя раджи, наносили поражение за поражением мусульманским наместникам. И разбитые отряды этих наместников стали откатываться к майсурской границе. Многим из них уйти не удалось. Курги перекрыли перевалы и заняли на них удобные позиции. Солдаты падишаха гибли под градом рушившихся на них камней и умирали в ущельях, из которых не было выхода. И вновь Кург был очищен от завоевателей. Но и новый раджа и молодые вожди понимали, что это ненадолго. Армия упрямого и властного Типу Султана может вновь пройти Кург огнем и мечом. И тогда уцелеет еще меньше кургов, чем в год печального исхода. Все понимали, что курги не смогут третий раз противостоять сильной и хорошо обученной армии падишаха. В одиночку Кургу с ней не справиться. Надо искать союзников. И тогда в игру на кургской сцене была введена третья сила, о которой сами курги имели весьма неясное представление, но которая находилась в состоянии войны с ненавистным им Типу Султаном. Этого было достаточно, чтобы сделать выбор. Третья сила, вступившая в игру после 1789 года, принадлежала чужеземной державе и называлась английская Ост-Индская компания. Ее армия, завоевывая Индию, рушила последний оплот национального сопротивления на юге. Этим оплотом был Майсур. От третьей силы Кург не спасли ни сигнальные

костры, ни бой барабанов, ни собственные раджи, ни воинская доблесть. Сила была неотвратима, как рок. Но когда недальновидный Вирараджа решил заключить союз с Ост-Индской компанией, об этом в Курге еще ничего не знали. В первый же момент этого союза независимость свободолюбивого Кургa была уже приговорена к смерти. Открылась самая трагическая страница его истории.

Вечные свидетели

Сначала несколько документов. Подлинных исторических документов и даже со ссылкой на источник [\[5\]](#).

Документ первый.

Соглашение

Заключенное Робертом Тэйлором, эсквайром, шефом и т. д., фактором Телличери от имени почтенной объединенной, английской Ост-Индской компании, с одной стороны, и Алору Вирааджей Кургским — с другой. Год 1790-й.

1. Надежная и вечная дружба будет существовать между договаривающимися сторонами, пока светят солнце и луна.

2. Типу Султан и его сателлиты будут считаться общими врагами договаривающихся сторон, и в ходе войны, которой сейчас заняты англичане, раджа Курга сделает все, что в его силах, чтобы сокрушить врага, и позволит английским войскам в любое время пройти через его владения, с тем чтобы они имели возможность проникнуть во вражескую страну с этого побережья; более того, он снабдит их продовольствием, которое имеется в стране, по умеренным ценам, и присоединится к английской армии с силами, которые он может предоставить для любой операции, проводимой в горах или на территории Типу Султана.

3. Раджа предоставит компании преимущество в покупке по доступным и умеренным ценам таких товаров, которые производятся в его стране, и по возможному желанию Компании не позволит никакой другой европейской державе вмешиваться в свои дела.

4. Английская Ост-Индская компания сделает все, что в ее власти, чтобы обеспечить его, Кургского раджи, независимость от Типу, так же, как были обеспечены другие правители, входившие в союз с Компанией, и когда бы ни наступил мир, она будет

настаивать — в качестве реализации соглашения — на том, чтобы раджа Курга считался другом и союзником почтенной Компании и не подлежал бы власти или контролю Типу, от которого он будет объявлен полностью независимым.

5. Если семье раджи или семье кого-либо из его подданных в это беспокойное время придется искать убежища в Телличери, Компания встретит их у подножия гор и переправит их в сохранности в Телличери под охраной сипаев, где они найдут убежище и будут защищены от неприятностей; им будет предоставлен дом на время проживания в Телличери, и семьи будут возвращены в сохранности по первому требованию. В подтверждение вечной дружбы, которая будет существовать между договаривающимися сторонами и которую ни одна из них никогда не нарушит, мы совместно призываем Бога, Солнце, Луну и весь мир быть свидетелями нашего соглашения и взаимного доверия.

Документ второй ^[6]

Свидетельство

Я подтверждаю и удостоверяю:

1. Что раджа действительно включился в войну и снабжал Бомбейскую армию под моим командованием большим количеством зерна и скота, без которых войска оказались бы в крайне бедственном положении и за которые раджа до сих пор не склонен брать никакой денежной компенсации.

2. Что никаких намерений вмешиваться во внутренние дела страны раджи у Компании нет; заверяю, что свобода во владениях князя принесет счастье его народу.

Подписано мною и скреплено печатью в Кананноре в день 31-й марта месяца в год нашего Господа 1793-й Роберт Эберкромби.

Документ третий ^[7]

Объявление войны Кургу

Поведение раджи Курга долгое время носило такой характер, что сделало его недостойным дружбы и покровительства. Беспечный в отношении своего долга правителя и небрежный в отношении своих обязательств зависимого союзника Ост-Индской компании, он был виновен в бесчинствах и жестокости к своим подданным и проявил

весьма злонамеренное неуважение к властям и крайне враждебную позицию по отношению к первым, от которых он и его предки видели так много доброты и покровительства.

Нет необходимости перечислять все примеры его плохого поведения, достаточно отметить некоторые. В связи с тем, что было предоставлено убежище на британской территории его собственной сестре Деваммаджи и ее мужу Чинна Басаваппе, которые в целях сохранения своих жизней бежали от его (раджи. — *Л.Ш.*) преследований, раджа прислал письмо, наполненное самыми оскорбительными выражениями, губернатору форта св. Георгия и генерал-губернатору Индии; он занимает враждебную позицию по отношению к Британскому правительству; он принимает и поощряет известных врагов этого правительства; он несправедливо заключил в тюрьму старого и преданного слугу Компании Кулпутти Карникара Менона, который был направлен в качестве английского представителя для проведения дружественных переговоров, таким образом, совершил великое надругательство не только над властями, которыми вышеупомянутое лицо было направлено, но и над установленными правилами, соблюдаемыми всеми цивилизованными нациями и являющимися священными для всех.

Старинному союзу и крепкой дружбе, которые столь счастливо существовали между предшественниками настоящего раджи и достопочтимой Компанией, нанесен им (раджей. — *Л.Ш.*) непростительный ущерб. Самые горячие усилия, направленные на то, чтобы вернуть ему чувство долга, оказались тщетными. Дальнейшее проявление терпения было бы преступным, поэтому Его превосходительство генерал-губернатор совместно с губернатором форта св. Георгия решили, что единственным средством является лишение княжества суверенитета и учреждение для жителей Курга справедливого и беспристрастного правительства.

В соответствии с вышеизложенным британская армия движется к территории Курга. Вирааджендра Водейяр больше не считается раджей Курга. Безопасность и собственность всех тех, кто будет себя вести мирно или помогать операциям британских войск, будет гарантирована; будет установлена такая система правления, которая обеспечит счастье народа.

Все британские подданные, находящиеся на службе Вирааджендры Водейяра, должны уйти под защиту британских властей, которыми они будут приняты и которые охранят их права и привилегии. Те из них, которые будут помогать врагу, будут считаться предателями и понесут соответствующее наказание.

Издано в Бангалуре 15-го дня марта месяца 1834-го года.

Д.С.Фрейзер, лейтенант-полковник и политический агент.

Документ четвертый^[8].

Прокламация

об аннексии Курга

Принимая во внимание единодушное желание жителей Курга быть взятыми под защиту Британского правительства, Его превосходительство генерал-губернатор имел честь передать территорию, управляющуюся Вирааджендрой Водейяром, достопочтимой Компании.

Жителей извещают о том, что они больше не подлежат туземному управлению, что их гражданские права и религиозные чувства будут уважаться и что самым большим желанием Британского правительства является обеспечение их безопасности, удобства и счастья.

Д.С.Фрейзер, лейтенант-полковник и политический агент.

Ставка в Меркаре 7 мая 1834 года.

Если сгруппировать эти документы хронологически, то получается следующая картина. Первый и второй документы относятся к более раннему периоду — 1790—1793-м годам. Третий и четвертый принадлежат более позднему, а именно 1834-му году. Между ними — временной отрезок в сорок один год. Если вдуматься в смысл этих документов, то первый и последний настолько противоположны по своему смыслу, что фактически отрицают существование один другого. Первый документ является договором о союзе, дружбе и независимости, подписанном обеими договаривающимися сторонами, — раджей Курга и Ост-Индской компанией. Подтвердить незыблемость провозглашенных в первом документе принципов призваны вечные свидетели: бог (у каждого свой), солнце, луна и, наконец, весь бранный мир. Эти свидетели были поставлены кургской стороной и принадлежали только ей. Это были самые высокие и

воистину самые вечные свидетели, когда-либо существовавшие в Курге. Ни один кург не смел нарушить свою клятву перед ними. У Ост-Индской Компании таких свидетелей не было, и она воспользовалась теми, которые ей предоставила «другая договаривающаяся сторона». В последнем документе эти свидетели уже не фигурируют, так же как не фигурирует и «другая договаривающаяся сторона». Последний документ повествует о факте завоевания Курга и потере им независимости. В данном случае свидетели были не нужны. Такие вещи лучше делать без них.

Временной отрезок в сорок один год вместил трагедию Курга, наполненную кровавыми событиями, предательствами, тщеславием раджей, беспомощностью народа, обманом и коварством одних, мужеством и бескорыстием других. Эти противоположные качества, проявленные разными людьми, сливаясь воедино, давали некую таинственную среднюю. И эта средняя несла в себе неотвратимую тенденцию — неизбежность потери независимости.

Первый документ был подписан Вирааджей в 1790-м году. Тем Вирааджей, который бежал темной ночью из заточения, а потом руководил изгнанием из Курга отрядов Типу Султана. Тем Вирааджей, который в поисках союзников обратил свой благосклонный взор на английскую Ост-Индскую компанию и щедро предоставил в ее распоряжение «вечных свидетелей»: бога, луну, солнце, весь мир. Как удостоверяет второй документ, одними вечными свидетелями дело не обошлось. Вирааджа снабдил Бомбейскую армию Компании, наступавшую на Майсур, продовольствием, фуражом, лошадьми. Все это играло более существенную роль в отношениях между «союзниками», нежели вечные свидетели.

Начиналась третья англо-майсурская война. Через Кург к Майсуру потянулись английские войска. Курги впервые видели на своей территории чужеземных солдат. Они провожали их удивленными взглядами и что-то им в них не нравилось. Но они знали, что чужеземные поиска — их союзники, и давали им все необходимое. Войскам был отдан строгий приказ вести себя лояльно по отношению к кургам, ибо от этой горной страны зависит их победа там, в долине Майсура, где лежал богатый город Серингапатнам. Солдаты стремились к нему. Головорезы и мародеры, они смогли выполнить

приказ, потому что судьба сулила им более крупную добычу. Курги сравнивали их с солдатами Типу, и сравнение было в пользу первых.

Вирааджа принимал в своем дворце английских офицеров, преданно заглядывал им в глаза, учился у них солдатскому жаргону, пробовал их диковинные напитки: мадеру, ром и джин. Ему хотелось им во всем подражать. Эти сильные чужеземные покровители вызывали у него искреннее восхищение. Вместо кургской одежды он стал носить нанковые панталоны, английскую рубашку и английские туфли. Он был доволен своими «союзниками», своим мундиром, выбором и собой. С этими бравыми ребятами в офицерских камзолах он чувствовал себя спокойнее даже в собственной стране. Теперь он не боялся смут, враждебности сильных кланов, не боялся возможных претендентов на престол. Он верил чужеземцам и надеялся на их защиту. Для раджи все складывалось как нельзя: лучше. Он принимал английских офицеров у себя, и он был гостем главнокомандующего генерала Роберта Эберкромби. Но, несмотря на все это, в отношения менаду англичанами и Вирааджей время от времени возникали кое-какие досадные недоразумения. После третьей англо-майсурской войны Ост-Индская компания заключила мир с Типу Султаном. Этот мир был временной передышкой для обеих воюющих сторон. Типу Султан стал наводить порядок в своих владениях. Кург он по-прежнему считал «подопечной риторией» и потребовал с Курга ежегодную дань в двадцать четыре тысячи рупий. Раджа, конечно, отказался платить. Ост-Индская компания любезно приняла этот расход на себя. Она не выплатила Типу Султану ни одной рупии, но с Курга потребовала всю сумму полностью. Вот тогда раджа впервые и почувствовал что «союзник» поступил нечестно. Но в положении раджи этому особого значения придавать не приходилось. Он и не придал. Потом, когда он стал кое-что понимать, было уже поздно.

В это же время назревали иные события, которые полностью поглотили внимание раджи. В 1799 г. началась четвертая и последняя англо-майсурская война, которая кончилась падением Серингапатнама и гибелью самого Типу Султана. За несколько месяцев до этого английское командование предложило радже приготовить продовольствие для солдат, которые пойдут через Кург на Серингапатнам. Так раджа второй раз открыл свою страну для

чужеземных войск. Типу двинул армию к границам Курга, чтобы дать там решительный бой англичанам.

Раджа выехал в английский военный лагерь. В сопровождении офицеров он поднялся на гору Сиддесвара, откуда открывался вид на долину. Вся долина была усеяна красными, зелеными, желтыми палатками, а среди них возвышался белый шатер Типу Султана. Майсурская армия стояла у ворот Курга. Раджа выслал в помощь «своим союзникам» отряд. В сражении у границ Курга Типу потерпел поражение. Раджа видел этот бой и пришел в восхищение от действий английских солдат. Но восхищение длилось недолго. Типу, используя растянутость коммуникаций Бомбейской армии, вторгся в Кург. Кургам вновь пришлось самим защищать свою территорию. От дальнейшего продвижения армии Типу в глубь страны их спасло только то, что Типу получил известие об осаде английскими войсками Серингапатнама. Он ушел из Курга, чтобы никогда туда больше не вернуться. Бомбейская армия отправилась к Серингапатнаму, а вместе с ней и кургский отряд.

В мае 1799 года Серингапатнам пал. В Кург пришло известие о гибели ненавистного Типу Султана. Раджа ходил гордый и упивался победой, как будто он сам ее одержал. Меркара салютовала из двадцати одной пушки в честь «союзников». Английские генералы устно и письменно благодарили раджу за всяческую помощь. Генерал Флloyd, как заправский гид, водил раджу по своим батареям. Он подарил радже драгунскую саблю. Генерал Гаррис преподнес ему одну из лошадей, принадлежавшую Типу Султану. Генерал-губернатор, лорд Уэллсли, прислал меч с гербом Ост-Индской компании. Раджа стал героем четвертой англо-майсурской войны. В гоме победных салютов, и пьяных криках офицерских попоек, в дешевых почестях, сыпавшихся на него, он не сразу понял, что остался теперь один на один с дорогим «союзником», которому принадлежала почти вся Индия. И выбора больше не было. Они стояли лицом к лицу — Ост-Индская компания, покорившая большую страну, и маленький горный Кург. Английский генерал-губернатор и раджа. У генерал-губернатора не было необходимости спешить ни с Кургом, ни с его раджей. Он знал, что участь их обоих после падения Серингапатнама решена. Но генерал-губернатор любил порядок и вовсе не собирался потворствовать вольным и воинственным наклонностям кургов. Он быстро дал понять радже, что его, генерал-губернатора, эти

наклонности не устраивают, и он будет их пресекать. Эти недозволенные наклонности показал кургский отряд, участвовавший во взятии Серингапатнама. Видя, как английские солдаты грабят завоеванные территории и не считая себя хуже их, курги совершили набег на пограничный с Кургом район. О набеге стало известно английским властям. Полковник Берри Клоз направил радже письмо следующего содержания: «Лорд Морнингтон, — писал рассерженно полковник, — перевел меня в Серингапатнам как комиссара Майсура, о чем вам должно быть известно. Ко мне пришло донесение, что пять дней спустя после падения Серингапатнама ваши люди совершили разбойный набег на район Махараджадурга и награбили в семнадцати деревнях женщин и детей, коров и телят, золото и серебро, рис и посевное зерно и унесли все это за границу. Я прилагаю список награбленных вещей. Со дня падения Серингапатнама Майсур принадлежит Компании, а Махараджадурга принадлежит Майсуру. Поэтому нет разницы между Майсуром и Компанией. А вы союзник Компании. Поэтому я прошу вас без проволочек вернуть все, что обозначено в списке. Список вещей, награбленных в дистрикте Махараджадурга: женщин — 67, мужчин — 31, мальчиков — 11, девочек — 10, коров — 1383, буйволов — 574, быков — 834, телят — 121, денег — 729 пагод, серебряных украшений — 82, серебряных браслетов — 36, коралловых ожерелий — 27, серебряных поясов — 63, золотых серег — 54 пары, бронзовых блюд — 215, медных сосудов — 93, ружей — 67, коней — 6, овец — 155, ножей — 95, серпов — 96, топоров — 90, железных цепей — 7, узлов с одеждой — 72»^[9].

Это письмо не было похоже на те поздравительные и благодарственные письма, которые присылали радже высокие английские чиновники и генералы. Это был приказ раздраженного хозяина провинившемуся подчиненному. Это было прямое указание на то место, которое надлежало занять отныне Кургу и его радже. «Союзник» соглашался только на младшего партнера. Ни о каком равенстве речи не было. Но радже казалось, что еще не все потеряно. Он думал, что если все объяснить как следует, если обо всем напомнить, досадное недоразумение рассеется, и ему принесут обычные в этом случае извинения. Он взял английскую голубую бумагу с водяными знаками, склеил листы в свиток, Получилось не менее пяти метров. Этого было достаточно, и он сел писать ответ. О

помощи кургов английской армии он писал слишком подробно. Такая мелочность ему не нравилась самому. Это было не в его, курга, характере. К тому же все это походило на оправдание виноватого. А он не считал ни себя, ни тех, кто совершил набег, таковыми. Но его возмутило скрупулезное перечисление награбленного в письме полковника. Осведомленность его ставила раджу в тупик. И крайне раздражала. Когда курги кормили прожорливых английских солдат, то не считали, сколько мешков риса и сколько голов скота они при этом потеряли. Они не считали, сколько это стоило. Они не просили за это денег. А эти посчитали даже медные сосуды и узлы с одеждой. Ни один порядочный человек не обратил бы на это внимание. Разве обращали внимание на то, сколько золота и драгоценностей награбили английские солдаты и офицеры, когда пал богатый Серинтапатнам? Нет, в письме полковника было явно что-то не так. Но вежливость требовала на него ответить, и раджа отвечал. Что сделали его люди? Разве они захватили британскую территорию? Они взяли только то, в чем нуждались сами. Например, женщин. Когда люди Типу Султана угнали пять тысяч кургов в плен, среди них было много женщин. Теперь женщин в Курге не хватает. Разве можно вернуть тех, кого они похитили в Майсуре? Курги на них уже женились и не могут без них жить. Он так и написал: «не могут без них жить». Что же касается остального, то раджа не может заниматься тем, чтобы отбирать какие-то браслеты, кувшины и серьги... У самого же раджи нет денег, чтобы уплатить компенсацию за награбленное. Ибо раджа потратился на Бомбейскую армию. «Я служил Компании, — продолжал он, — с самого начала войны в надежде иметь дело с друзьями и заслужить их уважение». Раджа заполнил все пять метров свитка. Но тревога не покинула его.

Гонец ускакал со свитком в Серингапатнам. Оттуда он не привез ни ответа, ни извинения. Серингапатнам молчал, как молчат, когда не желают иметь дела с кем-то, не заслуживающим внимания. Раджа метался в своем дворце, кричал на слуг и не хотел принимать министров. Чувство неуверенности, которое возникло в тот вечер, когда он писал письмо длиной в пять метров, теперь сгущалось и разрасталось, как туман на горах в дождливый сезон. Туман оседал тяжелыми каплями подозрительности и беспричинной тоски. Подозрительности по отношению ко всем: к «союзникам», к

приближенным, к родственникам и к собственной жене, к вождям, к старейшинам кланов. На границах Кургa было тихо. Войны отшумели и ушли. Но эта тишина и спокойствие напоминали радже о затаившейся засаде, когда молчаливые охотники ждут удобного момента, чтобы прикончить загнанного зверя, которого они обложили. Тишина и спокойствие порождали у него безотчетный страх и давящее чувство безысходности. Тогда он поднимался на дворцовую крышу и смотрел на свою страну. Отовсюду с границ на дворец наступали горы, они запирали всех, кто жил здесь, не выпускали за свои пределы и скрывали за собой то, что не имело ни выхода, ни спасения. Он помнил, что когда-то горы были иными. Они укрыли его после бегства из заточения, они дали ему выход и надежду. Теперь они утратили эти качества и стали враждебными, как тишина, которая стояла за их синими пиками. Однако враждебны не только горы, но и люди. Он перебирал в своей памяти многих из них и не находил ни верного друга, ни преданного слуги. Те же, на которых он надеялся больше всего, дружбу с которыми он скрепил своей королевской печатью, теперь молча наблюдали за ним из-за этих гор и не отвечали на его письма. А если это иногда и случалось, то их ответы были вежливы, и в них сквозило пренебрежение, которое было трудно перенести. В этих редких ответах не было обычных уверений в дружбе. Теперь уверения были им не нужны. Если что случится, они не придут на помощь. Теперь он один. Один против гор и людей. Но если затаившуюся враждебность гор он не может преодолеть, то с людьми дело обстоит иначе. Он докажет им, кто он такой, Вирааджа! Они должны знать, что ни один раджа не сделал столько для Кургa, сколько он. Он прошел через плен и страдания. Он воевал с Типу. Он отстоял свободу Кургa. Отстоял ли?

Тишина за горами становится невыносимой. Солнце уходит за острые пики. На дворец напoлзает темнота. Давящая и осязаемая. Темнота обреченности и безысходности. Темнота таит неизвестную опасность, и он ощущает перед ней страх и беспомощность. День не приносил облегчения. Казалось, почва уходила у него из-под ног, и ему не на что было опереться. У него не было даже сына-наследника. Четыре дочери и ни одного сына. Кто займет престол после его смерти? Но, может быть, не все еще потеряно? И бог благословит его сыном? Бог... Он тоже против него. Все боги. И все духи предков. Они

не отвечают на его вопросы и не берут еду, которую он им дарует. Они не хотят ему помогать. Тогда он поможет себе сам. Он уничтожит своих врагов. Тех, кто ими является, и тех, кто ими может стать. Всех. Высокомерные английские генералы и чиновники тогда поймут, с кем имеют дело. И возможно, это оттянет неминуемую развязку.

Он теперь отчетливо понимал, что его судьба и его жизнь прочно привязаны к чужеземной Ост-Индской компании. Его судьба и жизнь зависят от воли и милости этой силы. Он был не в состоянии разрубить этот узел, который он сам помог им завязать. Только преданность этой силе и уничтожение собственных врагов в самом Курге могут спасти его, как раджу. В этом он был твердо убежден. Он начал с врагов. Начал несмело, но постепенно входил во вкус. К одним он подсылал убийц, других открыто казнил, обвиняя их в заговорах против раджи и его «союзников».

Но не все в Курге думали и поступали, как раджа. Многие понимали, что Ост-Индская компания затягивает петлю, которой опутала Кург. В 1806 году знатный кург Найяру поднял знамя антианглийского восстания. Повстанцы ушли в леса, и вызванные спешно английские отряды не смогли с ними справиться. Обреченный Кург оставался Кургом. Предателем был только его собственный раджа. Это по его приказу хитростью и обманом был захвачен главарь повстанцев. Захвачен и выдан англичанам. В награду раджа получил от них благодарственное письмо. Но английские отряды ушли, а раджа остался один на один со своим народом. Он знал, что ему не простили его предательства и необоснованной верности сомнительным «союзникам». Он знал, что пострадавшие от его руки кланы затаились и выжидали. Он уже не доверял ни одному кургу. Он не доверял даже себе. Казни и убийства продолжались. В 1807 году умерла его жена, а вместе с ней и надежда на наследника — сына. По примеру мусульманских владык, раджа завел гарем и выписал из Майсура евнухов. Евнухам хорошо платили, и они спешили показать свою преданность радже. Евнухи не были связаны с кургами. Они сторожили только их женщин. На них можно было положиться. Гарем был единственным местом, где раджа чувствовал себя в безопасности. Ночами, когда наступала давящая темнота, он устраивал там оргии. Евнухи пили с ним английский ром и джин, но службу несли исправно. Ночами женская половина дворца освещалась факелами.

Оттуда доносились музыка, пение, пьяные выкрики. Но евнухи сторожили только женщин, и поэтому днем раджа оставался без надежной охраны. Кургский отряд был не в счет. Нужна была другая охрана. Такая же чужая Кургу и такая же надежная, как евнухи.

Рабы из Африки прибыли в Индию на одном из кораблей Ост-Индской компании. Рабы были предоставлены в распоряжение раджи. Он одел их в форму и вооружил. Они стояли теперь у его покоев, в коридорах, где он проходил, во дворе, откуда он вечерами смотрел на дальние горы. Рабы стояли отчужденно бесстрастные, готовые ринуться на любого, если хозяин прикажет. Кургская стража была выселена за ворота дворца.

По Кургу ползли зловещие слухи о делах, которые происходили во дворце. Африканская стража сопровождала раджу в поездках по Кургу. Только она была надежна. А в кургской страже уже зрел заговор. Среди офицеров стражи было немало тех, чьи родственники были убиты по приказу раджи. Но не зря раджа наводнил Кург своими шпионами. Ему донесли о готовящемся на него покушении. Однако он предоставил событиям развиваться своим путем. В ночь, когда его должны были убить, он положил в свою кровать куклу в одежде раджи. Триста заговорщиков были беспрепятственно пропущены во дворец. Они ворвались в покои раджи и начали рубить мечами куклу. Они почему-то не сразу обнаружили, что это кукла. Когда это им стало ясно, они поняли, что оказались в ловушке. Они пытались прорваться за ворота дворца, но ворота были заперты. Африканская стража, заняв удобные позиции, начала в упор расстреливать мечущихся по мощеному двору заговорщиков. Сам раджа стрелял в них из окна. Ствол его английского ружья раскалился, а он все стрелял и стрелял в эту ненавистную темноту, наполненную криками и стонами. Он стрелял еще и тогда, когда все было кончено. Его никак не могли остановить. Африканец вырвал у него ружье. Раджа рассмеялся. И смех его был странен и надрывист. Так смеются безумные. Утром первые лучи нисходящего солнца осветили трупы трехсот павших кургов. Кровь текла по камням двора. Она текла, написал свидетель, «как сильный ливень в дождливый сезон».

На следующий день раджа приказал уничтожить семьи заговорщиков. Мужчин убивали, а женщин отдавали африканской

страже. Стража превратилась в палачей. Их отряды носились по Кургу, подобно неумолимой смерти, и творили суд и расправу.

Дворец лихорадило. Раджа то впадал в глубокую меланхолию, то пускался в разгул. Ночью он боялся оставаться один. По ночам во сне духи сотен убитых им кургов собирались вокруг его кровати, стонали и грозили ему. Раджа просыпался в холодном поту и бежал раздетый по дворцовым переходам. Днем, когда духи исчезали, его начинал мучить страх за жизнь своих дочерей. Одна из них должна занять его трон, но он не знал, доживет ли она до этого. И тогда он поднял руку на своих братьев. Они казались ему главными претендентами на престол. Он считал, что братья охотятся за его дочерьми. Он перевозил девочек с места на место, стараясь надежно их укрыть. Наконец это ему надоело, и он послал палачей в Аппагалла и Халери к Аппаджи и Лингарадже. Он приказал им доставить во дворец головы братьев. Ночью к нему явились «духи убитых», но братьев среди них не было. Он понял, что не все потеряно. Он выскочил из спальни.

— Гонца! Скорей гонца! — хрипло закричал он. — Пусть вернут палачей!

Подковы лошади звонко простучали по камням двора, и безмолвные стражи открыли ворота перед гонцом. А через час они открыли ворота другим. Два высоких негра прошли в покои раджи и церемонным жестом вытряхнули перед ним мешок. Голова младшего брата Аппаджи с деревянным стуком покатилась по каменным плитам к ногам правителя. Раджа стал пятиться от этого страшного трофея, но голова медленно катилась в его сторону. Он наткнулся спиной на стену, закричал и, медленно оседая, повис на руках подоспевших палачей.

Придя в себя, он заперся в покоях, никого к себе не пускал и ни с кем не хотел говорить. Временами багровый туман безумия застилал ему глаза, и он начинал новые казни и новые убийства. Когда безумие уходило, он плакал, звал убитых и писал их семьям извинительные письма.

Слухи о том, что происходит в Курге, стали просачиваться за его пределы и достигли ушей почтенной Компании. Безумие раджи ее интересовало мало, ей нужно было убедиться лишь в его лояльности. Для этого в Кург был послан английский врач мистер Инглидью. Появление доктора в Курге было неожиданным для раджи. Он испугался, что придется давать отчет в содеянном. У него теперь не

было выхода. Страх сковал его, и он боялся начать какой-либо разговор с доктором. Дважды он пытался с собой покончить. Но мистер Инглидью оба раза спас его от смерти, чтобы заверить в том, что Компания не имеет к нему претензий. Раджа окончательно успокоился, когда губернатор Мадраса прислал ему письмо, подтверждавшее позицию Компании. Но дни раджи были уже сочтены. Приступы безумия сменялись меланхолией и безучастностью. В 1809 году его не стало.

Однако болезнь, носителем которой он был, оставалась во дворце кургских раджей до самого их конца. Эта болезнь была неизлечима, и никакие доктора не могли ей помочь. Более того, она разрасталась и обострялась. Чувство обреченности и близкого конца порождало то же безумие, которое темным облаком накрывало столицу Курга и дворец раджей. И никто из этих раджей так и не смог из него вырваться. Малолетняя дочь Вирааджи, Деваммаджи, занимала трон всего два года. Брату покойного раджи, Лингарадже удалось завладеть им уже в 1811 году. Убийства и казни продолжались так же, как продолжалось и раболепие перед сильным «союзником». Лингараджа еще отчетливее, чем его брат, понимал, что его трон зависит от английского резидента в Майсуре и от английского губернатора в Мадрасе. Ему не хотелось расставаться с троном. Поэтому он делал все, чтобы умиловить почтенную Компанию. Тем англичанам, которые время от времени посещали Кург, он оказывал королевский прием. Шум веселых попок заглушал стоны заключенных в меркарской крепости и крики тех, кого убивали на заднем дворе апартаментов раджи.

Английские чиновники и офицеры появлялись в Курге под разными предлогами. Но их появление всегда свидетельствовало об одном — почтенная Компания, назвавшая себя «союзником», держала руку на пульсе агонизирующего Курга. Она ждала, когда этот пульс ослабеет, и об этом можно будет возвестить во всеуслышание. Голубая с водяными знаками бумага для фиксации диагноза всегда была под рукой. Печати генерал-губернатора Индии и губернатора Мадраса — тоже. «Лекари» ждали. «Лечение» малой кровью было их излюбленным методом.

Раджа развлекал английских гостей. Эти развлечения производили на них неизгладимое впечатление. Один из них, полковник Джеймс Велш, опубликовал свои впечатления в «Военных мемуарах».

Полковник и сопровождающие его лица ехали на слонах через Кург. Около Меркары их встретил сам раджа в форме английского генерал-майора. Раджа лично заменил слонов арабскими скакунами. Когда кавалькада приблизилась к воротам Меркары, оттуда высыпала пестрая толпа танцовщиц, и под звуки барабана начались танцы. Танцы были только началом. Раджа демонстрировал гостям свою коллекцию оружия, состязался с ними в стрельбе, показывал им львов, тигров и пантер, возил на охоту, кормил английскими блюдами, дарил кургские ножи с золотыми рукоятками и шкуры убитых тигров и пантер. «Мы уехали, — записал полковник в своем дневнике, — совершенно очарованные добрым обхождением князя, которым, я склонен верить, восхищается собственный народ». Но «собственному народу» было не до восхищения. Проводив очередного гостя, раджа вновь брался за свое. Вновь начинались казни, убийства, пытки. Подозрительность раджи росла с каждым годом, и эта подозрительность требовала жертв. Враги посягали на его имущество, его трон, его семью. Они посягали на него самого. Они изводили его колдовством и черной магией. Они напускали на него злых духов. Поэтому следовало убивать всех волшебников и колдунов. Их слишком много развелось в Курге. Даже вожди и старейшины кланов начали заниматься колдовством. Колдовством против него. Он усилил стражу дворца. Время от времени он рубил стражам головы за то, что они во время своего дежурства пропустили во дворец или злого духа, или невидимого мага. Он умер, уверенный в том, что причиной его смерти была черная магия...

В 1820 году на престол сел сын Лингараджи Вирааджа. В генеалогии кургских раджей он числился под титулом «младший». Вирааджа Младший был самым ярким и самым противоречивым из трех последних раджей Курга. Выросший в атмосфере подозрений, убийств, доносов, ночных оргий, безнаказанности и раболепства, он был не лучше, а в чем-то даже хуже своих предшественников. Так же как и они, он был подозрителен и недоверчив. Так же как и они, он начал свое правление с уничтожения явных и предполагаемых врагов. Он не щадил ни чужих, ни своих. Он убивал вождей и старейшин, приговаривал к казни мятежные кланы, рубил головы собственным родственникам. Но ни духи убитых, ни черные маги его не преследовали. У него была собственная и непреходящая страсть.

Женщины. Красивые и некрасивые. Пожилые и молодые. Он не мог пропустить ни одной из них. Все преобразования, которые он проводил в своей стране, касались только их. Он издал указ об увеличении численности своего гарема. Заменял дворцовую стражу женским кавалерийским полком. С этим полком он не расставался. Полк, как смерч, носился вместе с раджей по Кургу, наводя страх на воинственных мужчин и повергая в трепет женщин. Английский чиновник Кесемейер, присланный в Кург для наблюдения, при виде этого полка долго не мог закрыть от изумления рот. «Раджа, — написал он в тот же вечер губернатору Мадраса, — сумасшедший. Он завел себе амазонок и очень ими гордится». Но амазонки были не единственным новшеством при дворе раджи. Сам он, нарушая всяческие установления, женился на младшей жене собственного отца. Двери дворца широко распахнулись перед женщинами из семей придворных. Они оставались при дворце столько, сколько этого хотел раджа. Он потребовал к себе всех незамужних девушек страны, с тем чтобы устроить им смотр. Наиболее достойных из них он желал поселить у себя во дворце. Он хотел сформировать из этих «доброкачественных кадров» если не гарем, то что-то вроде филиала основной организации. Естественно, что курги-мужчины протестовали. Многим из них этот протест стоил головы. Женщин начали прятать в дальних глухих деревнях. Но раджа продолжал проявлять завидную настойчивость и рассылал по деревням своих шпионов.

Казалось, он не боялся никого и ничего. Ни кургов, ни англичан, ни духов, ни черных магов. Это отличало его от предшественников. Он восстал против удушливой атмосферы обреченности, царившей во дворце многие годы. Но восставший, он не сумел преодолеть эту атмосферу, не смог из нее вырваться. Он только сгустил ее и приблизил конец. Но он хотел перед этим концом почувствовать себя свободным. Представления о ней, об этой свободе, у него формировались в том же дворце раджей. Поэтому она приняла уродливые формы самодурства и сумасбродства. Но в этом самодурстве и сумасбродстве, в деспотизме и жестокости начинал разгораться огонек чего-то настоящего и реального. Огонек поддерживался его личной храбростью. Храбрость питалась отчаянием. Он закрыл горные проходы в Кург. Он не желал иметь

свидетелей. Он арестовывал всех проникающих в страну, в том числе и англичан. Почтенная Компания не обращала внимания на амазонок, гарем, казни. Но непочтительное отношение к англичанам ее насторожило. В поведении раджи появилось то, что делало его не похожим на своих предшественников. Необходимо было принимать меры. В Кург был послан английский чиновник Кесемейер. Прием, оказанный ему, был довольно прохладным. Танцовщицы не встречали его у ворот Меркары, раджа не водил его на охоту и не дарил золотого оружия. Но тем не менее Кесемейер ничего подозрительного в Курге не заметил и написал в своем отчете, что раджа по-прежнему лоялен к английским властям. В отчете он описывал гарем, амазонок, казни, но это уже было данью кургской «экзотике». Однако отчет Кесемейера мало убедил почтенную Компанию. Губернатор Мадраса чувствовал, что должно что-то произойти. Предчувствия его не обманули.

Сентябрьской ночью 1832 года знатный кург Чинна Басаппа вместе с женой Деваммаджи бежал из своего дома предков в Аппагалле. Их бегство было результатом интриг и угроз самого раджи. Деваммаджи, родная сестра раджи, была предупреждена о том, что он собирается убить ее мужа. Ничего необычного в этом не было. Такие намерения у раджи возникали часто, и всем было известно, что большинство из этих намерений осуществляется. Но Чинна Басаппа и Деваммаджи не просто покинули свой дом предков и скрылись. Они бежали под защиту английского резидента в Майсур. Их сопровождала личная стража. На границе Курга их остановил отряд раджи. Завязалась перестрелка. Воспользовавшись суматохой и темнотой Чинна Басаппа и Деваммаджи на лошадях прорвались через границу и ускакали в Майсур. В Бангалуре им было предоставлено убежище. Раджа написал губернатору Мадраса письмо, требуя выдачи беглецов. Губернатор ответил отказом. Тогда раджа написал еще одно письмо, наполненное, как было отмечено в третьем документе, «самыми оскорбительными выражениями». Но и это не подействовало. Компания получила в свои руки важный козырь — двух беглецов, принадлежащих семье раджи. Этот козырь можно было пустить против непокорного правителя в любой момент. Английские власти спасли жизнь Чинна Басаппы и Деваммаджи. И последние это понимали. Они были готовы на любую услугу. Раджа тоже кое-что понимал в этой истории и поэтому подослал к беглецам убийцу. Покушение не удалось. Но козырь так и

не пошел в дело. Ост-Индская компания получила в свое распоряжение кое-что поважнее.

В 1833 году тот же Кесемейер нанес второй визит в Кург. На этот раз «улов» его был существенней. Он узнал, что раджа вел переговоры с пенджабским Ранджит Сингом, который еще сохранял свою независимость и не собирался добровольно уступать ее англичанам. Раджа Курга сделал свой выбор. Он понял в отличие от своих предшественников, что только союз с сохранившими независимость индийскими княжествами может спасти Кург. Но понял это слишком поздно. Пенджаб был далеко, а армия Ост-Индской компании стояла в Мадрасе и соседнем Майсуре. В том самом Майсуре, который был предан Виараджей Старшим и который теперь связал руки и решил судьбу Виараджи Младшего. Тогда Младший проклинал Старшего и тот день, когда были призваны «вечные свидетели», скрепившие губительный для Курга союз. Но проклятие уже ничего не изменило — ни в судьбе раджи, ни в судьбе Курга. Переговоры с Ранджит Сингом, о которых узнали англичане, ускорили развязку. И тогда появился в марте 1834 года Третий документ — объявление Кургу войны. Документ по сути своей был лживым, хотя все факты, сообщенные в нем, имели место. Его большая ложь заключалась в том, что в своей констатирующей части он не отражал действительной позиции Ост-Индской компании по отношению к Кургу, так же как ее не отражал и Первый документ. Среди многих обвинений, предъявленных непокорному радже, были обвинения, которые бы никогда не стали ими, если бы не информация о связях с Ранджит Сингом.

Получив Третий документ в свое распоряжение, «зловредный» раджа не дрогнул. Он не пополз к ногам почтенной Компании, унижаясь и вымаливая себе прощение. Достоинство правителя и гордость курга не позволили ему это сделать. Он сделал другое. Призвал народ Курга оказать сопротивление английской армии. Но он понимал, что это безнадежно... И еще он написал письмо генерал-губернатору, которое доставило ему светлое и горькое удовлетворение. В нем он по-своему мстил «союзнику» за годы унижения и раболепия своих предшественников. Он не стеснялся в выражениях, он употребил все, которые знал. По эмоциональной силе и выразительности, а также по храбрости, которая двигала автором, письмо напоминает тот знаменитый исторический документ, который

послали запорожцы турецкому султану. Письмо предназначалось как английскому генерал-губернатору, так и собственному народу. Оно называлось: «Объяснение прокламации (об объявлении войны Кургу. — *Л.Ш.*), изданное для сведения паршивых англичан, которые являются рабами и слугами у благородных ног махараджи Курга». «В ответ на прокламацию, — писал вдохновенно раджа, — паршивого англичанина, сына продажной женщины, который забыл бога и, исполнившись гордости, написал на бумаге все, что пришло ему в голову, и для сведения обитателей Курга, я, раб Высокого Господина, говорю вам следующее: прокламация, которая распространяется на границе зловредным англичанином, сыном раба, которую даже противно видеть или слышать, воспламенила наши сердца, как ветер раздувает огонь. Зловредный христианин-европеец, сын раба, который решился на такое, должен быть обезглавлен и его голова должна быть выброшена вон... Поколение низкокастовых богохульников и скверных европейцев должно быть сожжено. Эти надежды сбудутся скоро. Все зловредные европейцы, сыновья продажных, имеют злые намерения. Очень хорошо, очень хорошо! Мы набьем вам ваши животы так, как вы хотите. Пусть это будет известно вам!

Написано в воскресенье, на шестой день уменьшающейся луны, в месяц Палгуна, в год Виджайя, что соответствует 30-му марта 1834 года»^[10]

Он знал, что он делал, но за свою жизнь уже не боялся. Без Курга она стоила немногого.

Вторжение началось 1 апреля 1834 года. Английская армия наступала на маленький Кург с севера, юга, запада и востока четырьмя крупными соединениями. Соединениями командовали генералы и полковники. Части Джексона рвались к сердцу страны Меркаре. Курги заняли горные проходы. Они рубили деревья и этими завалами преграждали путь английской армии. Они устраивали засады в лесах и бесстрашно нападали на врага. Небольшими конными отрядами они атаковали англичан на дорогах. Над домами предков металось пламя пожаров. Глухо и тревожно били барабаны в деревнях, призывая мужчин на войну. Но силы были неравны. Английских солдат было больше, чем кургов. У них были ружья, а половина кургов смогла вооружиться только мечами и копьями. Единственным оружием многих из них служила их храбрость и мужество. Но этого не хватало,

когда летели свинцовые пули. Англичане, теряя своих солдат, упорно продвигались по горам и лесам Курга. Курги могли их только задержать, но не остановить.

6 апреля части Джексона вошли в Меркару. Над крепостью в торжественной обстановке был поднят английский флаг, который неизменно развевался над ней вплоть до 1947 года. До того времени, когда судьбу независимости всей Индии уже решали не отдельные князья и раджи, а воля народа.

Полковник Фрейзер был назначен комиссаром и политическим агентом Курга. Английские солдаты и офицеры разграбили дворец раджи и поделили между собой имущество и деньги, которые им достались. Так они делали всегда. Грабежом завершилась война. Грабежом началась новая страница уже зависимого, колониального Курга. Свобода страны была утрачена на многие годы. Непокорному радже было приказано покинуть страну и отправиться в изгнание. Победенный и лишенный всего, но не сломленный, он сумел в последний момент досадить англичанам. Его «исход» из Курга был красочен и фантастичен. «Зловредный» раджа гордо восседал на любимом слоне. Он не забыл прихватить с собой женщин, танцовщиц, музыкантов и часть сокровищ. Музыканты играли марш «Английский гренадер». Под этот марш уходил последний раджа Курга, сумевший превратить на какой-то момент трагедию своей страны в фарс. Но таковым он был. Со всем своим хорошим и плохим. Со всей противоречивостью и неожиданностью, которые были заложены в самом Курге и в его радже.

Люди молча выходили на дорогу, по которой следовал необычный кортеж Вирааджи Младшего. Они молча его провожали. И вечные свидетели: солнце, луна и весь мир были в этот момент с ними...

Изгнание

Мутноватые воды священного Ганга лениво набегают на каменные ступени, спускающиеся к реке. На ступенях, у самой воды, сидят паломники. Они приходят каждый день в этот город, чтобы прикоснуться к святости великой реки. Их очень много, и количество их никогда не убывает. Они приходят на рассвете и ждут. Они смотрят на противоположный берег, плоский и унылый. Там, над четкой линией горизонта, каждый день разгорается алая заря. Потом появляются первые лучи солнца. Они служат сигналом паломникам. Паломники, толкая друг друга, входят в красноватую от еще не остывшей зари воду.

Откуда-то из-за угла раздаются щемяще-тягучие звуки утренней раги. Он знает, что музыкант приходит каждое утро на это место, но он никогда не видит его. Окошко в толстой стене узко и забрано тесной железной решеткой. Музыкант не попадает в поле его зрения, а другой возможности увидеть его у него нет. Он только слушает, как перед рассветом музыкант настраивает инструмент. Потом раздаются эти привычные звуки. Но каждый раз знакомая мелодия звучит по-разному. Он знает, что это зависит от настроения играющего. Сегодня настроение у музыканта печальное. И поэтому его мелодия иногда похожа на плач ребенка. Грусть, изливающаяся в этих звуках, отвечает и его настроению. Оно такое же печальное, как и у музыканта. Печаль приходит к нему часто. Печаль и безнадежность. Сколько лет прошло в этих тесных комнатах прибрежного замка? Кажется, одиннадцать. И каждый день одно и то же. Узкое окно — единственное, что связывает его с внешним миром. Он смотрит в него вот уже одиннадцать лет подряд. Он изучил каждый изгиб священной реки, помнит каждую выбоину на каменных ступенях-гхатах. Он узнает иногда даже паломников. Некоторые из них приходят сюда ежегодно, чтобы совершить омовение, освобождающее от земных грехов. Он просил разрешить и ему войти в эти священные освобождающие воды. Но ему

ответили отказом. В чем смысл такого отказа? Мсть? Возможно. Мсть паршивых англичан. Тех, кто вторгся в его страну и отобрал у него Кург. Ему не разрешили посещать и храм. В Бенаресе много храмов. Они высятся над Гангом, совсем рядом с замком. Один из них посвящен богу Шиве. Тому богу, которому поклонялись его предки, первые раджи Курга. Он хотел сходить в храм к богу Шиве, а заодно и помянуть предков. Но ему не разрешили. Теперь он давно уже не просит ни о храме, ни об омовении.

Годы делают свое. Чем больше их проходит, тем меньше желаний остается в его сердце. Годы гнут его спину, делают расслабленной походку, серебрят волосы. Годы его старят. А сколько их еще будет впереди? Вот таких однообразных, похожих один на другой. Сколько раз он видел это поднимающееся над Гангом солнце? Можно, конечно, подсчитать. Но в этом подсчете он не видит смысла. Смысл многого уже утрачен. Потерян в этом шумном жарком городе, расположенном на плоской равнине. Даже солнце для него имеет смысл только утром. Утром, когда с реки еще тянет успокоительной прохладой. Потом и оно становится бессмысленным в своей яростной раскаленности. Жаркий воздух вползает в тесные комнаты, обволакивает собой все, лишает его тело движения, а его мозг — мыслей. Ему трудно дышать этим плотным, почти осязаемым воздухом. Ему и маленькой Гаурамме, которой нет еще и года. Гаурамма родилась здесь, в этом замке. И от этого она слаба и даже плачет тихо. У нее тоже нет сил. Он молил Шиву и всех кургских богов, чтобы она выжила. В Гаурамме, его дочери, заключена его надежда. Какая-то призрачная, иллюзорная, но все-таки надежда. Сейчас он слышит ее плач, и он тоже печален, как тягучие звуки утренней музыки.

Он следит за солнцем. Оно поднимается все выше и выше, и с этим неотвратимым подъемом внутри у него разрастается что-то щемящее и обессиливующее. Он хорошо знает, что это только начало. Начало того, что нельзя ни преодолеть, ни хотя бы приостановить. Вот уже сколько лет нарастающий зной несет на своих зыбких волнах черный парус тоски. Тоски, которая причиняет ощутимую физическую боль, которая слабеет только с заходом солнца. Он смотрит на зыбкие и призрачные волны зноя, трепетно переливающиеся над размытыми ярким светом полями противоположного берега. Эти призрачные волны затевают странную и обманчивую игру. Они сталкиваются, густеют, и в их

дрожащем мареве нечетким миражом возникают синие горы. Сначала неясные, потом более ощутимые и реальные. Синие горы Курга. Такими он их видел в последний раз, когда проезжал через поверженную и молчаливую страну. Эти горы провожали его. Он щурит глаза, стараясь удержать их неверные очертания в расплывающемся зыбком зное. Он знает и почти уверен, что этот мираж — единственное, что осталось ему от Курга. Его гор он уже не увидит.

Если бы он знал тогда, чем это кончится, он бы поступил иначе. Он сделал все, чтобы они его убили. Написал оскорбительное письмо, поднял кургов на войну, издевался над «союзниками», когда ехал под их охраной в ставку их резидента в Бангалур. Там он спокойно ожидал казни. Но они не сделали это. Они придумали ему худшее, чем смерть. Пожизненное изгнание и заточение.

Из Бангалура его отвезли в веллурскую крепость. Его слуги и женщины незаметно исчезли. Он не знал, уходили ли они добровольно или им приказали это сделать. Он остался почти один. Но в Веллуре режим заключения не был строгим. Он сумел связаться с теми, кто ему был нужен. Он не собирался складывать оружия. Мятеж в Веллуре оказался неудачным. Его предали свои же, индийцы. Мятежников казнили на площади, и он слышал из крепости их крики. Он ожидал, что за ним придут тоже. И даже желал этого. Но они опять его обманули и не пришли за ним. Пришли позже, но только затем, чтобы отвезти его в далекий священный город Бенарес. Английский офицер так и сказал: «Ваше высочество, Британское правительство уважая ваш сан и заслуги, распорядилось поместить вас в самом священном городе Индии. Там для вас приготовлен самый священный замок на берегу самой священной реки». И засмеялся громко и непочтительно. Он ничего не ответил офицеру, но сердце тоскливо сжалось в предчувствии недоброго. И оно его не обмануло.

Вот уже одиннадцать лет он стоит у этого окна. Сокровища, которые он пытался вывезти, украли у него англичане. Почтенная Компания взамен этого назначила ему пенсию. На эту пенсию он должен содержать себя и свою семью. И годами — никаких известий из Курга. Он знает, что тех, кто осмелится связаться с изгнанным раджей, ожидает смерть. Английские офицеры, которые сторожат его, никого к нему не пропускают. Он слышит, как они за дверьми играют в

карты, громко смеются и похваляются доблестью. Он знает эту «доблесть». Его не проведешь. Их «доблесть» можно купить вместе с ними. Он их покупал. Несколько раз. Когда из Курга к нему пробирались верные люди. От них он узнавал, что происходит в его стране. Там было беспокойно. Его враги подняли голову. Они ползали у ног англичан, стараясь выклянчить себе земли и привилегии. Они оговаривали его и обвиняли в том, в чем он никогда не был виноват. Чинна Басаппа и Деваммаджи вернулись из Бангалура. Но как они ни старались, у них ничего не вышло. Чинна Басаппа, этот презренный заговорщик, не стал раджей. А ведь когда он вернулся в Кург, он себя так называл. И потребовал себе дворец в Меркаре. Но он просчитался. Чинна Басаппу раджей не сделали, и дворца он не получил. Англичане без него могли управлять в Курге. Чинна Басаппа на них сердит и плетет паутину очередного заговора теперь против своих же покровителей. Вожди враждуют между собой, и англичане искусно их стравливают. Эти сыновья шлюх до сих пор боятся кургов и чувствуют себя там, у синих гор, беспокойно. Поэтому они там осторожничают. Завели при комиссаре магистрат и посадили там только кургов. И даже некоторые считают, что Кург имеет собственное правительство. Но он-то знает, что это не так. Магистрат безвластен, все решают сами англичане. И никого не спрашивают. Они превратили Кург в дойную корову. Земледельцы должны платить им высокие налоги. Лучшие земли Курга забираются под плантации. Плантации принадлежат тем же зловерным европейцам. Им все мало. Разве Кург не заплатил им в свое время за их «дружбу и союзничество»? Где эти деньги? Они должны были как честные люди вернуть их Кургу. Но они, грабители и убийцы, даже не подумали этого сделать. Они остались должны Кургу сотни тысяч рупий, а выплатили только какие-то жалкие проценты. А деньги Деваммаджи? Только не той Деваммаджи, которая была его сестрой и женой этого труса Чинна Басаппы, а той несчастной дочери Вирааджендры Старшего, которая десятилетней девочкой вступила на кургский престол. Той Деваммаджи, которая потом была убита вместе со своими детьми и мужем. Он знает, что Старший положил на ее счет пятьсот пятьдесят тысяч рупий в банк самой Компании и триста тысяч в Бомбейский банк. Это были деньги кургских раджей. Но англичане не желают выплачивать даже процентов с них. Они ограбили Кург и

обчистили его раджей. Они поступили как подлые обманщики и мошенники.

«Деньги Деваммаджи» — эта мысль все чаще не давала покоя ему. Он смотрел на восходящее солнце и думал о них. Он слушал утреннюю рагу и вновь возвращался мыслью к ним. Восходы сменялись закатами. День ночью. Приходили и уходили паломники, совершавшие омовение в священном Ганге. Палящая жара сменялась затяжными дождями. Менялись английские офицеры у дверей его комнат. Шел год за годом. Каждый год приближал его старость.

Наступили сороковые годы XIX столетия. Все более отчетливо раджа понимал, что ничего не случится в этом прибрежном замке и никто не изменит его положения до самой его смерти. Никто, кроме него самого. Но он мог так мало. Без друзей, без верных слуг без кургов — что он мог сделать? Навсегда отрезанный от своей страны и ее гор, помещенный в тесную клетку с решетками на окнах, он был один во всем мире. Но неукротимый кургский дух, хоть и подавленный, продолжал жить в узнике. Мысль его работала. И наконец, стал складываться вполне определенный план. План был безрассудный и отчаянный. Он поедет в Англию — незнакомую далекую Англию, откуда приплыли первые корабли почтенной Ост-Индской компании. Той Компании, которая лишила Кург независимости, превратила его раджу в узника и ограбила его. Он поедет туда, откуда пришли эти незваные европейцы. Он слышал, что у них есть королева. Они все ее подданные. Он слышал, что в этой стране есть королевский суд, которому обязана подчиняться почтенная Компания. Он подаст на нее в суд. На всех сразу — на генерал-губернатора, на ее губернаторов, генералов, полковников. Он расскажет всем, как хитростью и обманом они лишили Кург независимости, а его, раджу, престола. Он расскажет о том, как они грабили и грабят Кург и какие суммы денег, не принадлежащих им, они присвоили. Он расскажет все и опозорит эту лживую Компанию с ее спесивыми губернаторами и тупыми генералами. Никто кроме него до этого не додумался. Разбитые поодиночке индийские князья уползали в свои норы, сидели там тихо и не пытались дать Компании по рукам. А ведь многие из них на свободе, которую они купили себе ценой унижений и раболепства. Нет, Вирааджа Младший не такой. В молодости он славился буйным характером. Должно же остаться что-

то от этого и в старости. Он покажет и трусливым князьям, и Компании. Терять ему нечего, за свою жизнь он не боится. Вот только Гаурамма. Она уже выросла, но осталась такой же слабенькой. Гаурамма — его наследница. И он не хочет, чтобы ей досталось это горькое наследство: тесная комната в замке с толстыми стенами, офицерская стража за дверьми, удушающий зной и недостижимые воды священной реки. Пусть что угодно, но только не это.

Он написал генерал-губернатору письмо с просьбой выпустить его в Англию. Он не объяснял причины. Он был предельно краток. Офицер, взявший письмо, удивленно посмотрел на узника и покачал отрицательно головой.

— Нет, сэр, — сказал он вежливо, — я не могу отправить это письмо. Вам запрещена переписка даже с английскими властями.

— Верните тогда письмо, — сказал раджа.

— Нет, сэр, — офицер снова отрицательно покачал головой, — раз оно попало ко мне в руки, я не имею права его вернуть.

Вечером он слышал, как офицеры смеялись, читая громко его письмо генерал-губернатору. В бессильной ярости он метался по душной комнате, не зная что предпринять. Его снова надули, грубо и даже бессмысленно. Что-то надо было предпринять. Потом он успокоился и перестал метаться. Если все время повторять попытки, то, может быть, что-нибудь и удастся. Не все еще потеряно, если под его дверьми находятся люди, и он слышит их голоса. Даже такие люди, как этот офицер.

В эту ночь он решил, что возьмет Гаурамму с собой. Более того, он выдвинет обоснованную причину своего отъезда — девочке надо дать европейское образование. Через полгода сменился офицер его охраны. Новый был туповатым и жадным малым. Он, правда, упирался, но золотое кольцо с рубином сломало его волю.

Письмо пошло по назначению. Генерал-губернатор долго удивлялся его содержанию.

— Здесь что-то не так, — сказал он. — Слишком непохоже на Вирааджу. Или он что-то замыслил или не в своем уме. Последнее предпочтительнее. Проверьте, были ли у раджи связи с Кургом за последние три года.

Проверили и выяснили, что связей не было. Но генерал-губернатор еще долго размышлял над этим странным письмом. Он надеялся, что

за это время все-таки будет попытка у кого-либо из кургов связаться с заключенным раджей. Но и такой попытки не было сделано.

— И все-таки зачем ему понадобилось европейское образование для дочери? Никогда такого не слышал. Явно старик не в своем уме, — сказал генерал-губернатор своему секретарю. — Впрочем... все эти раджи с причудами. Дайте ему разрешение. Пусть он будет подальше отсюда.

Разрешение пришло в марте 1850 года. Дорожные расходы предписывалось нести самому радже. Кроме этого он должен содержать сопровождающего его майора Драммонда с женой. Разрешение на какое-то время прекращало его пятнадцатилетнее заточение. Все остальное радже уже казалось пустяками.

Он прибыл в Лондон на корабле Ост-Индской компании в конце 1851 года. Он сошел по шаткому трапу, гордо и прямо ступая по его доскам. На нем был костюм кургского раджи, и он сразу привлек внимание уличных зевак. Они прыгали и кричали вокруг него, и Гуарамма испуганно жалась к нему. Он был первым индийским раджей, ступившим на берег Англии. Весть о его прибытии разнеслась по Лондону и достигла королевских ушей. Придворная знать и директора почтенной Компании были полны такого же любопытства, как и уличные зеваки в гавани. Его стали приглашать на приемы и банкеты. Его показывали как редкую экзотическую куклу. Его и Гаурамму. На него приглашали, как приглашают на спектакль. Но он держался с истинно кургским достоинством и не поддавался всей этой шумихе. Она его оглушала и утомляла. После долгих лет заточения он переносил ее с трудом. Ему хотелось остаться одному и сосредоточиться на том, главном деле, ради которого он прибыл в этот чужой для него и странный город. Он пытался избегать приемов и банкетов, но Лондон не хотел расставаться со своей новой игрушкой.

Ему нужно было поговорить с королевой, но та почему-то не спешила с аудиенцией. Лорды и директора Компании обещали устроить встречу, однако на следующий же день забывали об этом. Он опять остался один. Взгляд его новых знакомых становился рассеянным и непроницаемым, когда он заговаривал о королеве. Он сознавал, что без ее поддержки не сможет выиграть дело. Ему казалось, что от благосклонности королевы в этой стране зависит все, как зависело все от его распоряжений в Курге. Он не знал, что Кург и

Англия очень разные страны. И такими же разными были их правители: королева Виктория и Вирараджа Младший. Он многого не знал и еще большего не понимал, но решил действовать. Надо было привлечь внимание королевы к своей особе. Он сделал это по-кургски широко, но принес в жертву собственную дочь.

В мае 1852 года он написал королеве письмо, в котором просил содействовать крещению его дочери и быть ее крестной матерью. Этим он отторгал свою дочь от себя, от Курга, но считал, что делал это во имя Курга. Жертва были принята. Через месяц в частной церкви состоялась церемония крещения. Архиепископ Кентерберийский лично взял на себя эту обязанность. Рядом с ним стояла породная и царственная Виктория, Гаурамму нарекли Викторией в честь крестной матери. На церемонии присутствовал весь двор. Раджа был в центре внимания. Он плакал, когда архиепископ провозгласил здравицу в честь «новорожденной» христианки Виктории. Лондонские газеты писали, что от радости. Королева подарила крестнице жемчужное ожерелье и бриллиантовые серьги. К ней была приставлена в качестве попечительницы дама леди Логин. Она занялась ее здоровьем и ее образованием. Теперь раджа почти не видел дочь. Ее привозили к нему на час и снова увозили. Девочка начинала говорить по-английски и быстро забывала свой родной язык. Отец видел это, но ничем не мог помочь. Придворные дамы не выпускали из цепких рук понравившуюся им куклу.

Ему казалось, что горечь утраты дочери теперь будет возмещена другим, более важным. Он надеялся на королеву, которую считал почти своей родственницей. Он мог подать в суд на ненавистную Компанию, лишившую его Курга и денег. Он отсудит наследство Деваммаджи и официально расскажет всем, как поступили с Кургом. Он, правда, пытался уже это рассказать в одну из коротких встреч крестной матери Виктории, но она почему-то его прервала и не стала слушать. Возможно, у нее были дела поважнее. Он подал в суд свой иск. Началось разбирательство;

— Раджа Курга против Ост-Индской компании. Раджа Курга против Ост-Индской компании! Читайте! — кричали по утрам мальчишки-газетчики.

«Раджа Курга против Ост-Индской компании! Против кого? Против гордости Британской империи? Против тех, кто дал Англии

богатеишую колонию? Против тех, кто украсил королевскую корону сверкающие бриллиантом „кох-и-нур“? Да, против них. И один раджа Курга. Без свидетелей, без поддержки. Один в чужой стране, пытающийся добиться осуждения этой же страны. Раджа Курга против Ост-Индской компании! Порабощенный против поработителя.

Судебный процесс затягивался. Директора почтенной Компании, любезно принимавшие раджу, теперь не замечали его. Они сидели строгие и непреклонные в суде и бросали в его сторону презрительные усмешки Лорды тоже перестали его замечать. Но он продолжал ходить на судебные заседания и не снимал своего иска. Он пытался объяснить, как все произошло на самом деле. Но судья непочтительно прерывал его. Он требовал от раджи все новых и новых доказательств. И доказательств по всей форме. Неискушенный в казуистике суда раджа терялся и не мог понять, что от него хотят в таком ясном деле. Судебные заседания откладывались и переносились...

Над Лондоном повисал туман. Туман сменялся сырым снегом. Потом наступало холодное и короткое лето. А суд все не выносил решения. Процесс растянулся на несколько лет. Временами раджа чувствовал, что все безнадежно, что суд никогда не кончится. Ему советовали прекратить дело. Но он не соглашался. Он не понимал, как в стране, которая гордится своей справедливостью, могут происходить такие вещи. Он не понимал, что эта же страна и породила Ост-Индскую компанию. И не даст ее осудить ни радже Курга, ни всем индийским князьям, вместе взятым.

Он несколько раз пытался встретиться с королевой, но получал вежливый отказ. Из Индии доходили вести о большом антианглийском восстании. Оно вселило в него надежду, но он был далеко от своей страны. От причалов английских портов уходили корабли с солдатами. К 1859 году восстание подавили. Королева издала указ: Индия полностью переходит под власть английской короны. Отныне Виктория — королева Индии. Все дела Ост-Индской компании переходят в ее ведение. Казна тоже. Суд по королевскому указу прекратил дело раджи. Тогда он и понял, что королева и почтенная компания — одно и то же. Но понял слишком поздно. Годы были потрачены на бесплодную борьбу. Борьбу, которую он проиграл. „Раджа Курга против Ост-Индской компании“ — газетный заголовок. Вот единственный результат.

...В тот день он не выходил из дому. Он стоял у узкого окна, чем-то напоминавшего то окно в Бенаресе. Шел унылый осенний дождь. На голых ветвях висели прозрачные капли. На город и грязную полосу Темзы опускался туман. Он почувствовал какое-то странное стеснение в груди. Стало трудно дышать. На лбу выступил холодный пот. Стараясь продохнуть, он кашлянул и поднес к губам носовой платок. На тонкой ткани расплылось кровавое пятно. Он вызвал слугу и послал его за доктором. Затем присел у стола и, держа платок у рта, достал пачку голубой бумаги с водяными знаками. „Завещание“, — вывел он на верхнем листе. Оно кончалось словами: „Прошу меня кремировать в Курге“. Через месяц, когда раджи не стало, его похоронили на Лондонском кладбище.

Через год Гаурамма-Виктория была обвенчана с полковником Кэмпбеллом, братом леди Логин. Никто не знает, как она жила потом. Известно только, что в один прекрасный день полковник вышел из дому с саквояжем и не вернулся. В саквояже были драгоценности последней рани Курга. И те, которые ей дарила крестная мать, и те, которые ей были оставлены отцом. Англия отобрала у нее последнее. Гаурамма умерла через четыре года после венчания двадцати лет от роду. Перед смертью она просила отвезти ее в Кург, который она никогда в жизни не видела. Она его так и не увидела, ибо ей, как и ее отцу, в просьбе было отказано...

Каменные стражи горы Парвати

Курги помнят многое. События вековой давности оживают в семейных преданиях. То, что произошло несколько веков назад, записано на камнях, медных пластинках, на бумаге. Но есть в этой стране свидетели далекого прошлого, о котором даже сами курги ничего определенного сказать не могут. Они о нем уже не помнят, и записей об этом времени у них не сохранилось. По одной очень простой причине. Тогда еще у кургов не было письменности. Но знаки прошлого, насчитывающие не одно тысячелетие, сохранились. Они живут в древних камнях Курга. Очень своеобразных камнях, обработанных человеческой рукой и превращенных в загадочные памятники. Памятники мегалитической культуры, или культуры «больших камней». Культура эта более двух тысяч лет назад была распространена не только в Курге, но и по всей Южной Индии. Она была очень разнообразна. Но в Курге она оставила свои следы в виде дольменов, менгиров и таинственных каменных погребений. Дольмены в этой горной стране встречаются довольно часто, но не все курги о них знают. И поэтому свой первый дольмен я искала довольно долго. Мне охотно рассказывали о кургских раджах, о кровавых столкновениях между кланами, о золотоволосой богине Кавери, но о дольменах сообщить ничего не могли.

— Кажется, у нас что-то есть, — говорили мне знакомые курги. — И если мы не ошибаемся, это называется пандава-паре.

— Что значит пандава-паре? — спрашивала я.

— Дом Пандавов, — отвечали мне.

Пандавы были славным родом, деяния которого описаны в «Махабхарате», и название, данное дольменам, свидетельствовало об их древности. Но где находятся эти пандаве-паре, никто толком не знал. Я устала от долгих и бесплодных расспросов, от рассуждений на эту тему и от безрезультатных поисков. Помощь пришла совершенно неожиданно.

Живая и подвижная старушка, мать миссис Ченгаппы, с которой у меня установились добросердечные отношения, пригласила меня в гости к себе в Вирадждпет.

— Приезжайте ко мне, — сказала она. — По крайней мере хоть день отдохнете от этого сумасшедшего семейства. Так она определяла семью своей дочери.

Я отправилась в Вирадждпет и не пожалела об этом. Сидя на веранде скромного дома, мы уже о многом переговорили со старушкой. О Ченгаппах, о Курге, о Москве. Старушке очень понравился мой рассказ о Москве, и она вдруг всерьез засобиралась в этот далекий и такой интересный город.

— Значит, у тебя в квартире две комнаты, — сказала она, размышляя вслух. — Но я тебя не стесню. Не думай, что я по вечерам буду сидеть в этой квартире. Я буду ходить по городу, посмотрю ваши театры и, может быть, посижу в ресторане. Это ведь так, интересно! Ченгаппы сидят в своем английском клубе, а я посижу в московском ресторане. Впрочем, — продолжала она, — везде интересно. Вот взять, к примеру, мой сад. Знаешь, стали пересаживать деревья и нашли, как ты думаешь, что?

— Клад! — выпалила я.

— А вот и нет! — засмеялась старушка. — Нашли большой, большой горшок.

— И что в нем было? — затаив дыхание, спросила я.

— А ничего особенного. Земля, перемешанная с пеплом. Но все равно интересно, правда?

Она просто себе не представляла, как это было интересно.

Старушка довольно точно описала древнее урновое захоронение.

— А где теперь этот «большой, большой горшок»? — с надеждой спросила я.

— Горшок пришлось разбить, — с сожалением сказала старушка. — Кто-то из детей в него забрался, а обратно не смог выбраться. Вот мы его и разбили, чтобы освободить этого злоумышленника. Но у меня в саду есть еще кое-что. Идем покажу.

Этим «кое-что» и оказался давно желанный мною «пандава-паре», или дольмен. Он находился в глубине сада и вокруг него была аккуратно расчищена земля. Когда-то он, видимо, был врыт в эту землю. Дольмен, сложенный из хорошо пригнанных гранитных плит,

оказался около полутора метров в высоту и около трех метров в длину. Он был разделен на две камеры, каждая из которых имела круглое отверстие в восточной «стене». Сверху дольмен был прикрыт массивной гранитной плитой, края которой выступали над основным сооружением. Он и вправду напоминал собой жилище неизвестных существ, которые, видимо, попадали в него через эти окошки-иллюминаторы. Дольмен был сработан на славу, и ни время, ни люди не повредили его. Я обошла его, постучала по гранитным плитам и заглянула в отверстия. Такие же дольмены я видела в Керале во время своей поездки по Малабару.

— А что было внутри? — спросила я старушку.

— Какие-то пустяки, — махнула она рукой. — Полусгоревшие кости. Мы их выбросили. Зачем этот мусор?

Она не знала, что «этот мусор» был самым важным в ее «пандава-паре». Значит, этот дольмен был погребением. Но кто его соорудил и кого в нем похоронили, я не знала. Далекого ли предка кургов или аборигена-австралоида или, может быть, кого-то совсем неизвестного? Дольмен стоял в саду серый и массивный, молчаливый свидетель далекого прошлого. Того прошлого, которое сами курги уже не помнят. Устная кургская традиция пока не донесла до нас ничего такого, что связывало бы кургов с этими погребениями. Я осмотрела дольмен, но ни к каким определенным выводам не пришла.

В Меркаре я рассказала Минне Бопайе о дольмене и Вирадждпете.

— Н-да, — сказала задумчиво Минна. — Значит, он стоит в саду матери Ниламмы Ченгаппа?

— Да, — ответила я, не подозревая о том, что данное местоположение дольмена было весьма существенным для Минны.

— Конечно, у Ченгаппов есть все, — иронически улыбнулась Минна. — Даже дольмен.

— Но это ведь не у Ченгаппов, — возразила я, почуяв не совсем ладное. — Это только у матери Ниламмы.

— Какое это имеет значение? — рассердилась Минна. — Все равно это Ченгаппы.

Я знала, что Ченгаппов и Бопайя разделяла какая-то давнишняя вражда. И пожалела, что сказала Минне о дольмене. Но я плохо знала Минну и Кург. Именно этот дольмен и его принадлежность родственникам Ченгаппы и заставили Минну предпринять ряд шагов,

направленных на посрамление их «жалкого дольмена». В тот день Минна покинула меня, не попрощавшись. Появилась она только через два дня. Она была в отличном настроении, улыбалась и даже поздоровалась.

— Людмила, — сказала она, — я узнала нечто для тебя очень важное. Говорят, на горе Парвати, что рядом с Пушпагири, таких дольменов видимо-невидимо. Я отправляюсь туда вместе с тобой. Ченгаппам такое и не снилось. Завтра утром я заеду за тобой.

Если бы мне когда-нибудь сказали, что я «наживусь» на прошлом феодальной усабицы в Курге, я бы не поверила. Но случилось именно так.

С утра над Кургом стоял туман и шел морозящий дождь. Окрестные горы были затянуты серой пеленой. Тяжелые темные тучи появлялись время от времени там, где туман рассеивался. Морозящий дождь явно собирался перейти в ливень. Холодный и пронизывающий. Но Минну это не остановило. На карту была поставлена честь ее клана. Выигрышем должны были стать дольмены. Дорога наша лежала на север до Сомварпета, а оттуда к границе Курга, где стояла манящая и неведомая гора Пушпагири. Минна проявила всю свою энергию, чтобы эта поездка состоялась. Она достала джип и теперь, несмотря на неблагоприятные погодные условия, не собиралась от нее отказываться. В нескольких милях от Меркары дорога стала подниматься круто вверх, петляла между лесистыми горами и узкими горными проходами. Совсем низко, над самыми деревьями, висели облака. Дождь то прекращался, то начинался снова. От Сомварпета дорога пошла вниз, и лес, подступавший к ней, стал гуще. Порой гигантские деревья с прямыми стволами полностью скрывали окрестности и тянулись куда-то вверх, к серым облакам, набухшим дождем. Эти деревья росли вперемежку с кокосовыми пальмами, дикими бананами и панданусами. С деревьев свешивались толстые канаты лиан и цеплялись за кусты, усеянные крупными белыми колокольчиками. От колокольчиков поднимался резкий дурманящий запах. Цветы были ядовитыми. Ни одна тропинка не вела в эти стоящие сплошной стеной заросли. Через них можно было пробиться только с топором.

Дорога то прижималась к мокрым каменистым скалам, то уходила от них, уступая место зарослям тропического леса. Со скал и склонов

срывались мутные потоки воды и, превращаясь в быстро бегущие ручьи, пересекали наш путь. В некоторых местах эти дождевые ручьи размывали гравий, и дорога обрывалась вниз глинистыми крутыми склонами и провалами. К полудню лес неожиданно расступился, и джип затормозил у обширной поляны. На поляне стояло одинокое одноэтажное здание под красной черепичной крышей.

— Все, — сказал шофер. — Дальше дороги нет даже для джипа. До Пушпагири осталось еще миль пять. Вам придется пройти их пешком.

Минна поежилась, глядя на потоки льющегося дождя. Но делать было нечего. Борьба с кланом Ченгаппов требовала своих жертв. Мы вышли из джипа и сразу окунулись в дождь.

В здание под черепичной крышей на лесной поляне размещалась школа для детей окрестных деревень. Учитель, молодой смущающийся кург, встретил нас на ее пороге.

— Пушпагири? Да, еще порядочно идти. Может быть, вы переждете дождь?

— А если он не кончится? — спросила я.

— И такое может быть, — кивнул учитель. — Дорога? Я вам, конечно, объясню, но тут есть кое-какие сложности. Впрочем, кажется, я вам могу помочь. Кутаппа! — крикнул он в темный коридор.

Почти мгновенно перед нами предстал юный кург лет девяти, одетый в шорты и рубашку цвета хаки, но босой.

— Кутаппа, — сказал учитель, ты, кажется, сегодня собирался в свою деревню?

— Да, сэр, — ответил Кутаппа.

— И твоя; деревня недалеко от Пушпагири?

— Да, сэр.

— Тогда ты проводишь этих двух леди до своей деревни и покажешь им дорогу на Пушпагири.

— Да, сэр. — И Кутаппа с удивлением уставился на двух леди. — С удовольствием, сэр, — спохватился он.

— Будешь за них отвечать, как мужчина, — сдвинул брови учитель.

— Конечно, сэр. Можете на меня положиться.

— Пожалуйста, идемте, — сказал наш страж и проводник, пропуская нас вперед.

Но на поляне он нас обогнал и ринулся куда-то в чащу по тропинке, идущей вниз. Дождь усилился, в чаще было темно, как в

поздние сумерки, и сверкающие впереди пятки Кутаппы служили нам в этой темноте единственным ориентиром. Травянистая тропа из зарослей вывела нас на глинистую дорожку, которая шла по лесу, как по ущелью. С двух сторон дорожки плотной стеной стояли деревья. И только где-то вверху виднелась узкая полоса дождливого неба. Минна, подобрав сари до колен и придерживая его рукой, отважно ступила на дорожку. Тропа была скользкой и размытой. Наши ноги разъезжались, и мы с трудом удерживались на этой ненадежной почве. Где-то внизу за деревьями слышался шум текущей воды. Скользя и спотыкаясь, мы продолжали путь. Наконец тропа вывела нас на берег довольно широкой горной реки. Течение ее было спокойным, по черно-зеленой воде били струи дождя. Мы пересекли деревянный скрипучий мост и оказались на противоположном берегу. Теперь тропа медленно поползла вверх. Идти становилось все труднее. Одежда наша намокла, и нас не спасали даже плащи. Вода проникала сквозь их швы и струйками стекала по телу. Моя сумка с фотоаппаратами разбухла, и вес ее удвоился.

Вдруг в зарослях раздался шум, и на дорожку выскочил олень. Он на мгновение остановился, раздувая ноздри и удивленно кося на нас большим влажным глазом. И снова, как видение, скрылся в чаще. Олень уходил от преследования. Преследователями здесь могли быть только два представителя здешней фауны: тигр или пантера. Встречи ни с одним, ни с другим не сулила ничего хорошего. Но через миг я поняла, что тигры и пантеры — не самое страшное в кургском лесу в дождливый сезон. Эти властители лесов были шумливы и нахальны. Они оглашали лес своим рыком и не считали нужным соблюдать осторожность в охоте. Они делали все громко. А вот глинистая тропа была усеяна существами, на первый взгляд, тихими и безобидными. Они напоминали какие-то странные черные орехи. Это оттого, что они так сворачивались. «Орехи» были бесчисленными пиявками, «тихими убийцами» кургских лесов. Они лежали на тропинке и поджидали добычу. Как они умудрялись вцепляться в ноги, я не знаю. Но тем не менее они это делали. Не успела я сделать и нескольких шагов, как две из них уже сидели на моей щиколотке. Я заметила их быстро, но результат уже был налицо. Из ранок на щиколотке потекла кровь. Кровь, которая не хотела сворачиваться. Я шла по этому лесу, оставляя за собой кровавый след. Теперь я поверила той истории, которую мне

рассказали в Меркаре. Истории об английском отряде, который заночевал, ничего не подозревая, в таком лесу, а наутро в полном составе больше не проснулся. «Тихая смерть» подобралась к людям незаметно и лишила их крови.

Пока Минна забавлялась моей неосторожностью, пара «тихих убийц» напала и на нее.

— Ну что тут поделаешь! — рассердилась Минна. — Никогда бы не подумала, что наше предприятие будет стоить столько крови.

Но те пиявки, которые лежали на тропинке, были не столь изощрены, как те, что уцепились за ветви деревьев. Они непостижимым образом в самый нужный им момент сваливались на нас, точно попадая на открытые части тела. Мы забыли с Минной о тиграх и пантерах и думали только о пиявках. Нам начинало грозить нервное расстройство...

Дождь все лил и вместе с его мутными струями на красноватой глине тропы появились новые обитатели. Они удачно дополняли пиявок. Они были, вежливо говоря, более темпераментными. А попросту — осатаневшими. Они вывинчивались из глины, подпрыгивали, вцеплялись в икры и на той же скорости пытались ввинтиться в них. После червяков на теле оставались красные следы зубов, которые сразу начинали болеть и чесаться. Короче говоря, это были даже не червяки, а какие-то собаки. Я первый раз видела таких.

Огромные лягушки прыгали по глине среди пиявок и «собак-червяков». Некоторые из них сидели на ветвях деревьев. Но все они были совершенно безобидны, худшее, что они могли сделать, — это неожиданно свалиться с дерева нам на голову. Лягушки компенсировали недостаток предприимчивости своими вокальными способностями. Они кричали на разные голоса. Тише, когда дождь чуть стихал, громче, когда он усиливался. Они монополизировали птичье пение. Дождь явно мешал птицам. И только одна из них неизвестной мне породы, одуревшая от холода и сырости, вся нахохлившаяся, тоже кричала по-лягушачьи. Я думаю, что она просто сошла с ума и вообразила себя лягушкой. С птицами, наверное, тоже такое бывает. С нами также могло произойти нечто подобное... Но нас спасли наши человеческие идеи, которые завели нас в этот лес. Мне нужно было во что бы то ни стало увидеть древние погребения, а

Минне — насолить Ченгаппам. И поэтому мы стоически вынесли все трудности пути и не вообразили себя лягушками.

Но наше положение было не из лучших. Насквозь промокшие, мы стали быстро замерзать. Однако продолжали путь, сопровождая себя стуком зубов. Так было веселее. Наконец из зарослей вынырнула небольшая деревушка. Наш проводник, молчавший всю дорогу под тяжестью возложенной на него ответственности, остановился на краю рисового поля.

— Я привел вас, — сказал он серьезно. — И, кажется, с вами ничего не случилось. Вам осталось не более двух миль. Теперь все по прямой. Дойдете до подножия горы и увидите там лестницу. Спасибо за внимание. Всего хорошего.

И растворился в дождливом тумане.

Теперь мы продолжали путь вдвоем. Проводник объяснил нам все хорошо, и мы не сбились с пути. Через час мы увидели лестницу, сложенную из необработанных камней. Лестница вела куда-то вверх, туда, к разбухшим облакам и ветру. Потом лестница кончилась. Круто идущая вверх тропа шла через заросли. В зарослях мы наткнулись на два небольших храма на каменных платформах. Один из них был посвящен богу Шиве.

Старый жрец очень удивился, увидев нас в такой неурочный час. Он нам ничем не мог помочь, но принес плоды хлебного дерева, которые восстановили наши силы. И еще он сообщил, что мы уже почти на месте и осталось пройти не более двухсот метров.

— Вы сделали благое дело, — одобрительно покачал он головой. — Дошли до священной горы богини Парвати. Вы знаете богиню Парвати? — спросил он меня.

— Лично не знаю, — ответила я. — Но слышала, что она жена бога Шивы.

— Вот-вот, — закивал головой жрец. — Вы правильно говорите. Это очень священная гора.

— Но на горе есть древние каменные погребения, — сказала я. — Кто их построил? Вы что-нибудь слышали об этом?

— Нет, ничего, — отрицательно качнул головой жрец. — Ну, а построили их те, кому надо было это сделать.

— Слушай, — придвинулась ко мне Минна. — В жизни большего чудака не встречала. — А еще жрец. «Кому надо было это...» —

передразнила она его. — Пошли.

И мы пошли, поднимаясь все выше по сглаженной гранитной скале. Вершина горы Парвати была такой же гранитной и обнаженной. Мы остановились перевести дух. Оставалось сделать только несколько шагов. Неожиданно дождь прекратился. Налетел порыв холодного ветра, и сидевшее на вершине облако уплыло куда-то к соседним склонам. Из-за тучи, стоявшей над горой, торжествующе и празднично брызнули солнечные лучи. Лучи коснулись священной горы и осветили то, что было от нас еще несколько мгновений назад скрыто дождем и туманом. Я сразу поняла, что Минна Бопайя одержала крупную победу над Ченгаппами. Правда, некоторое состояние остоленения мне удалось преодолеть не сразу. Но на это были свои причины. Вот о них я и хочу рассказать.

На обнаженной вершине горы бесконечными рядами выстроились пирамиды, сложенные из камней. Пирамиды тянулись к небу вертикальными менгирами, которые венчали их верхушки. Здесь, на этой каменистой вершине, их было не менее двухсот. Над пирамидами лесистой громадой, как декорация, возвышалась гора Пушпагири. Высота пирамид была разной: от полуметра до трех. К ним были пристроены небольшие дольмены, сложенные из гранитных плит. Одни дольмены были ориентированы на восток, другие на запад. Я прошла вдоль этих застывших каменных рядов и обнаружила несколько отдельных дольменов без пирамид. Они отличались от того пандав-паре, который я видела в Вираджпете. Их плиты не были столь массивными и отсутствовала передняя «стена» с круглыми отверстиями. Каждый дольмен имел только одну камеру. Между дольменами и пирамидами редкими вкраплениями высились одиночные менгиры. Что все это было? Памятные камни в честь погибших воинов? Древние святилища? Или погребения? Сказать было трудно. Я обошла дольмены и обследовала их, но они были пусты. Ни пепла, ни керамической посуды, которые обычно находят в погребениях. Ничего. Только каменное основание горы, служившее им полом. Кто соорудил эти памятники? Курги или более ранние пришельцы?

Каменные пирамиды и дольмены молчаливыми рядами проходили перед моими глазами. Серовато-белый мох покрывал камни, и от этого они выглядели поседевшими. Отсюда, с этой вершины, был виден

простор Курга. Один за другим тянулись лесистые хребты. Между хребтами вклинивались узкие долины. И над лесами и горами плыли облака, но они шли ниже нашей вершины. Здесь же над нами висело близкое небо. Вершина напоминала огромную сторожевую башню Курга, на которой вечным дозором застыли седые каменные воины, поднявшие к небу острые пики менгиров. Сколько веков они стерегут Кург? Сколько дождей и ветров прошумело над ними? Свидетелями чего они были? Но они молчат. Кто-то заклил их этим молчанием и неподвижностью. И только ветер мечется среди каменных стражей, поет и плачет о чем-то давно ушедшем и невозвратимом. А они стоят, навечно замершие, и несут свой бесконечный тысячелетний дозор на границе маленькой горной страны.

Солнце, на краткий миг озарившее эту удивительную картину, вновь скрылось за тучами. Небо потемнело, стал снова накрапывать дождь. Облака наплзли на каменных стражей, окутали их плащами туманов и увели от нас куда-то в далекое прошлое.

Возвращались мы в Меркару уже ночью. Струи ливня хлестали по брезентовым бокам джи́па. Фары выхватывали из темноты придорожные кусты и деревья. Дул порывистый ветер, и они мерно раскачивались под его напором. И в этой тьме, пронизанной водой и туманом, деревья и кусты казались гигантскими водорослями, колышущимися на дне призрачного древнего моря. Наконец где-то внизу замелькали огоньки Меркары. Призрачное море медленно растворялось и уходило туда, где остались безмолвные и таинственные каменные стражи священной горы Парвати...

Курги — кто они?

Я ездила по Кургу, ежедневно общалась с его людьми, слушала их рассказы, наблюдала их церемонии, изучала их религию. Я осматривала их памятные камни, дольмены, стелы с надписями. И, конечно, вопрос, каково же происхождение кургов, не давал мне покоя. Но я должна сразу вас разочаровать. Я не смогу ответить на него. Многие до меня старались это сделать, но и у них тоже ничего не получалось. Я расскажу о том, что думали и писали по этому поводу до меня, и позволю себе также порассуждать немного на эту тему.

Первое знакомство с кургами, даже поверхностное, приводит к мысли, что они отличаются, так же как и индийское племя тода, от основного дравидийского населения Южной Индии. Отличаются внешне, обычаями, характером. У многих крупных дравидийских народов, таких, как тамилы и телугу, малаяли и каннара, существует значительная примесь австралоидной крови, крови древнейшего населения Индии. Эта примесь внесла и определенные черты в облик индийских дравидов. Толстые губы, широкие носы, вьющиеся волосы, темная кожа — довольно частое явление среди индийских южан. У кургов такой примеси почти нет. Они продолжают сохранять чистоту своего древнего антропологического типа. А тип этот, как уже говорилось, европеоидный. У кургов светлая кожа, прямые волосы, тонкие носы — у многих с горбинкой, узкие губы. Цвет глаз у большинства темный, но нередко встречаются люди с голубыми, серыми и зелеными глазами. Светлоглазого курга от современного европейца отличает иногда только легкая смугловатость кожи. Форма их головы имеет тенденцию к брахикранным, то есть к короткоголовью. Это их в какой-то мере отличает от европеоидного средиземноморского типа, который существует среди населения Южной Индии с древнейших времен. Для этих средиземноморцев, к которым, например, принадлежит европеоидное племя тода,

характерна доликоцефальность, или, иными словами, длинноголовость.

Одежда, военные традиции кургов выделяют их среди земледельческих народов Южной Индии. Ряд их церемоний не имеет аналогий у остального южноиндийского населения. Неподатливость индуизму — господствующей религии страны, незначительная роль в их духовной жизни индусских жрецов-браминов свидетельствуют о разных истоках формирования индуизма и религиозной системы кургов. Все эти отличия придают кургам характер уникальности. Уникальности загадочной и не всегда объяснимой. Это подтверждает мысль о том, что курги в противоположность соседствующим с ними группам австралоидного населения, таким, как иерава или курумба, не являются аборигенами здешних мест. Они пришлые.

Естественно, что в связи с этим утверждением сразу возникают вопросы: откуда они пришли и когда? Достоверно и определенно на этот вопрос можно ответить только исследуя большую и пока нерешенную проблему происхождения индийских дравидов вообще. Ибо курги, несмотря на свои отличия, являются неотъемлемой частью дравидийского населения, вернее, народов, говорящих на дравидийских языках. Их отличия от остальных, которые, возможно, возникли в результате долгой изоляции Курга, лишний раз подчеркивают сложность процесса формирования дравидоязычного населения, прихотливость путей передвижения народов в древней Индии.

Язык кодагу, на котором говорят курги, относится к семье дравидийских языков. В основном этот язык и связывает кургов с остальными драмидами, что дает нам определенную возможность рассматривать вопрос их происхождения как неотъемлемый от общих исторических проблем дравидоязычного населения. Язык кодагу в какой-то мере близок к одному из крупных соседних языков каннара и, по утверждению некоторых, является даже диалектом последнего. Правда, в кодагу есть свой специфический словарный запас, который отличает его от других дравидийских языков. Но этот запас еще не изучен, и поэтому исторический его характер остается для нас неясным.

Малоизученность конкретной проблемы происхождения кургов, крайняя бедность источников заставляют меня сделать только первый

робкий шаг — изложить и рассказать лишь то, что известно о самих кургах. Я не буду пока увязывать все это с общим вопросом происхождения дравидов. И делаю это намеренно. Ибо только конкретное первоначальное изучение отдельной проблемы дает нам возможность в будущем правильно связать частное с общим.

Итак, что мы знаем о кургах? Какие отголоски о них доносят до нас древность? В каких источниках прозвучали о них слова, какие погребения отдали их молчаливые реликвии?

В глубокой древности история рассказывалась и писалась не так, как в наши дни Безвестных авторов не волновали детали и доподлинность событий. На хронологию они вообще не обращали внимания. Их занимала суть излагаемых деяний, их этическая и философская подоплека. Это были времена, когда боги вместе с людьми жили на земле, когда появлялись герои-полубоги, когда происходили чудесные события. Реальность и вымысел переплелись в описываемых событиях в единое целое, и отделить одно от другого сейчас трудно. История глубокой древности приобрела легендарный характер. Но за легендами и сказаниями тем не менее стояла реальная жизнь или, возможно, отзвуки ее. Вот такая полULEГЕНДАРНАЯ, полуреальная история отражена в древнем индийском эпосе «Махабхарата» и в пуранах — сказаниях об индусских богах и героях.

Точная датировка обоих источников крайне затруднительна. Индийская традиция относит события, описанные в «Махабхарате», к III и даже IV тысячелетиям до нашей эры. Ряд европейских исследователей считает, что эти события имели место в I тысячелетии до нашей эры. Как бы то ни было, многие сходятся во мнении, что ядро знаменитого эпоса в том виде, в каком он существует теперь, сложилось примерно в середине I тысячелетия до нашей эры. Короче говоря, эпическая традиция Индии относится к глубокой древности и складывалась на протяжении многих веков. Трудно сказать, древнее ли пураны «Махабхараты». Возможно, они создавались параллельно. Приблизительно в середине I тысячелетия до нашей эры эти две традиции, эпическая и пураническая, пересеклись.

Самые ранние упоминания о Курге и кургах содержатся в «Махабхарате» и пуранах. В «Махабхарате» Кург фигурирует под именем Матсья Деша. «Матсья» — значит «рыба». Этой страной, согласно эпосу, управлял царь Вирата из рода Пандавов. И хотя

Пандавы во время войны с Кауравами, той войны, описание которой составляет основную часть «Махабхараты», жили на севере Индии, не исключена возможность, что побежденные Пандавы откатились на юг и осели там. Кроме этого небольшого упоминания никаких иных сведений о Курге и кургах эпическая поэма не дает. Отождествление Курга с Матсья Деша произошло на основании пуранического материала. Одна из пуран так и называется «Матсья пурана». «Кавери пурана» является ее частью. Это в ней содержится легенда о богине кургов — Кавери. Но там есть и другие сведения.

Кург назывался в древности Матсья Деша, сообщает пурана, потому что недалеко от истоков Кавери, там, где сейчас находится самое священное место кургов, был пруд. В этом пруду жил один из трех верховных богов индусов — Вишну. Он мог жить там в воде, потому что в те времена он еще не был человеком, а был рыбой — «матсья». Согласно этой пуране, Кург в то время был населен «мленча» — дикими лесными племенами, темнокожими и толстогубыми. Короче говоря, Кург был населен австралоидами, и это не противоречит тому, что мы знаем об этнической истории района. Далее пурана повествует о царе Чандраварме, который был сыном другого царя, Сиддарты. Страну, которой правил Сиддарта, помещают на территории теперешнего Майсура. Правильно ли это предположение или нет — судить трудно. Во всяком случае, видимо, Сиддарта был одним из южноиндийских правителей. Но как он выглядел, кто были его родители, к какой этнической группе он принадлежал — об этом пурана умалчивает. В те отдаленные времена такие вопросы не вставали перед авторами пуран. Известно только, что Сиддарта принадлежал к касте кшатриев. Кшатрием был и его сын Чандраварма.

В пуране рассказывается, что Чандраварма отправился в паломничество в города Южной Индии. Путешествуя по югу, он забрел в Кург. Очарованный красотой страны, юноша впал в состояние, близкое к экстазу. Тогда ему явилась богиня Парвати, супруга Шивы. Она спросила его, чего он желает. Чандраварма высказал три желания: получить королевство, которое было бы лучше отцовского, жену из своей касты и успокоение после смерти. Парвати обещала ему все, кроме жены. Оказывается, жена из своей касты воинов-кшатриев Чандраварме не была положена судьбой. Парвати

предложила ему жениться на женщине из касты шудр — рабов. В качестве королевства она отдала ему Кург. Но Кург надо было сначала завоевать. Поэтому Парвати снабдила Чандраварму белым конем и мечом и дала ему воинов. Чандраварма завоевал Кург, победив темнокожих «мленча», и стал там королем. Потом он женился на женщине — шудре, у которой было от него одиннадцать сыновей. У сыновей появились свои сыновья. Потомки Чандравармы были сильными людьми, они расчистили земли своей страны под пашни подобно диким кабанам — «крода». И страна начала называться Крода Деша. Потом слово «крода» перешло в «кодагу». Так стали называть кургов.

И «Махабхарата», и пураны были записаны на санскрите. Но есть еще один ранний источник, возникший в Южной Индии в первые века до нашей эры и заверченный в первые века уже нашей эры. Это тамильская литература эпохи Сангама. В поэмах этой эпохи есть упоминание о стране Кудаккам, которую опять-таки отождествляют со словами «кодагу», «кодава».

Вот и все сведения о кургах и Курге в древних письменных источниках, которыми мы располагаем. Сведения эти, без сомнения, красочные, но в них нет ответов на многие наши вопросы. Тем не менее кое-какие выводы из сообщенных фактов сделать можно.

Во-первых, ранние упоминания о Курге в древних источниках свидетельствуют о том, что эта страна была известна по крайней мере в I тысячелетии до нашей эры. Во-вторых, Кург был завоеван кшатрием царского рода, который одержал победу над темнокожими племенами южноиндийских аборигенов. Этот кшатрий-воин был пришлым, так же как и те, кто помогал ему в войне против австралоидов. В-третьих, потомки пришельца не сохранили чистоты крови своего родителя и прародителя, ибо последнему пришлось жениться на женщине более низкой касты шудр. Смешанные браки пришельцев, видимо, были историческим фактом. Остается только неясным, что собой представляла эта женщина-шудра. Пураны умалчивают и о ее внешности, о ее языке и месте постоянного обитания. В-четвертых, пураны не содержат никакого указания на то, что пришелец-завоеватель явился откуда-то издалека, из неизвестной авторам пуран страны. Он пришел, по их утверждению, из соседней области. Ну, а если и не точно из соседней, то по крайней мере из той

же Южной Индии, заселенной в то время дравидо-язычными народами. Следовательно, если опираться на эту традицию, то есть основания отрицать наличие какого-либо чуждого миграционного потока для Курга I тысячелетия до нашей эры. В-пятых, учитывая то обстоятельство, что австралоидная примесь в кургах или незначительна или почти отсутствует, мы можем в какой-то мере исключить принадлежность легендарной прародительницы-шудры к этому слою населения. Можно предположить, что она была представительницей европеоидного средиземноморского населения Южной Индии. Принадлежность части этого населения к шудрам имеет свои основания. Но прародительница не наградила своих потомков длинноголовостью — признаком, свойственным южноиндийским средиземноморцам. По-видимому, курги унаследовали антропологический тип воина-кшатрия.

И наконец, в-шестых, принадлежность легендарного завоевателя Курга к высшей касте кшатриев наводит на мысль о том, что он мог быть в какой-то степени связан с арийским или еще более поздним чужеродным элементом в Южной Индии. Известно, что система варн и каст в том виде, в каком она существует сейчас, была принесена арийским потоком.

Выводов получилось много. Однако они построены на зыбкой почве скурых сведений, многие из которых, возможно, и не имели под собой исторических оснований. Но когда ничего нет, то даже и такие умозаключения в чем-то могут помочь.

Кург предоставил в наше распоряжение еще один источник — археологические находки. Источник еще более трудный для понимания нашей проблемы, нежели эпос и сказания. Ибо перед тем, как его использовать в полной мере, надо доказать принадлежность его именно кургам. Пока такими доказательствами мы не располагаем. Но тем не менее кое-какие сведения из этой области, возможно, окажутся для нас полезными.

Наиболее древними археологическими памятниками Курга являются погребения дольменного типа, те самые погребения, одно из которых я видела в Вирадждпете. Они довольно широко распространены в этой горной стране. Их можно встретить около Меркары, в районе Фрейзерпета, их немало по соседству с Вирадждпетом. Эти дольмены не являются чем-то уникальным,

свойственным только Кургу. Они представляют собой одну из форм так называемой мегалитической культуры, или культуры «больших камней», очень характерной для Южной Индии вообще. Дольмены найдены в Майсуре, в Тамилнаде, Андхра Прадеш. Но дольменная культура не исчерпывается Индией. Образцы ее нам дают страны Европы, Кавказ, Ближний Восток. Правда, мегалитическая культура Южной Индии несколько более позднего происхождения, чем мегалит упомянутых районов. В большинстве своем мегалиты Южной Индии относятся к эпохе железа и датируются в пределах середины II тысячелетия — конца I тысячелетия до нашей эры.

Мегалит Южной Индии — одна из загадочных древних культур, происхождение которой и ее этническая принадлежность еще не нашли своего решения. В последнее время эта культура привлекает пристальное внимание многих индийских ученых: археологов, этнографов, историков. Ибо решение ее теснейшим образом связано с вопросом происхождения дравидо-язычных народов.

Проведена классификация мегалитических памятников, тщательно изучаются древние реликвии, найденные в них. Некоторые ученые считают, что южноиндийский мегалит — пришлая культура, попавшая в страну или с севера — по суше или с запада — по морю. Другие считают, что эта культура имеет местное происхождение. Мы воздержимся здесь от участия в этой дискуссии. Хочется только привести одно мнение, которое, как мне кажется, имеет непосредственное отношение к нашей теме. Индийский ученый Г.Г.Мажумдар считает, что ключевым районом, куда проникала с самого начала мегалитическая культура, был север штата Майсур (сейчас штат Карнатака)^[11]. Туда она проникла через западное побережье Индии, а также Раджастан и Центральную Индию. Оттуда она продвинулась на юг, и в частности в Южный Майсур, где расположен район Курга. Эту идею первоначального вторжения мегалитической культуры или ее носителей в Северный Майсур поддерживает и английский археолог Уиллер. Он считает, что это произошло в конце первого тысячелетия до нашей эры. Основным материалом для такого вывода Уиллеру послужили раскопки мегалитических погребений в Брахмагири — районе, соседнем с Кургом.

Раскопки кургских дольменов начались в середине XIX века. Первым сделал такую попытку миссионер Мёглинг, имя которого уже неоднократно упоминалось в этой книге. В 1856 году он открыл целую группу дольменов в Беппунаде и стал их раскапывать. Несколько позже его примеру последовал английский лейтенант Маккензи, который начал раскопки в 1868 году в районе Вирадждпета. Потом были обнаружены дольмены в Фрейзерпете, на майсурской стороне реки Кавери. Ими занялся капитан Коул, который был в то время английским комиссаром Курга. Коул даже опубликовал статью об этих раскопках в журнале «Индийские древности» в июле 1873 года. Нужно ли говорить о том, что все трое были дилетантами и к археологии, как таковой, отношения не имели. Они многое, возможно, пропустили, хотя и вели раскопки с завидной аккуратностью. Однако материал, полученный в ходе раскопок, дал возможность автору «Справочника по дистрикту Кург» составить более или менее связное описание их результатов. Я позволю себе привести цитату из справочника. «Все дольмены находятся или на уровне земли или чуть приподняты над ней. Они представляют собой каменную камеру семи футов в длину, четырех футов в ширину и четырех футов в высоту, сложенную из четырех гранитных плит семи-восемью инчей толщины. Узкая передняя плита имеет отверстие около двух футов в диаметре, пробитом извне и; ориентированном приблизительно на восток. Иногда каменная плита делит камеру надвое. Эти дольмены иногда располагаются в одиночку, иногда группами, в некоторых случаях они образуют правильные линии, напоминающие улицу. Некоторые из них окружены одинарным или двойным кругом камней от двух до трех футов высоты... Древности, найденные в них, — это своеобразной формы посуда, закопанная в землю, которая наполняет камеры. Сосуды содержат землю, песок, кости, железные наконечники стрел и бусы. Посуда состоит из горшков и урн, сделанных из обожженной глины красного или черного цвета. Некоторые напоминают обычные местные горшки разных размеров; другие представляют собой узкие урны от одного до двух футов высотой, суживающиеся к горлышку и расширяющиеся книзу, с тремя или четырьмя ножками, которые дают им возможность стоять вертикально.

Некоторые, поменьше, имеют форму римских амфор, без ручек и без ножек. Они гладкие и блестящие, но вряд ли специально

глазирования. Узоров на поверхности нет, кроме линии по краю, но их форма пропорциональна и изящна. Некоторые сосуды миниатюрны, как детские игрушки, размером от 1,5 до 2,5 инчей в диаметре. Земля, которая заполняет сосуды, является той же самой, что и в камерах дольменов; кости, пепел, куски шлака обычно находят на дне урн; зерна раги также находят внутри камер... Бусы из красного сердолика, цилиндрические по форме, с длинными отверстиями, украшенные прямыми или зигзагообразными параллельными линиями, процарапанными в камне и заполненными белым веществом, иногда встречаются в меньшей посуде. Железные орудия, наконечники копий и стрел коррозированы так, что форма их едва прослеживается...» Судя по этому описанию и по отчетам некоторых более поздних археологических исследований, содержимое кургских дольменов практически не отличается от того, что было найдено в погребениях подобного типа на остальной территории Южной Индии. Некоторую загадку представляет только миниатюрная керамическая посуда и такие же урны, на которые обратил внимание английский историк Волхауз еще в 1875 году. Ее действительное назначение пока не установлено и остается только делать предположения. Но эта миниатюрная посуда имеет свои живые и мертвые параллели в самой Индии. В Кашмире, например, в мегалитических погребениях, отмеченных менгирами — вертикальными камнями, были найдены миниатюрные керамические вазы. Живущее на Малабаре, в соседнем с Кургом районе, племя муллу-курумба до сих пор кладет в свои захоронения набор специально сделанной такой миниатюрной посуды. Не исключена возможность, что именно эта загадочная посуда и позволит установить нам в будущем какую-либо внешнюю связь кургских дольменов.

При изучении этих дольменов естественно возник вопрос: какому народу они принадлежали? Ответ на него не может быть однозначным. Естественно предположить, что создатели кургских дольменов были тем же народом или группой народов, которые в I–II тысячелетиях до нашей эры населяли Южную Индию, включая и Кург. Но что это был за народ или народы, сказать сейчас трудно. Часть ученых приходит к выводу, что сами курги не имели отношения к мегалитической культуре, открытой на их территории. Вот несколько высказываний. «Неизвестно, кем были создатели этих погребений, но, по-видимому,

народ, населяющий теперь этот маленький дистрикт, определенно не имеет отношения к народу тех времен, когда создавались погребения». И еще: «Ясно, что конструкция этих погребений совершенно выпадает из жизни, обычаев и истории современных обитателей Курга».

Мы не будем столь категоричны и попробуем разобраться в том, что нам уже известно. Известно, что Кург давно населяют две расовые группы. Европеоиды, к которым принадлежат собственно курги, и австралоиды, в группу которых входят представители бывших племен, таких, как иерава, курумба и т. д. Они все существовали бок о бок в течение многих веков, а возможно, и тысячелетий. Они вступали во всякого рода отношения, но браков между ними не было и они почти не смешивались. Однако взаимопроникновение культурных элементов, по-видимому, происходило. Теперь чрезвычайно трудно определить, что собой представляли в древнее время элементы европеоидной культуры и элементы австралоидной культуры. Может быть, решить этот вопрос когда-нибудь и удастся. Но не сейчас. И если мы возьмем культуру этого своеобразного региона в целом, то отрицать наличие мегалитической традиции в ней было бы неправильным. Обычай строить дольмены сохранился у племени курумба, населяющего соседние с Кургом районы Нилгири и Малабара. Эти курумба не утратили до сих пор свою племенную организацию, как это случилось с курумба Курга. Правда, дольмены сегодняшних курумба не играют роли погребений. Дольменную конструкцию имеют их святилища.

Но, может быть, нечто напоминающее дольмены сохранилось и у самих кургов? Я не буду неправа, если отвечу на этот вопрос утвердительно. Алтари-погребения в честь духов предков — каймада имеют дольменную конструкцию с отверстием-окошком, повернутым в сторону восходящего солнца. Материал этих алтарей уже другой, но квадратная форма, присущая древним дольменам, сохранена. Внутри алтаря помещается небольшая камера, где держат изображения предков. И сама связь каймада с погребением какого-то раннего прародителя возвращает нас к традициям древней дольменной культуры. Можно говорить и не только о дольменах. Менгиры и памятные пирамиды, сложенные из камней, — это атрибуты некоторых кургских святилищ и храмов наших дней. До сих пор кургские богини в деревнях символизируются менгирами, в честь погибших героев воздвигаются каменные пирамиды. Все это

теснейшим образом связано и с дольменами — одной из форм общей мегалитической культуры.

Я бы не взяла на себя смелость утверждать, что реликвии, найденные в дольменных захоронениях, не имеют никакого отношения к населению Курга. Даже те, кто решительно отрицает какую-либо связь этого населения с древними дольменами, не утаивают того факта, что керамическая посуда, обнаруженная в погребениях, «напоминает обычные местные горшки разных размеров». Значит, местные горшечники сохранили древнюю традицию. Местные горшечники в Курге представлены так называемыми низшими кастами, выходцами из бывших австралоидных племен. Сами курги производством горшков никогда не занимались. Но и у кургов есть свои связи с древними реликвиями.

Перед тем как поехать в Кург, я побывала в музее в Бангалуре, главном городе штата Карнатака. Многие археологические находки, сделанные в штате, нашли там свое место. Меня интересовали находки из мегалитических погребений Курга. Их, правда, было там немного. Керамика, бусы, наконечники копий и стрел. Но мое внимание привлекла небольшая кучка измельченных костей. Среди костей виднелись какие-то странные осколки. Когда я пригляделась, то поняла, что это фрагменты черных стеклянных браслетов. Тех самых браслетов, которые кургская вдова разбивает и по сей день на месте кремации мужа. Они немного отличались от современных, но смысл их присутствия в древнем мегалитическом захоронении Курга был тем же самым.

Можно попытаться установить еще одну связь. В дольменах, вернее в урнах, которые там помещены, находят разрозненные кости скелетов со следами огня на них. Там же присутствует и пепел. Видимо, обычай кремации, возможно частичной, уже существовал в те отдаленные времена. Курги придерживаются этого обычая до сих пор. Но универсального распространения, как вы знаете, он у них не имеет.

Чтобы получить более или менее полную картину древнего Курга, нам необходимо обратиться еще к одному источнику — антропологии. Антропология имеет дело с различными внешними признаками людей, на основании чего она и проводит классификацию по расам. Расовый состав древней Индии был чрезвычайно разнообразным. Находясь на путях движения различных народов, Индия, и в частности ее южная

часть, приняла на себя не одну миграционную волну. Европеоидный тип, по мнению многих ученых, проник в Индию с запада и севера. В большей степени, чем другие районы мира, Средиземноморье снабдило Индию своими представителями — европеоидами. Индийский этнограф Д.Н.Мажумдар, например, считает, что самая древняя волна средиземноморцев, проникшая в Индию, состояла в основном из европеоидов — короткоголовых, из тех, кого он относит к так называемой альпийской расе. У меня здесь нет возможности подробно останавливаться на расовой истории Южной Индии, соглашаться или опровергать Мажумдара. Я хочу только отметить, что миграция европеоидов в Южную Индию происходила, очевидно, в очень раннее время и различные их типы участвовали в формировании расового состава дравидоязычного населения. Процесс этого формирования растянулся на тысячелетия, поэтому и сейчас в Южной Индии мы можем среди населения, говорящего на дравидийских языках, выделять различные расовые потоки. Курги представляют один из таких потоков. Они являются, как вы помните, европеоидами с тенденцией к брахикранию, или короткоголовью.

Имеет ли этот тип какие-либо древние параллели, связан ли он с теми же мегалитическими захоронениями, о которых уже было рассказано? Во время раскопок в Курге не было найдено черепов или, как мы говорим, краниологического материала. Но зато в других мегалитических погребениях он был найден, и в частности в Брахмагири, расположенном рядом с Кургом. Черепы, извлеченные в Брахмагири, числом не более восьми, были исследованы и обмерены. Как и следовало ожидать, они принадлежали к разным расовым типам. Наличие австралоидных черепов не вызвало ни у кого сомнения. Что же касается черепов, принадлежавших европеоидам, то индийский антрополог Саркар отнес их к скифо-иранскому типу. Другие считают их ярко выраженными средиземноморскими. Как бы там ни было, значительный процент черепов представлял круглоголовых или имел тенденцию к короткоголовью. «Наиболее важным, — отмечал Саркар в одном из своих последних докладов, — является присутствие (в Брахмагири. — Л.Ш.) брахимезокефальных^[12] черепов людей, крепко сложенных и среднего роста»^[13]. Он не относит этих людей к коренному древнейшему слою. Возможно, что эти люди с ярко выраженной тенденцией к короткоголовью и были далекими предками

кургов, создателями мегалитических погребений. По крайней мере тот скупой материал, который находится на сегодняшний день в нашем распоряжении, дает основание сделать такое предположение.

Когда же курги появились в этом районе? Мы знаем, что позже австралоидов. Но это «позже» имеет относительное значение. Когда позже — в каменном веке или когда Южная Индия уже узнала металл? Сказать трудно. Но тем не менее кургов можно отнести к одному из древних расовых слоев Индии.

Что же можно сказать о происхождении кургов после того, как мы с вами познакомились с основными источниками, которые помогают выяснить эту проблему? Пока очень немного. Но сначала о ряде уже высказанных гипотез. В этом отношении Кургу не очень повезло. Гипотез мало. А иные из них отличаются неопределенностью и необоснованностью.

Надо сказать, что некоторых ученых не раз выручал Александр Македонский. Греческий полководец никогда, видимо, и не подозревал, какую большую роль он сыграет в разработке этнической истории Индии. С Александром Македонским и особенно с его солдатами связаны многие гипотезы ученых, касающиеся происхождения загадочных народов и племен Индии. По мнению некоторых ученых, солдаты Александра Македонского были повинны в появлении в Индии этих народов и племен. Курги тоже не избежали такой участи. Кое-кто считает их потомками греческих солдат, хотя известно, что армия Александра Македонского дальше Инда в страну не проникала.

Но оставим армию греческого полководца на совести этих ученых. Следующими на очереди после солдат Македонского стоят различные древние торговцы, приплывавшие в Индию из разных далеких стран. В случае с кургами такими торговцами оказались арабы. И.М.Мутанна, автор книги о Курге, не исключает возможности, что курги являются потомками этих арабских торговцев, и он даже пытается доказать свою мысль сопоставлением некоторых обычаев мусульман-арабов и кургов. Однако это сопоставление не выдерживает критики, как и сама гипотеза. Ибо небольшая группа арабских купцов, появившаяся в средневековой Индии, не могла положить начала целому народу, упоминавшемуся еще в древних литературных источниках страны.

Существует также мнение (правда, оно высказывается не очень часто), что курги — это те арии, которые вторглись в Индию во втором тысячелетии до нашей эры и сумели тогда же продвинуться на юг. Однако и арийская гипотеза не имеет под собой серьезных оснований. Отсутствие у кургов кастовой системы, непричастность их к веддическим ритуалам и знаниям, отсутствие связей их языка с индоарийскими — все это свидетельствует против такой гипотезы. Хотя и можно предположить, что какое-то проникновение арийского элемента в кургскую среду происходило.

Две нижеследующие гипотезы заслуживают более серьезного отношения, нежели все предыдущие, хотя у них много слабых сторон и они страдают бездоказательностью. Но в них заключены определенные возможности для дальнейших исследований. Одна из них исходит из предположения, что курги представляют собой группу доарийского населения Южной Индии и связаны в какой-то степени с очагами древней культуры Индии — Мохенджо-Даро и Хараппой. Эта культура уходит своими корнями в III тысячелетие до нашей эры. Ее центры располагались в основном в Северной Индии в долине Инда. Вот что пишет английский этнограф Хаттон в первом томе переписи Индии за 1931 год: «Очевидно проще и правильнее принять точку зрения, что ветвь брахицефалов предшествовала ариям. Мы можем предположить, что они пришли в долину Инда в течение периода Мохенджо-Даро и распространились вниз до западного побережья Индии вплоть до Курга, образовав физический базис кургов». Эту точку зрения поддержал индийский дравидолог Генри Херрас. Херрас долгое время занимался изучением культуры Мохенджо-Даро и даже пытался расшифровать надписи на стеатитовых печатях, найденных там во время археологических раскопок. Херрас утверждает, что ему удалось обнаружить среди этих надписей слово, напоминающее «кург». Однако вряд ли такое конкретное слово существовало в те отдаленные времена. Да и методика расшифровки надписей Мохенджо-Даро Херрасом до сих пор подвергается сомнению у ученых-лингвистов.

Более убедительным материалом для доказательства связи кургов с культурой Мохенджо-Даро могли служить черепа, найденные в Мохенджо-Даро и Хараппе и обследованные рядом ученых-антропологов. Среди этих черепов были брахикранные, то есть

короткоголовые. Антропологи Р.Севелл и Б.Гуха отнесли часть их к альпийскому типу. Немецкие ученые Г.Фредерике и Г.Мюллер определили их как арменоидные. Оба типа характеризуют европеоидов. Однако советский антрополог В.П.Алексеев придерживается иной точки зрения в оценке брахикранности этих черепов. «Единичные брахикранные черепа из Мохенджо-Даро, — пишет он, — по всей вероятности, следствие нормальной изменчивости черепного указателя в любой краниологической серии. Они не имеют расогенетического значения и не свидетельствуют о примеси инородного компонента»^[14]. Такого рода мнение имеет под собой определенные основания, однако окончательным считаться не может. Появление новых черепов, найденных при дальнейших раскопках центров культуры Мохенджо-Даро, не исключает изменения этой точки зрения. Подводя итог тому, что говорилось выше, мы должны прийти к выводу, что связь кургов или, вернее, их предков, с культурой Мохенджо-Даро не доказана и сохраняет до сего дня гипотетический характер.

Вторая гипотеза, высказанная английским этнографом и антропологом Гербертом Рисли, делает предков кургов моложе, по крайней мере на две тысячи лет. Рисли относит кургов к так называемому скифо-дравидийскому типу. Я не буду вдаваться в обсуждение самого термина «скифо-дравидийский», не буду давать ему оценку с точки зрения антропологической правомерности. В гипотезе Рисли не это главное. Главное состоит в том, что он относит кургов к сравнительно поздней группе после арийского населения^[15]. В середине первого тысячелетия до нашей эры в Северную Индию регулярно вторгались кочевники из Средней Азии. В истории их называют саками. Они принадлежали к группе скифских народов. На их основе в Индии и прилегающих к ней районах возникла Кушанская империя, где большое распространение имел буддизм. Саки, или скифы, пишет Рисли, «были народами или ордами всадников. Это были коренастые люди с широкими лицами, высокими скулами, небольшого роста. Они искусно пользовались луком». Английский ученый относит их к брахикранной расе. Он полагает, что в первые века до нашей эры арии и другие кочевые народы оттеснили саков на юг. Там они, смешавшись с дравидами, и сформировали тот

антропологический тип, который Рисли называет «скифо-дравидийским» и к которому относит кургов.

Это утверждение Рисли пока никаких доказательств не имеет. Среди возражений, которые можно выдвинуть против его гипотезы, самое серьезное заключается в том, что передвижение скифов-саков в Индии происходило в период, когда в стране уже существовала письменность и были созданы ранние буддийские хроники. Но ни в одном письменном источнике того времени мы не находим следов этого передвижения или подтверждения появления кочевников на юге. Однако история древних народов полна неожиданностей. И поэтому я не исключаю возможности того, что гипотеза Рисли в будущем получит кое-какие доказательства.

Во всей этой разноголосице гипотез и предположений, зачастую отрицающих одна другую, все-таки сформировалось более или менее единое мнение. Почти никто не отрицает, что курги являются пришельцами и проникли они в Южную Индию с северо-запада. Но когда это произошло, — на этот счет единого мнения нет. Их проникновение в Южную Индию растянуто учеными на несколько тысячелетий.

На основании того, что сказано, можно также сделать предположение, что предки кургов являлись ветвью средиземноморской европеоидной расы, которая в течение ряда веков проникала в Южную Индию и приняла участие в формировании современных дравидов. Средиземноморцы были в основном доликоцефалы, или длинноголовые. Однако появления среди них группы с тенденцией к брахикранности исключать пока не приходится.

Курги, несмотря на свои отличия от остального населения Южной Индии, — отличия, которые сложились в результате долгой изоляции их страны, тем не менее имеют немало общего с соседними дравидоязычными народами и кастами. Особенно теми, кто населял Малабар: найярами, тулу, каннара и т. д. Эта общность позволяет нам утверждать, что курги являются неотъемлемой частью дравидийских народов. Их особенности и отличия только подтверждают сложность исторического и этнического процессов формирования этих народов. И мне хочется еще раз повторить свою мысль о том, что вопрос происхождения кургов тесно связан с еще нерешенной общей

проблемой происхождения дравидоязычных народов Южной Индии и может быть решен только в едином комплексе с этой проблемой.

* * *

Я не предполагала, что случайная встреча с двумя кургами на дасире майсурского махараджи в октябре 1964 года будет иметь для меня далеко идущие последствия. Но тем не менее это произошло. Курги покорили меня не только загадочностью своего происхождения, но и человеческими качествами: прямоотой характера, искренней доброжелательностью и, конечно же, широким кургским гостеприимством.

В Курге у меня появилось много друзей, и друзей настоящих. Все, что было сделано мною в этом горном районе, совершено при их горячем участии. Без этого участия я бы, конечно, не смогла узнать так много о кургах и Курге. И поэтому я испытываю чувство благодарности к этому небольшому и своеобразному народу. Народу, который является частью многонациональной страны, называющейся Индией.

Примечания

1

Талукдар — глава малой административной единицы — талука.

2

Биран — старинная кургская монета, равная 3,5 рупий.

3

Традиционный друг.

4

Друг, нанятый для этого случая.

5

C.U.Aitchison. A collection treaties engagements and sanads. Vol. IX. Calcutta, 1909, p. 279 (*К.У.Этчисон. Собрание договоров, соглашений и санад. Т. IX. Калькутта, 1909, стр. 279. Санада — договор с княжеством*).

6

C.U.Aitchison, p. 280–281.

7

Там же, стр. 282–283.

8

C.U.Aitchison, p. 284.

9

Annual Report of the Mysore Archaeological Departament for the Year 1941. Mysore, 1942, p. 115 (Годовой отчет археологического департамента Майсура за 1941 г. Майсур, 1942, стр. 115).

10

H.Moegling. Coorgs memoirs. Baugalore, 1855, p. 203–204.

11

O.O.Majumdar. Problem of Place and Red ware. — «Seminar papers on the problem of Megaliths in India». Varanasi, 1969, p. 84.

12

Мезо (латин.) — средний.

13

H.Sarkar. Megalithic monuments of the Lower Krishna Basin. — «Seminar papers on the problem of Megaliths in India». Varanasi, 1969, p. 26.

14

В.П.Алексеев. Антропологический состав населения древней Индии. — Сб. «Древняя Индия». М., 1964, стр. 24.

15

H.H.Risley. The people of India. Delhi, 1969, p. 58–60.